

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

18

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 18

Saint Petersburg
2018

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 18

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 18. 190 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 18. 190 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 18 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» А. А. Малютина с соавторами, Л. Б. Кирчо и группа исследователей во главе с М. А. Кульковой публикуют новую информацию об археологических источниках, полученную современными естественно-научными методами. В работе А. В. Полякова рассмотрен вопрос о выделении локальной группы кротовской культуры, синхронной окуневским памятникам. Анализ антропоморфных элементов изображений на оленных камнях Тувы проведен М. Е. Килуновской и Вл. А. Семёновым. С. Ю. Монахов с соавторами публикует комплекс гераклейских амфор 390-х гг. до н. э. В. С. Синика с соавторами вводит в научный оборот новые материалы раскопок скифского кургана в Приднестровье. В. И. Кулаков в обширной статье рассматривает этнокультурную ситуацию на Янтарном берегу в первые века нашей эры. Серия статей посвящена проблемам древнерусской и средневековой археологии — от сфрагистики и нумизматики (С. В. Белецкий, К. В. Горлов и О. В. Рожнова) и обобщения результатов изучения Выборга (А. И. Сакса) до технологии изготовления железного инвентаря (статья В. Л. Щербакова). Итоги археологических исследований Санкт-Петербурга подведены в статье В. А. Лапшина и Н. Ф. Соловьёвой. В разделах «Из истории науки» и «Хроника» публикуются материалы заседаний, посвященных памяти сотрудников Отдела истории античной культуры И. Б. Брашинского и В. И. Денисовой.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейедам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 18th issue of the “Transactions of IHMC RAS” introduce recent discoveries and studies in archaeology and ancient history. A. A. Malyutina with co-authors, L. B. Kircho, and a group of researchers headed by M. A. Kulkova publish new information obtained with the use of modern scientific methods. A. V. Polyakov considers the question of singling out a local group of Krotov culture sites, synchronous to the Okunev sites. The analysis of anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia is presented in the work by M. E. Kilunovskaya and Vl. A. Semenov. S. Yu. Monakhov with co-authors publish a complex of Heracleian amphorae from Berezan island. V. S. Sinica with co-authors introduce new materials from a Scythian barrow in the Dniester region. T. R. Sadykov describes bone arrowheads of the first half of the I millennium AD from Tuva. The voluminous paper by V. I. Kulakov analyzes the ethno-cultural situation on the Amber coast in the first centuries of the Common Era. A series of papers deals with the problems of Old Russian and Medieval archaeology, including sphragistics and numismatics (S. V. Beletsky, K. V. Gorlov with O. V. Rozhnova), recent works at the early medieval Staraya Ladoga (A. L. Aleksandrovsky with co-authors) and medieval Vyborg (A. I. Saksa), and manufacturing technology of iron artifacts (V. L. Shcherbakov). V. A. Lapshin and N. F. Solovyova discuss some results of recent archaeological works in St. Petersburg. The sections “From the History of Science” and “Chronicle” contain materials dedicated to the memory of I. P. Brashinsky and V. I. Denisova.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. А. Малютина, Н. Н. Кривальцевич, А. М. Кульков.</i> Особенности обработки и использования костного и рогового сырья стоянки эпохи неолита Кузьмичи 1 (бассейн р. Припять, Республика Беларусь)	9
<i>Л. Б. Кирчо.</i> О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке	20
<i>А. В. Поляков.</i> К вопросу о хронологическом соотношении материалов кротовской и окуневской культур (на примере могильника Сопка-2)	28
<i>М. А. Кулькова, А. М. Кульков, М. Т. Кашуба, М. Н. Ветрова, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Особенности технологии «погребальной» керамики раннего железного века в Северном Причерноморье по данным рентгеновской 3D-микротомографии	40
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов.</i> Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии	50
<i>С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова, Д. Е. Чистов, Н. Б. Чурекова.</i> Комплекс амфор Гераклеи Понтийской из ямы № 41 (1968 г.) на о. Березань	60
<i>В. С. Синика, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко.</i> Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра	69
<i>Т. Р. Садыков.</i> Костяные наконечники стрел первой половины I тысячелетия нашей эры в Туве.....	80
<i>В. И. Кулаков.</i> Начало готского пути в Восточную Европу	89
<i>А. Л. Александровский, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, Е. И. Александровская, В. В. Скрипкин.</i> Почвообразование на территории Старой Ладogi в неолите и раннем средневековье	99
<i>С. В. Белецкий.</i> Древнерусские пломбы из Старой Ладogi	105
<i>В. Л. Щербаков.</i> Новые данные о технологии изготовления железного инвентаря сельских поселений Угличского течения Волги	133
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг в первой половине — середине XVI в., или каким был город во время Микаеля Агриколы (к 500-летию Реформации)	139
<i>К. В. Горлов, О. В. Рожнова.</i> Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье	149
<i>В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва.</i> Проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса на примере Санкт-Петербурга	158

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>С. Н. Астахов.</i> Исследования палеолита в Туве в 1999–2012 гг.	171
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Памяти И. Б. Брашинского. К 90-летию со дня рождения	175
<i>Н. И. Брашинская.</i> Неизвестное о моем отце и семье Брашинских	182

ХРОНИКА

<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928–1982)	184
<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти В. И. Денисовой (Пругло) (1929–2016)	186
Список сокращений	188

CONTENS

RESEARCH PAPERS

<i>A. A. Malyutina, N. N. Krivaltsevich, A. M. Kulkov.</i> Special aspects of processing and use of bone and antler raw materials at the Neolithic site Kuzmichi 1 (the Pripyat basin, Republic of Belarus)	9
<i>L. B. Kircho</i> On the function of so called stone lamps from the Bronze Age of South Central Asia and Middle East	20
<i>A. V. Polyakov.</i> Towards the question of the chronological relationship between the Krotov and Okunev cultures (with particular reference to the Sopka-2 cemetery)	28
<i>M. A. Kulkova, A. M. Kulkov, M. T. Kashuba, M. N. Vetrova, N. A. Gavrilyuk, E. Kaiser.</i> Technological characteristics of the “burial” pottery from the Early Iron Age of the North Black Sea region as revealed by X-ray 3D microtomography	40
<i>M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov.</i> Anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia	50
<i>S. Yu. Monakhov, E. V. Kuznetsova, D. E. Chistov, N. B. Churekova.</i> Complex of amphorae from Heraclea Pontica, pit No. 41 (1968), Berezan island	60
<i>V. S. Sinica, N. P. Telnov, S. D. Lysenko.</i> Scythian barrow with children’s burials on the left bank of the Lower Dniester	69
<i>T. R. Sadykov.</i> Bone arrowheads of the first half of the I millennium AD in Tuva	80
<i>V. I. Kulakov.</i> The beginning of the Gothic movement to Eastern Europe	89
<i>A. L. Aleksandrovsky, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva, E. I. Aleksandrovskaya, V. V. Skripkin.</i> Soil formation at Staraya Ladoga in the Neolithic and Early Medieval time	99
<i>S. V. Beletsky.</i> Old Russian seals from Staraya Ladoga	105
<i>V. L. Shcherbakov.</i> New data on the manufacturing technology of iron artifacts from the rural settlements of the Uglich area	133
<i>A. I. Saksa.</i> Vyborg in the first half and the middle of the XVI c., or what the town was like in the times of Mikael Agricola (on the occasion of the 500 th anniversary of the Reformation)	139
<i>K. V. Gorlov, O. V. Rozhnova.</i> Coin hoard of the Time of Troubles from the fortress of Koporie	149
<i>V. A. Lapshin, N. F. Solovyova.</i> Problems of cultural layer protection in urban metropolitan conditions (with particular reference to St. Petersburg)	158

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic studies in Tuva in 1999–2012	171
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> To the memory of I. B. Brashinsky. On the occasion of the 90 th birth anniversary	175
<i>N. I. Brashinskaya.</i> Unknown facts about my father and the Brashinskys family	182

CHRONICLE

<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of I. B. Brashinsky (1928–1982)	184
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of V. I. Denisova (Pruglo) (1929–2016) ..	186
List on abbreviations	188

СТАТЬИ

ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСТНОГО И РОГОВОГО СЫРЬЯ СТОЯНКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА КУЗЬМИЧИ 1 (БАССЕЙН р. ПРИПЯТЬ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)¹

А. А. МАЛЮТИНА, Н. Н. КРИВАЛЬЦЕВИЧ, А. М. КУЛЬКОВ²

Ключевые слова: *неолит, стоянка Кузьмичи 1, кость, рог, клык кабана, болотная черепаха, технология обработки, функциональный анализ, трасология.*

В рамках экспериментально-трасологического метода изучена технология обработки и использование 20 костяных изделий неолитического поселения Кузьмичи 1 (Любанский р-н, Минская обл., Республика Беларусь) (IV — начало II тыс. до н.э.). По результатам проведенного анализа были идентифицированы: костяная проколка, строгальный нож из клыка кабана, подвеска из кости или рога, костяной наконечник дротика, орнаментированные миски-чашки из панциря болотной черепахи (рис. 1; 2). В технологии обработки костного материала использовались: раскалывание; продольное расщепление и поперечное разламывание по предварительно вырезанным пазам; термическая обработка (вываривание); строгание и скобление кремневыми орудиями; абразивная шлифовка; сверление отверстий; нанесение кремневым орудием декоративных нарезок (рис. 5, 2). Уникальной особенностью стоянки Кузьмичи 1 является украшение нарезным орнаментом и, по всей видимости, использование в качестве посуды панциря болотной черепахи. Необычной для восточноевропейских памятников неолита является технология оформления аккомодационной части ножа из клыка кабана в виде просверливания отверстия и выделения черенка (рис. 1, 1). Судя по костным остаткам, производство костяных изделий происходило непосредственно на стоянке. Полученная информация расширяет и дополняет сведения о хозяйственно-культурной специфике как отдельного археологического памятника, так и эпохи неолита для территории современной Беларуси в целом.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-9-19

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0006 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)».

² А. А. Малютина — Экспериментально-трасологическая Лаборатория, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; Н. Н. Кривальцевич — Отдел археологии первобытного общества, Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, 220072, Республика Беларусь; А. М. Кульков — Ресурсный центр «Рентген-дифракционные методы исследования», СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199155, Россия.

Введение

Неолитическое поселение Кузьмичи 1 находится в 2 км к СЗ от д. Кузьмичи (Любанский р-н, Минская обл., Беларусь), в бассейне левобережных притоков р. Припять. Памятник открыт и исследован раскопками в 2000–2002 гг. Н. Н. Кривальцевичем (Кривальцэвіч 2003). Остатки поселения обнаружены на возвышенном юго-восточном берегу и в литеральной зоне оз. Кузьмичское. На площади 130 м² изучена нижняя часть поселения, расположенная на уровне уреза воды озера (Кузьмичи 1Б). Культурные отложения озерной части памятника состояли из деревянных остатков, фрагментов керамики, изделий из кости, рога, зубов, кремневого инвентаря, остеологического материала, мелких разрозненных камней и др. (Кривальцевич и др. 2008; Кривальцевич 2014).

Сравнительно-типологический анализ археологического материала в целом позволяет отождествлять комплекс Кузьмичи 1Б с III–IV этапами восточнополесского варианта днепро-донецкой культуры, выделенных В. Ф. Исаенко (Исаенко 1976), и периодом проникновения в регион традиций круга культур шнуровой керамики. Эти этапы и период датируются началом IV — началом II тыс. до н. э. Большинство радиоуглеродных дат, полученных для озерной части поселения Кузьмичи 1, относится к началу–середине IV — концу III тыс. до н. э. (Кривальцевич 2016).

Культурный слой в озерной части поселения (Кузьмичи 1Б) располагался на том уровне, который, по-видимому, начал заселяться в периоды значительного понижения воды в озере, то есть во время крупных регрессий. Возможно, что часть культурных остатков оказалась на дне в процессе повседневной хозяйственной деятельности жителей неолитической стоянки в прибрежной зоне (Кривальцевич 2014: 148).

Предполагается, что Кузьмичи 1 было местом временных сезонных стоянок в период поздней весны, лета и осени. Основное занятие жителей поселения — охота и рыболовство. Большое значение в сезонном промысле принадлежало добыче болотной черепахи. Кроме того, были определены кости домашних животных (Зерницкая, Кривальцевич 2014; Кривальцевич и др. 2008; Кривальцевич 2014; 2016).

Костяные и роговые изделия со следами обработки, обнаруженные на озерной части поселения (Кузьмичи 1Б), сравнительно немногочисленны и представлены 20 предметами, в основном фрагментарными. К особой категории костяных изделий со следами обработки относятся 10 фрагментов щитков карапакса болотной черепахи (*Emys orbicularis*).

Степень сохранности исследованных находок различна. В большинстве случаев внешняя поверхность изделий сильно изменена в процессе залегания в слое и последующей реставрации, что делает их трасологический анализ невозможным. Однако те предметы, которые сохранили оригинальную поверхность, представляют интерес для изучения их технологии и использования по оставшимся на них макро- и микроследам.

Работа с материалами проводилась с помощью экспериментально-трасологического метода (Семёнов 1957; Коробкова, Щелинский 1996). Все предметы были изучены под бинокулярным микроскопом МБС-9 при косом освещении и с увеличением до 104 раз. Обнаруженные следы износа фиксировались с применением размягченной в химически чистом ацетоне ацетатной пленки. Фотофиксация микроследов (встроенное освещение, рабочее увеличение при фотосъемке от 25 до 200 крат) с полученных ацетатных слепков проведена на поляризационном

микроскопе Leica DM 4500 P с использованием программы Leica Application Suite. В качестве сравнительного материала при анализе макро- и микроследов обработки и использования применялись созданные А. А. Малютиной экспериментальные эталоны орудий из кости, рога и зубов.

Выбор сырья

Для изготовления орудий и изделий жители древнего поселения Кузьмичи 1 использовали кости следующих промысловых животных: нижний клык дикого кабана (*Sus scrofa*) (рис. 1, 1), щитки карапакса болотной черепахи (*Emys orbicularis*) (рис. 2), рог тура (*Bos primigenius*) (рис. 5, 1), боковые метаподии (рис. 1, 2, 4, 5) и рог (рис. 1, 3) благородного оленя (*Cervus elaphus*), а также другие трубчатые кости, степень работанности и сохранности которых не позволяет определить их видовую принадлежность (рис. 1, 6–9). При этом среди остеологических материалов поселения преобладают остатки именно болотной черепахи, которая была объектом добычи весной и летом (Кривальцевич и др. 2008). Массово представлены и кости остальных перечисленных выше животных, которые использовали для обработки и изготовления изделий (Там же: 154–158).

Технология обработки и использование

По результатам проведенного трасологического анализа макро- и микроследов были определены следующие категории изделий из костяного и рогового сырья:

Проколки. Заготовкой для одного изделия (рис. 1, 6) послужил фрагмент небольшой трубчатой кости, полученной ее раскалыванием, на одном конце которого было оформлено острие. Следы последующей обработки строганием почти полностью сnivelированы последующим утилитарным износом. На острие орудия обнаружены хорошо выраженные следы использования (рис. 4, 1), покрывающие все его плоскости — гладкая поверхность с интенсивным блеском и тонкими линейными микроследами (с ровными краями и зауженным окончанием). Линейные микроследы располагаются продольно и поперечно основной оси орудия, местами образуя тонкие перекрестия. Такое расположение линейных следов показывает, что материал прокалывали с последующим проворачиванием. По экспериментальным данным подобные следы микроизноса возникают при прокалывании шкур (рис. 4, 2).

Еще два предмета (рис. 1, 2 и 5) могут быть отнесены к проколкам условно (следы обработки на них не сохранились). Однако такие же предметы — боковые метаподии благородного оленя часто применялись (и без инструментальной подправки) в качестве проколов в разных культурах древности.

Строгальный нож из нижнего клыка дикого кабана представлен единственным экземпляром (рис. 1, 1). Изделие выполнено на пластине. Способ получения таких пластин до сих пор остается дискуссионным. По результатам специальных экспериментов, проведенных А. А. Малютиной, такие пластины из клыков кабана можно получить после термической обработки (длительного вываривания в чистой воде). Дентин после этого становится мягким и клык можно расщеплять (разрывать), разделяя по предварительно надрезанным пазам. Полученная заготовка в дальнейшем может быть обработана строганием и шлифовкой. При этом эмаль зуба не теряет своей прочности и, в совокупности с пришлифованным дентином, формирует острое и прочное лезвие, которое можно использовать длительное время.

Судя по экспериментальным данным, заготовка орудия со стоянки Кузьмичи 1 была получена именно таким образом. Вся внутренняя сторона пластины затем была обработана строганием и абразивной шлифовкой. Проксимальный конец изделия (та часть клыка, которая находилась в челюсти животного) был намеренно сужен, а затем в нем просверлено отверстие (для крепления рукояти?). Скорее всего, суженная часть была функционально обусловлена и подготовлена специально, хотя все грани предмета на этом участке сильно сглажены, так что следы обработки не сохранились. Такой износ (мягко сглаженный рельеф, интенсивный блеск, многочисленные бессистемные линейные следы) характерен для аккомодационных частей орудий. Анализ поверхности отверстия дает основания полагать, что рукоять плотно прилежала к одному краю — ближе к вырезанному в проксимальной части сужению (схематично показано на рис. 1, 1). Вероятно, орудие имело рукоять (деревянную?), которая крепилась к пластине за счет отверстия и выступа с помощью кожного шнура.

На дистальном конце пластины зафиксирован хорошо сформированный утилитарный износ, покрывающий боковые и фронтальные плоскости острия (глубина распространения износа показана точками на рис. 1, 1). Лучше всего макро- и микроследы использования читаются со стороны эмали и на примыкающих к ней боковых гранях. Кромка лезвия здесь сильно выкрошена, а сама эмалевая поверхность покрыта густой «паутиной» линейных следов с преобладанием выраженных, крупных, поперечных к основной оси изделия борозд и царапин (рис. 3, 1–2). Острый кончик орудия мягко притуплен, а линейные микроследы и заполировка почти полностью сnivelировали следы обработки внутренней, дентинной стороны пластины. По экспериментальным данным А. А. Малютиной и наблюдениям других исследователей, подобные следы образуются в результате разрезания, сдирания и скобления свежей коры (рис. 3, 3).

Использование орудий из клыков кабана (пластин или клыков целиком) для обработки древесины было широко распространено на памятниках мезолита–неолита (Maigrot 2001; Zhilin 1998). Однако специальное оформление аккомодационной части в виде просверленного отверстия и выделения черенка — специфическая особенность изготовления этого изделия в Кузьмичах 1. Орудия подобного типа характерны для неолитических культур Центральной Европы (Schibler 2013).

Подвеска. В качестве заготовки для единственной подвески послужила небольшая роговая пластина (рис. 1, 3), из которой было вырезано будущее украшение. Размеры подвески: длина — 2,1 см, ширина — 1,9 см, толщина — 0,6 см. С помощью шлифовки все грани изделия были тщательно сглажены. На одной, более плоской стороне подвески, в узкой части предмета сохранились еле заметные поперечные следы уплощающей подвески и скобления. Затем здесь было просверлено отверстие. На внешней, выпуклой стороне подвески, в районе отверстия также имеется поперечное углубление, сделанное специально. Края углубления мягко сглажены — результат контакта с нитью (шнурком), за которую подвеска плотно крепилась и не имела свободного вращения. Микрорельеф плоской поверхности отличается интенсивным блеском — эта сторона плотно прилежала к одежде.

На территории Белорусского Полесья аналогичная костяная подвеска известна на поселении неолита — бронзового века Гривковичи 1 в низовьях р. Стырь (Юў, Крывальцэвіч 1999: 55, рис. 3, 12). Близкие по форме костяные украшения

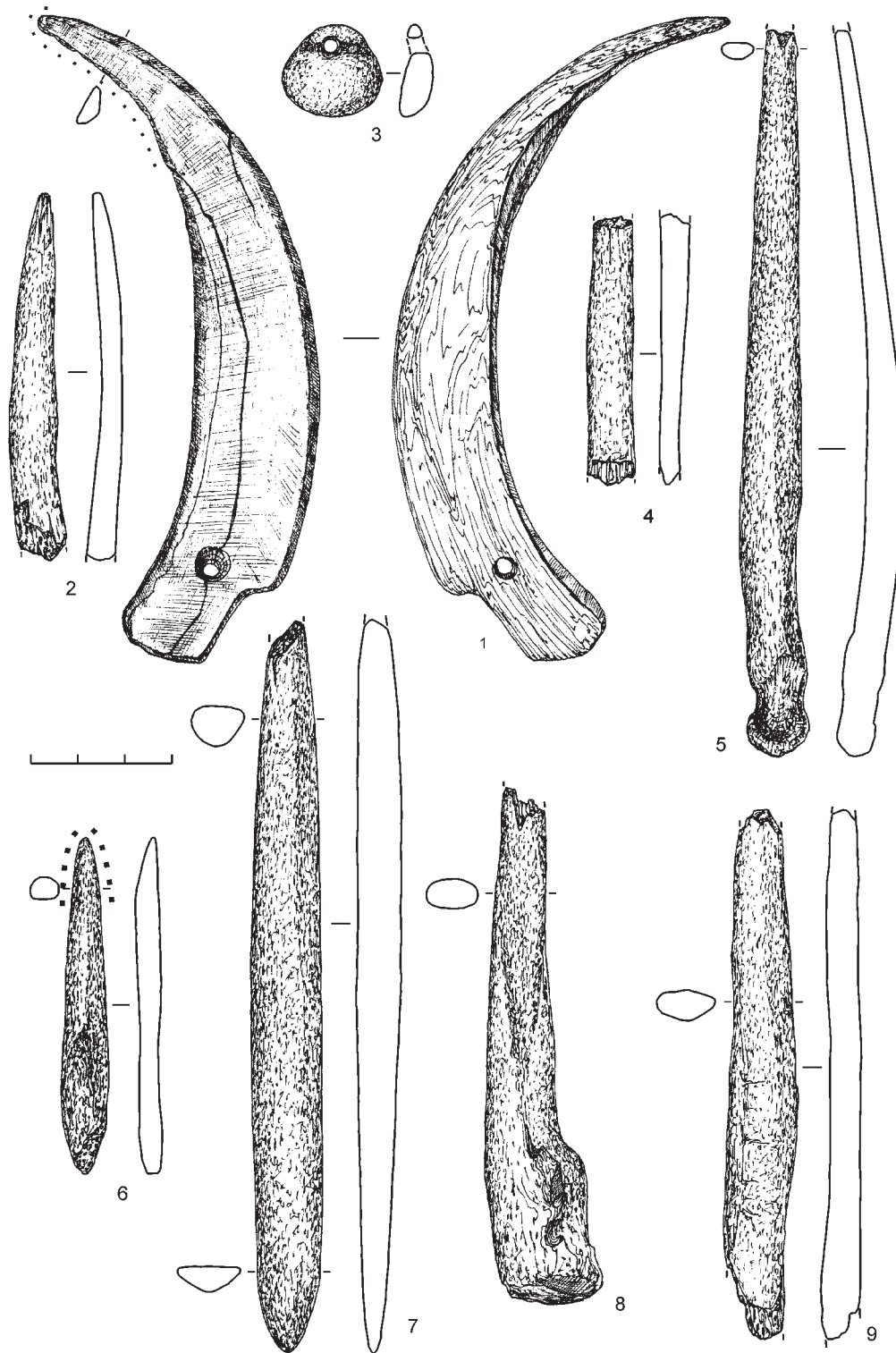

Рис. 1. Стоянка Кузьмичи 1, изделия из кости, рога и зубов: 1 — строгальный нож; 2, 5, 6 — проколки; 3 — подвеска; 4 — кость со следами обработки; 7 — наконечник дротика; 8, 9 — кости без следов обработки и использования (рисунки здесь и далее А. А. Малутиной)

Fig. 1. Kuzmichi 1 site, artifacts made of bone, antler and teeth: 1 — plane knife; 2, 5, 6 — perforators; 3 — pendant; 4 — bone with traces of working; 7 — dart head; 8, 9 — bones showing no traces of working or use (here and below drawings by A. A. Malyutina)

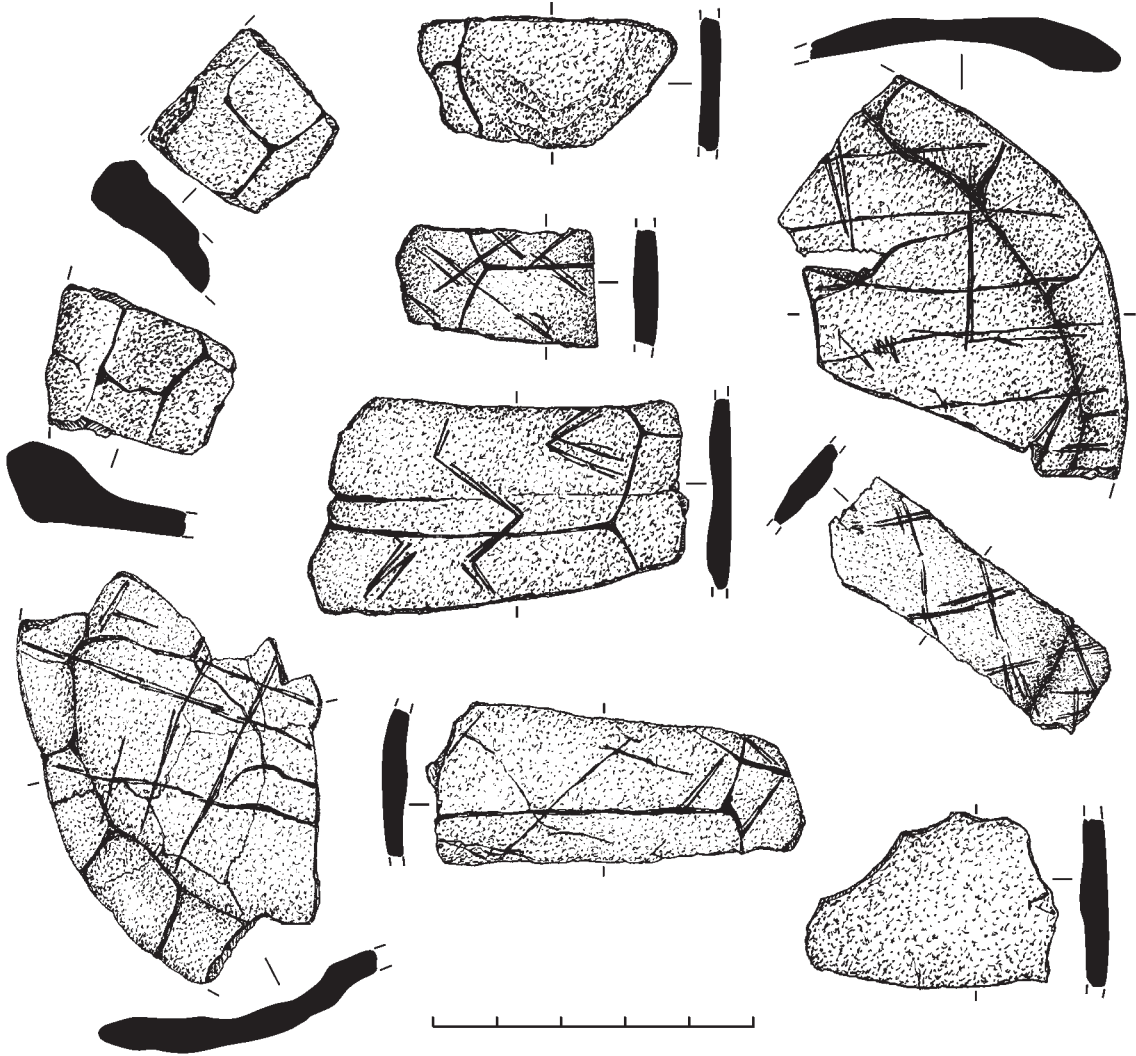
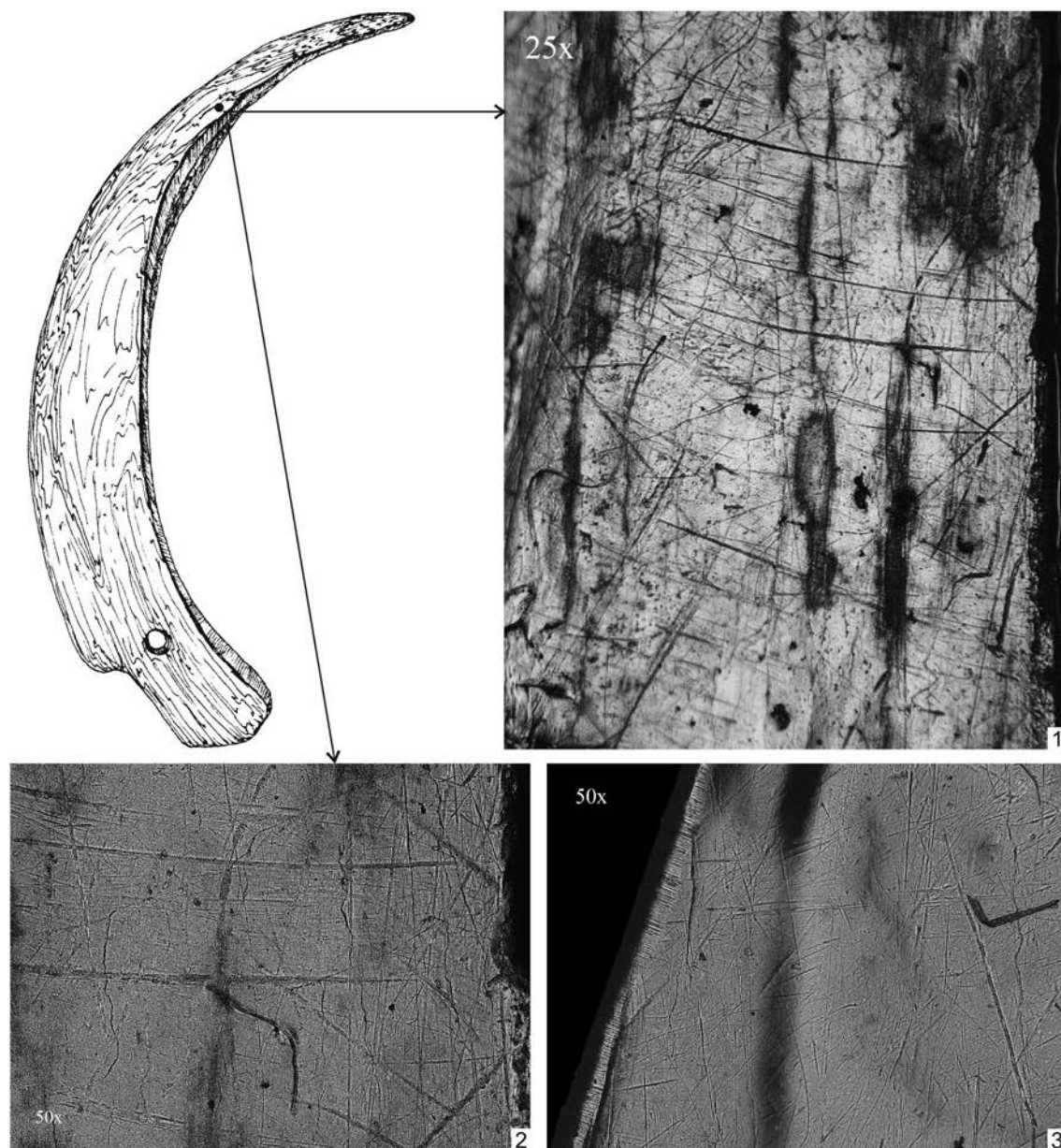

Рис. 2. Стоянка Кузьмичи 1, фрагменты панциря болотной черепахи со следами обработки
 Fig. 2. Kuzmichi 1 site, fresh-water turtle shell fragments with traces of working

обнаружены в погребениях конца III тыс. до н.э. на Волыни (см., например: Свешніков 1974: 111, рис. 38, 18).

Наконечник дротика. Среди материалов стоянки выделяется единственный наконечник дротика (рис. 1, 7). Длина сохранившейся части изделия — 15,3 см. Он изготовлен на диафизе трубчатой кости. После отделения обоих эпифизов диафиз кости был продольно расщеплен по предварительно вырезанным пазам. Внутренняя плоскость заготовки была обработана с помощью продольного строгания. На одном конце изделия с помощью скобления и шлифовки оформлен листовидный, постепенно сужающийся насад. Противоположный конец частично утрачен, но, скорее всего, это было округлое в сечении острие. Микрорельеф поверхности изделия имеет удовлетворительную сохранность, но глубина реставрации не позволяет анализировать ее на предмет макро- и микроследов износа. Исходя из технико-морфологических особенностей, изделие использовали в качестве наконечника метательного вооружения при охоте.

Рис. 3. Следы использования (разрезание и сдирание свежей коры) на эмаливой поверхности: 1, 2 — древнего изделия из нижнего клыка дикого кабана, стоянка Кузьмичи 1 (1 — увеличение 25х; 2 — увеличение 50х; фотографии здесь и далее А. А. Малютиной); 3 — экспериментального орудия (увеличение 50х)

Fig. 3. Use wear traces (cutting and barking) on the enamel surface of: 1, 2 — ancient artifact made of wild boar tusk from Kuzmichi 1 (1 — magnification 25х; 2 — magnification 50х; here and below photographs by A. A. Malyutina); 3 — experimental tool (magnification 50х)

Изделия из панциря черепахи. Как уже было сказано выше, добыча болотной черепахи (*Emys orbicularis*) имела большое значение в промысловой деятельности людей, останавливавшихся на древнем берегу Кузьмичского озера. В остеологической коллекции Кузьмичи 1 насчитывается 2681 щиток карапакса болотной черепахи, среди которых представлено 178 загравковых щитков, а также костальные (реберные),

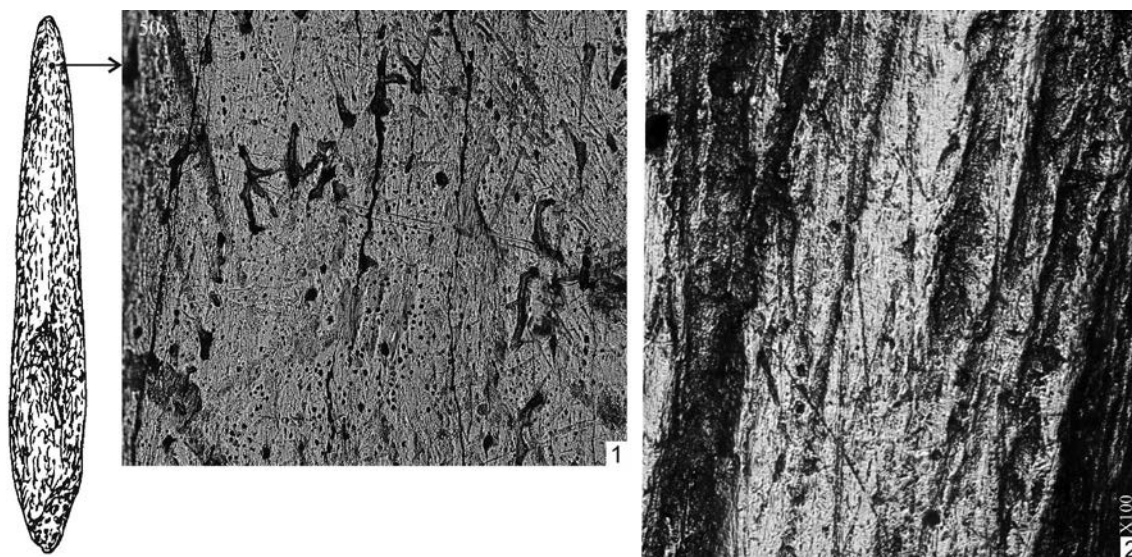

Рис. 4. Следы использования (прокалывание шкур): 1 — на орудии из трубчатой кости, стоянка Кузьмичи 1 (увеличение 50×); 2 — на экспериментальном орудии (увеличение 100×)

Fig. 4. Use wear traces (piercing of hide): 1 — on a tool made of a tubular bone, Kuzmichi 1 site (magnification 50×); 2 — on an experimental tool (magnification 100×)

маргинальные (краевые) щитки и их фрагменты (Кривальцевич и др. 2008: 154–155). Особое значение имеют 10 фрагментов карапакса черепахи со следами скобления по внутренней стороне и орнаментом на внешней, выпуклой стороне щитков (рис. 2). Технологические следы скобления кремневым орудием располагаются редкими группами в виде неглубоких, коротких борозд и связаны с удалением отростков карапакса, внутренних мягких тканей панциря. На внешней стороне некоторых щитков также обнаружены редкие следы скобления. Помимо этого, здесь с помощью кремневого резца сделаны тонкие длинные надрезы, которые складываются в геометрический орнамент (рис. 5, 2). Макро- и микроследы, связанные с возможным использованием предмета в быту, не обнаружены. Вероятно, древние люди использовали естественно-вогнутую форму панциря черепахи в качестве мисок-чашек для хранения жидкостей, сыпучих материалов. На сегодняшний день известны случаи использования панциря болотной черепахи в разных сферах древнего хозяйства. Так, в мезолитических слоях торфяниковой стоянки Замостье 2 было обнаружено единственное изделие, определенное как орудие для мездрения шкур (Клементе 2001). Следует также упомянуть о находках остатков болотной черепахи в погребениях позднего неолита — раннего периода бронзового века на территории Украины, Польши, Восточной Прибалтики, Белорусского Поднепровья (Кривальцевич и др. 2008: 155), что свидетельствует об определенном внимании к этому животному и его роли в жизни людей того времени.

Предметы со следами обработки. На двух предметах стоянки были зафиксированы следы поперечного резания: это целый рог тура (рис. 5, 1) с тонким кольцевым надрезом в центральной части, представлявшим собой разметку будущего технологического паза для разрубания, и небольшой фрагмент боковой метаподии (рис. 1, 4) со следами от пазов, по которым были отломаны остальные части кости.

Рис. 5. Стоянка Кузьмичи 1: 1 — рог тура со следами поперечного резания; 2 — фрагмент карапакса болотной черепахи со следами резания (геометрический орнамент)

Fig. 5. Kuzmichi 1 site: 1 — aurochs antler with traces of transverse cutting; 2 — turtle carapace fragment with traces of cutting (geometric pattern)

Эти предметы не несут следов использования, но свидетельствуют о том, что производство костяных и роговых изделий происходило непосредственно на стоянке.

Также к орудиям ранее относились два фрагмента трубчатой и плечевой костей (рис. 1, 8, 9), но последние наблюдения показали, что следов обработки и использования на поверхности предметов нет. Вполне возможно, что время пребывания в слое и последующая реставрация полностью уничтожили микрорельеф поверхности костей, а с этим и возможные свидетельства их использования в быту.

Выводы

Немногочисленный, но функционально и типологически разнообразный костяной материал хорошо иллюстрирует отдельные хозяйственно-промысловые стороны жизни древнего населения стоянки Кузьмичи 1. Охота на лесных и водоплавающих животных давала не только пищу, но и сырье для изготовления предметов прикладного и утилитарного характера. Люди, пришедшие к древнему озеру, хорошо знали, как подготавливать костяное и роговое сырье и что из него можно сделать, чтобы потом эффективно использовать в быту или на охоте. Костный и роговой инвентарь стоянки отражает как способность адаптироваться

к новым природным ресурсам (охота на болотную черепаху и использование ее панциря), так и сохранение более древних техник и способов использования орудий (строгальный нож из клыка кабана).

Литература

Зерницкая, Кривальцевич 2014 — *Зерницкая В. П., Кривальцевич Н. Н.* Динамика природных изменений и деятельности человека неолита и эпохи бронзы в районе оз. Кузьмичское: Случско-Оресская озерно-аллювиальная низменность Полесья (по материалам палинологических и археологических исследований) // Мазуркевич А. Н. и др. (ред.). Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: ММК (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.). СПб.: Периферия, 2014. С. 154–160.

Исаенко 1976 — *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976. 128 с.

Іоў, Кривальцэвіч 1999 — *Іоў А. В., Кривальцэвіч М. М.* Новыя паселішчы неалітычнага перыяду і эпохі бронзы ў нізоўях ракі Стыр // ГАС. 1999. № 14. С. 54–60.

Клементе 2001 — *Клементе К. И.* Уникальный рабочий инструмент из панциря черепахи со стоянки Замостье 2 // Манушина Т. Н., Вишневский В. И., Лозовский В. М., Лозовская О. В. (ред.). Каменный век европейских равнин: ММК (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г.). Сергиев-Посад: Подкова, 2001. С. 311–313.

Коробкова, Щелинский 1996 — *Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.

Кривальцевич 2014 — *Кривальцевич Н. Н.* Кузьмичи 1 — неолитическое поселение на озере Кузьмичское (бассейн Припяти): некоторые результаты археологических и естественнонаучных исследований // Мазуркевич А. Н. и др. (ред.). Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: ММК (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.). СПб.: Периферия, 2014. С. 147–153.

Кривальцевич 2016 — *Кривальцевич Н. Н.* Радиоуглеродное датирование материалов поселения Кузьмичи 1 (бассейн Припяти) // Зайцева Г. И. и др. (ред.). Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография. Смоленск: Свиток, 2016. Гл. 3. С. 290–296.

Кривальцевич и др. 2008 — *Кривальцевич Н. Н., Разлуцкая А. А., Бахарев В. А.* Некоторые результаты археозоологических исследований на неолитическом поселении Кузьмичи 1 (Предполесье Беларуси) // Сорокин А. Н. (ред.). Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН, 2008. С. 147–161.

Кривальцэвіч 2003 — *Кривальцэвіч М.* Даследаванне помнікаў неаліту і эпохі бронзы на Палессі // ГАС. 2003. № 18. С. 259–260.

Свешніков 1974 — *Свешніков І. К.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ : Наукова думка, 1974. 206 с.

Семёнов 1957 — *Семёнов С. А.* Первобытная техника. М.; Л.: Наука, 1957. 240 с. (МИА СССР. № 54).

Maigrot 2001 — *Maigrot Y.* Technical and functional study of ethnographic (Irian Jaya, Indonesia) and archaeological (Chalain and Clairvaux, Jura, France, 30th century B. C.) tools made from boars' tusks // Beyries S., Petriequin P. (eds.). Ethno-archaeology and its transfers: 5th annual meeting, European Association Archaeologists (Bournemouth, 14th–19th September, 1999). Oxford: Archaeopress, 2001. P. 67–79 (BAR IS. 983).

Schibler 2013 — *Schibler J.* Bone and antler artefacts in wetland sites // Menotti F., O'Sullivan A. (eds.). *The Oxford handbook of Wetland Archaeology*. Oxford: Taylor and Francis Ltd., 2013. P. 339–355.

Zhilin 1998 — *Zhilin M.* Artefacts made of animals teeth and jaws in the Mesolithic of Eastern Europe // Pearce M., Tosi M. (eds.). *Pre- and protohistory: 3rd Annual Meeting, European Association Archaeologists* (Ravenna, 24–28 September, 1998). Oxford: Archaeopress, 1998. P. 26–30 (BAR IS. 717).

SPECIAL ASPECTS OF PROCESSING AND USE OF BONE AND ANTLER RAW MATERIALS AT THE NEOLITHIC SITE KUZMICH I (THE PRIPYAT BASIN, REPUBLIC OF BELARUS)

A. A. MALYUTINA, N. N. KRIVALTSEVICH, A. M. KULKOV

Keywords: *Neolithic, Kuzmichi 1 site, bone, antler, wild boar tusks, fresh-water turtle, processing technology, functional analysis, traceology.*

Processing technology and use of 20 osseous articles from the Neolithic settlement of Kuzmichi 1 (IV — early II mil. BC) in the Minsk oblast of Belarus were studied within the framework of the experimental-traceological method. The accomplished analysis allowed to identify a bone perforator, a plane knife of wild boar tusk, a pendant made of bone or antler, a bone darthead, ornamented cups-bowls made of fresh-water turtle shell (Fig. 1; 2). The osseous materials were processed by means of flaking, longitudinal splitting and transversal breaking along previously prepared grooves, heat treating (boiling), planing and scraping with flint tools, abrasive grinding, drilling, incising (decorative incisions) with flint tools (Fig. 5, 2). Kuzmichi 1 is unique for the presence of fresh-water turtle shell fragments decorated with an incised pattern, that seem to have been used as vessels. Uncommon for the Neolithic of East Europe is also the technology employed to form the accommodation part of the knife made of wild boar tusk (Fig. 1, 1). Judging from bone remains, the production of bone articles took place directly on site. The obtained information enriches our knowledge of the Neolithic economy and culture on the territory of the present-day Belarus.

О ФУНКЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КАМЕННЫХ СВЕТИЛЬНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ¹

Л. Б. КИРЧО²

Ключевые слова: *эпоха бронзы, Южный Туркменистан, Южный Таджикистан, Иран, Афганистан, Пакистан, каменные сосуды для приготовления (смешивания) косметики.*

Статья посвящена анализу новых данных о так называемых каменных светильниках, без сомнения принадлежащих к выдающимся находкам эпохи бронзы юга Центральной Азии (Южный Туркменистан и Южный Таджикистан) и Среднего Востока (Иран, Афганистан, Пакистан) (рис. 1–3). Изучение состава их содержимого современными физико-химическими методами показало, что они являлись косметическими сосудами. Своеобразие формы, размеры внутренних емкостей и наличие специально подогнанных крышек показывают, что они служили не для хранения косметики, как другие типы каменных сосудов, а для приготовления (смешивания) косметических средств. Такие сосуды, наряду с каменными сосудами для хранения косметики, входили в стандартный набор погребального инвентаря элитарных групп населения второй–третьей четверти III тыс. до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-20-27

Введение

Так называемые каменные светильники, без сомнения, принадлежат к категории выдающихся находок эпохи бронзы юга Центральной Азии (Южный Туркменистан и Южный Таджикистан) и Среднего Востока (Иран, Афганистан, Пакистан) (рис. 1). Это вытянутые подцилиндрические, конические или подквадратные в сечении предметы, изготовленные в основном из мраморовидных пород камня³ и,

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0010 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Мраморовидную полосчатую породу беловатого и светло-кремового цветов (изредка — с коричневыми прожилками), из которой изготавливали «светильники», косметические сосуды, небольшие статуэтки и украшения, в русскоязычной литературе часто называют мраморовидным известняком. По определению петрографа Г. М. Ковнурко, эта порода представляет собой чередование прослоек полупрозрачного кальцита и белого непрозрачного доломита. В зарубежной литературе этот камень обычно именуют кальцитом. Геологи (а за ними и археологи) Таджикистана определяют его как оникс, но здесь следует добавлять, что это мраморный оникс (карбонат кальция) — еще одно наименование такого камня на русском языке.

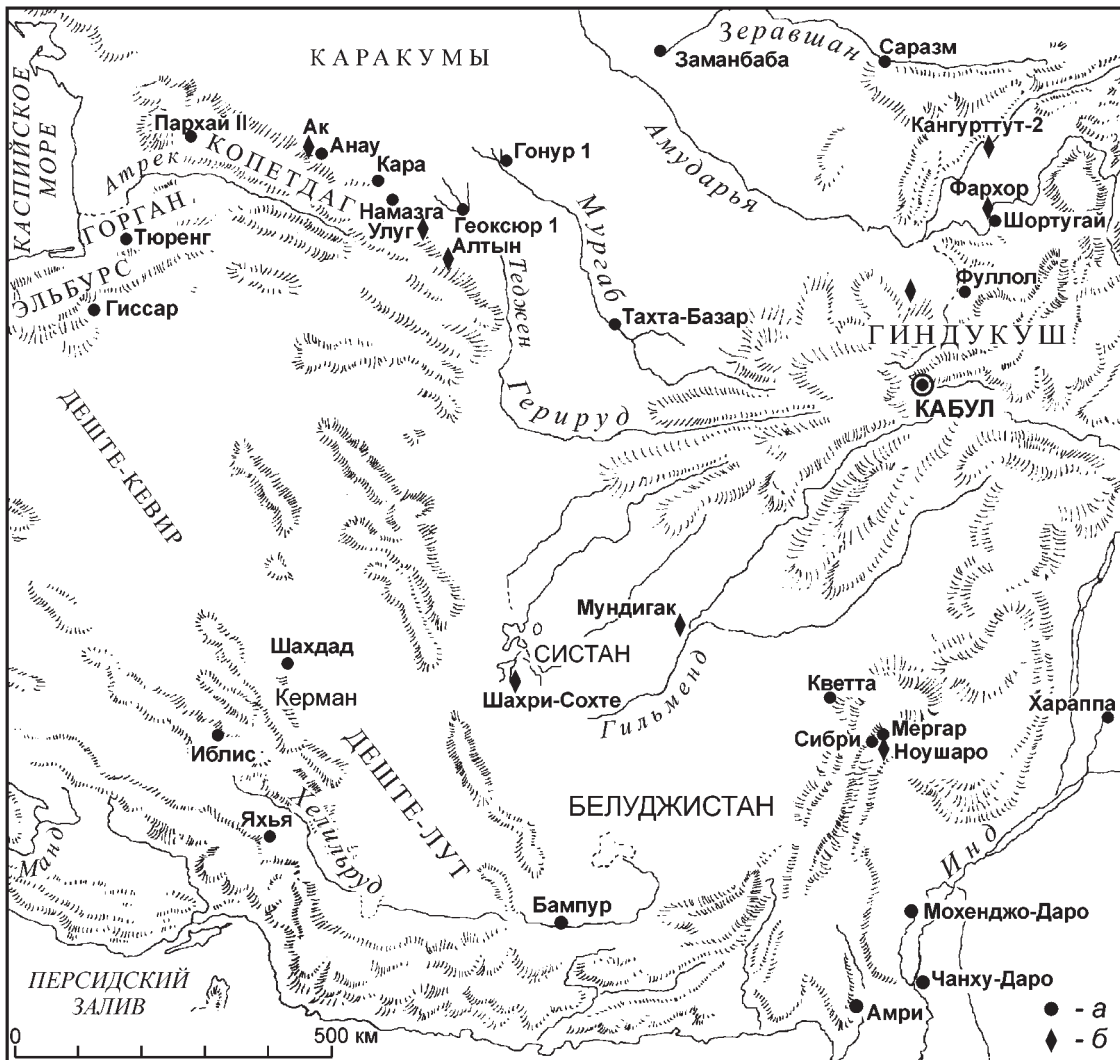

Рис. 1. Схематическая карта Средней Азии и Среднего Востока (по: Amiet 1986 с дополнениями автора): а — памятники конца IV–III тыс. до н. э.; б — памятники III тыс. до н. э., на которых найдены каменные сосуды-емкости для приготовления (смешивания) косметики

Fig. 1. Schematic map of Central Asia and Middle East (after Amiet 1986, with modifications): а — sites of the late IV–III mil. BC; б — sites of the III mil. BC, which yielded stone vessels-containers for preparing (blending) cosmetics

очень редко, из обожженной глины (рис. 2, 1, 23; 3, 10). В верхней части «светильников» высверлена специальная емкость, которая часто накрыта усеченно-конической, подцилиндрической или подквадратной в плане крышкой с небольшим отверстием (рис. 2 и 3). Причем эти крышки, судя по материалам Алтын-депе, обычно изготовлены не только из того же материала, что и «светильник», но прямо из одного куска камня, что видно по полному совпадению не совсем правильного контура нижней поверхности крышки и верхней поверхности «светильника» (рис. 2, 3, 7, 18, 25). Боковая поверхность большинства «светильников» гладкая, полированная. В ряде случаев на стенках или внутри емкости находилась темная субстанция.

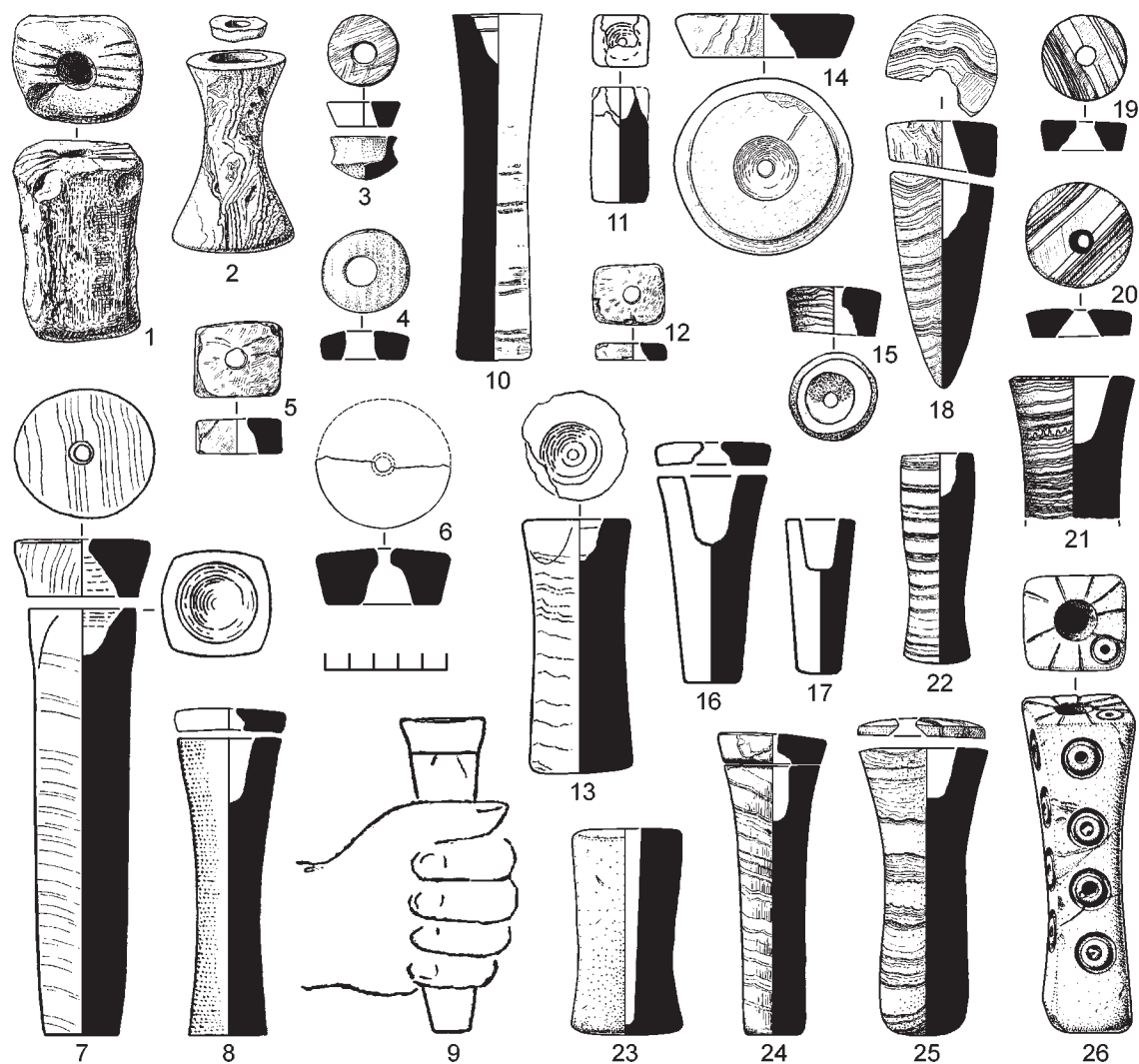

Рис. 2. Южный Туркменистан, Алтын-депе и Ак-депе (10 — по: Сарияниди 1976, без масштаба), сосуды для приготовления (смешивания) косметики, отдельные крышки таких сосудов (4–6, 12, 14, 15, 19, 20) и способ их использования (9 — реконструкция В. Б. Зернова) времени Намазга IV — раннего и среднего Намазга V (1 и 2): 1 — период Алтын 2; 2 — период Алтын 3; 3–8 — период Алтын 4; 10, 16, 17 — ранний бронзовый век; 11–14 — период Алтын 5; 15 — период Алтын 6; 18–21 — период Алтын 7; 22–26 — период Алтын 8 (1, 23 — терракота; 3 — стеатит; 26 — красновато-шоколадный камень; остальное — мраморовидный известняк/кальцит/мраморный оникс)

Fig. 2. South Turkmenistan, Altyn-depe and Ak-depe (10 — after Сарияниди 1976, not to scale), vessels for preparing (blending) cosmetics, lids for such vessels (4–6, 12, 14, 15, 19, 20) and the way they were used (9 — reconstruction by V. B. Zernov). Namazga IV — early and middle Namazga V (1 and 2): 1 — Altyn period 2; 2 — Altyn 3 period; 3–8 — Altyn 4 period; 10, 16, 17 — Early Bronze Age; 11–14 — Altyn 5 period; 15 — Altyn 6 period; 18–21 — Altyn 7 period; 22–26 — Altyn 8 period (1, 23 — terracotta; 3 — steatite; 26 — reddish-chocolate flint; the rest — marble-like limestone/calcite/marble onyx)

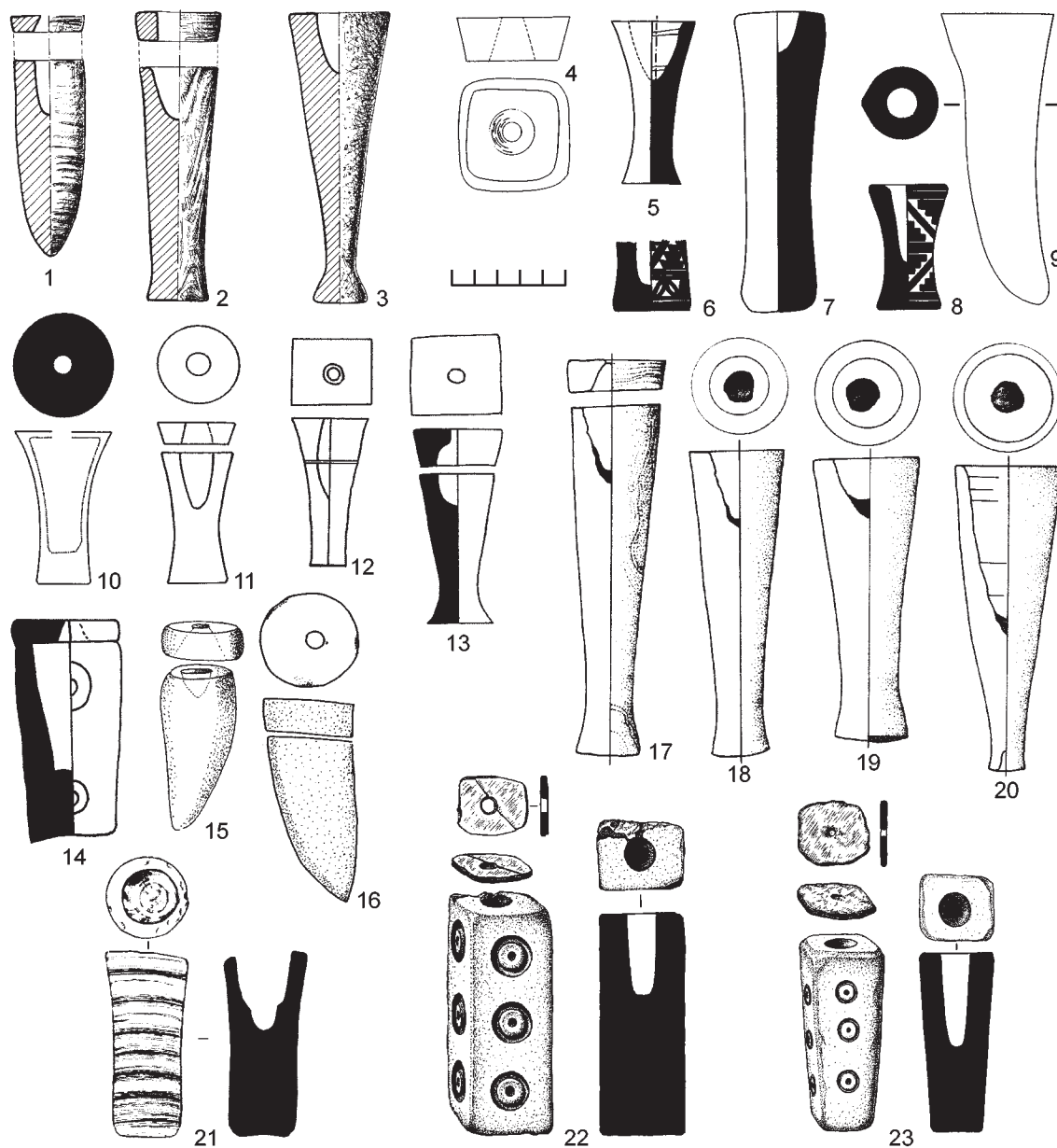

Рис. 3. Каменные и терракотовый (10) сосуды для приготовления (смешивания) косметики и крышка такого сосуда (4) из памятников Среднего Востока и Южного Таджикистана: 1–3 — Северный Афганистан (по: Pottier 1984); 4–9 — Мундигак периодов III,6–IV,3 (по: Casal 1961); 10–20 — Шахри-Сохте (10–16 — типы таких сосудов периодов I/II–IV по: Sajjadi 2003, без масштаба; 17–20 — сосуды периодов II–III, по: Vidale et al. 2016); 21 — Кангурттут-2, погр. 5 (по: Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. 2017; 22 и 23 — Фархор, погр. 18 и 19 (по: Бобомуллоев и др. 2017)

Fig. 3. Terracotta (10) and stone vessels for preparing (blending) cosmetics and a lid of such a vessel (4) from Middle East and South Tajikistan: 1–3 — Northern Afghanistan (after Pottier 1984); 4–9 — Mundigak, 6–IV,3 periods (after Casal 1961); 10–20 — Shahr-e Sukhteh (10–16 — types of these vessels from periods I/II–IV after Sajjadi 2003, not to scale; 17–20 — vessels from periods II–III, after Vidale et al. 2016); 21 — Kangurtut-2, burial 5 (after Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. 2017; 22 and 23 — Farhor, burials 18 and 19 (after Бобомуллоев и др. 2017)

Археологический контекст

На Алтын-депе — наиболее полно изученном памятнике энеолита и бронзового века Южного Туркменистана такие изделия, часто вместе с крышечками, представлены в период ранней — начале периода средней бронзы (времени Намазга IV — раннего Намазга V, около 2800/2700–2300-х гг. до н. э.) в инвентаре «богатых» женских захоронений и в наземных погребальных камерах, содержавших последовательные коллективные погребения (рис. 2, 2, 3, 7, 8, 16, 17, 22, 24–26). Поврежденные «светильники» или отдельные крышечки найдены также в культурных напластованиях Алтын-депе (рис. 2, 1, 4–6, 11–15, 18–21, 23). Автором была предложена типология таких изделий и, на основании трасологических наблюдений Г. Ф. Коробковой, рассмотрены приемы их изготовления (Кирчо 2005: 411–412; 2014: 68–71, рис. 3). На Алтын-депе наиболее ранний, подквадратный в плане «светильник» был изготовлен из красновато-коричневого камня и украшен циркульным кружковым (солярным?) орнаментом⁴ с углублениями в центре, куда были вставлены мелкие кусочки бирюзы (рис. 2, 26). В Южном Туркменистане подцилиндрические каменные «светильники» были обнаружены также на Ак-депе (рис. 2, 10; Сарияниди 1976: 96, рис. 15, 15) и в захоронениях на Улуг-депе (Сарияниди, Качурис 1968: 343) и являются типичным компонентом комплекса периода ранней бронзы.

Впервые же такие предметы были найдены при раскопках поселения Мундигак периодов III,6–IV,3 в Южном Афганистане (рис. 3, 5–9; Casal 1961: fig. 135, 11–11d, 12) и интерпретированы Ж.-М. Касалем как рукояти орудий, а подквадратная крышка (рис. 3, 4) — как подставка для лучкового сверла (Ibid.: 236). Значительная коллекция «светильников» и крышечек была получена при многолетних раскопках Шахри-Сохте — крупного раннегородского центра в Иранском Систане, как на поселении (Tosi 1969: fig. 41, a–d, s, t), так и в могилах периодов I/II–IV (Piperno, Tosi 1975: 195; Piperno, Salvatori 2007; Sajjadi 2003: tabl. 8, fig. 40, a–c, type 1, 2a, 2b). Первоначально итальянские специалисты также рассматривали эти изделия как рукояти орудий (Tosi 1969). Интересно, что на Шахри-Сохте подцилиндрический «светильник», украшенный кружковым орнаментом (рис. 3, 14), входил в инвентарь захоронения женщины периода I/II, практически синхронного началу периода ранней бронзы на Алтын-депе.

Представлены «светильники» и в материалах из разграбленных погребений Северного Афганистана, опубликованных М.-Х. Потье (рис. 3, 1–3; Pottier 1984: 38–39, fig. 37, pl. XXXI, 261, 264). Недавно три таких каменных предмета обнаружены в Южном Таджикистане — в индивидуальных захоронениях женщины и мужчины могильника Фархор найдены подквадратные в сечении «светильники», украшенные кружковым орнаментом (рис. 3, 22, 23; Бобомуллоев и др. 2017: 46–47, рис. 11, 5; 12, 1), а подцилиндрическое изделие находилось в инвентаре погребения женщины могильника Кангуртут-2 (рис. 3, 21; Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. 2017: 41, рис. 9, 1)⁵.

⁴ Солярные мотивы в росписи глиняной посуды широко представлены в материалах позднего энеолита (3200–2800/2700 гг. до н. э.) на Кара-депе (Массон 1960: табл. VIII, 24; XXII, 1, 12, 15, 20), а в Сузах периода II найден блок известняка, украшенный идентично выполненными кружковыми мотивами (Amiet 1986: ill. 12).

⁵ В статье М. Видали с соавторами приведены данные о еще двух находках интересующих нас предметов — на поселении Ноушаро периода Мергар VII и на памятнике Конар-Сандак в Кермане (Vidale et al. 2016: 5, fig. 4).

Функциональная характеристика

Интерпретация этой категории предметов в качестве светильников была предложена В. И. Сарияниди (1976: 96) на основании находки на Улуг-депе изделия с «закопченной» внутренней емкостью и крышечкой, в которой сохранились остатки органического «фитиля», и постепенно была принята российскими и итальянскими исследователями. Лишь иранский археолог С. М. С. Саджади рассматривал «светильники» как косметические сосуды-флаконы (Sajjadi 2003: 81, 85).

Эта последняя точка зрения нашла свое подтверждение в 2015 г., когда итальянскими специалистами из Падуанского университета под руководством М. Видали методом оптической рентгенографии (X-ray powder diffraction) был изучен состав вещества, находившегося внутри или на стенках «светильников» и крышек, а также ряда конических и подцилиндрических каменных сосудов из Шахри-Сохте. Оказалось, что так называемые светильники действительно являлись сосудами для косметики (Vidale et al. 2016), в основе состава которой находились преимущественно соли свинца, а в качестве красящих примесей выступали минералы меди и некоторые другие.

Проверка этих результатов была осуществлена М. А. Кульковой (кафедра геологии и геоэкологии РГПУ им. Герцена, СПб.) с помощью метода электронного-сканирующего микрондирования. Был проанализирован порошок, содержащийся внутри сосуда-«светильника» (рис. 2, 24), обнаруженного на Алтын-депе в составе группы предметов (вероятно, инвентаря погребения). По составу и стратиграфическому положению эта находка датируется самым концом позднего энеолита или скорее началом периода ранней бронзы. Порошок представлял собой светло-зеленую краску на основе карбонатов свинца (свинцовые белила) и примесей хлоридов и сульфидов меди зеленого цвета.

Таким образом, так называемые светильники и другие каменные сосуды содержали краску и являлись косметическими сосудами. М. Видали полагает, что все они служили для хранения косметики. Однако мы считаем, что «светильники» нельзя рассматривать просто как емкости для косметических средств. В Южном Туркменистане сосуды для косметики (или масел), изготовленные из кристаллического гипса (алебаstra) или, гораздо реже, из мраморовидного известняка (кальцита с прослойками доломита), появляются на поселениях Кара-депе и Геоксюр 1 уже в конце IV тыс. до н. э., в позднем энеолите (время Намазга III; Массон 1960: табл. XVII, 1–6, 8, 9; XVIII, 14; Сарияниди 1965: рис. 11, 1; табл. XXVI, 3, 13, 15). Более того, на Алтын-депе выявлены специализированные участки по изготовлению таких косметических сосудов (Кирчо и др. 2008: 164–166, рис. 27, 28). Среди разнообразных по форме каменных сосудов преобладают сосуды-флаконы, суживающиеся к горлу, и все они (как и более поздние каменные сосуды эпохи бронзы) имеют уплощенное, устойчивое дно и явно могли служить для хранения (а часть, возможно, и для приготовления) косметики. Принципиальное отличие косметических сосудов-«светильников» заключается, во-первых, в своеобразии их формы, явно приспособленной для держания в руке (рис. 2, 9)⁶ (большинство этих сосудов сужаются в нижней части и крайне неустойчивы) и, во-вторых, в наличии специальных, плотно

⁶ Вероятно, именно потому что эти сосуды удобно ложатся в руку, Ж.-М. Касаль выдвинул предположение об использовании их в качестве рукоятей орудий.

подогнанных крышек. Кроме того, сам внутренний объем емкости очень мал. Можно полагать, что они служили для одновременного приготовления небольшого количества жидкой косметической краски светлых оттенков. Именно для равномерного смешивания минерального порошка и жидкости нужна была плотно пригнанная крышка со сквозным отверстием, через которое, вероятно, вводили специальную палочку (деревянную⁷ или металлическую) для размешивания. Такой сосуд для приготовления (смешивания) косметики вместе с каменным флаконом (или несколькими каменными сосудами) для хранения, медными зеркалом и стержнем для нанесения косметики входили в стандартный туалетный набор «богатых» женских захоронений второй–третьей четверти III тыс. до н. э. на Алтын-депе.

Выводы

Эти данные о специализированных каменных сосудах для приготовления косметики открывают новые возможные направления исследования культуры элиты Центральной Азии и Среднего Востока. Наиболее перспективными являются изучение происхождения и распространения косметических манипуляций и состава косметических средств, содержимого узкогорлых косметических флаконов из камня, керамики и металла (которые широко распространились в среднем и позднем бронзовом веке, сменяя каменные сосуды-«светильники»), а также новые исследования антропологических материалов, так как соли свинца должны были проникнуть в кости скелета.

Литература

Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. 2017 — *Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б.* Кангурттут-2 — новый памятник эпохи средней бронзы на юге Таджикистана // Акрами З. И. (отв. ред.). Кангурттут. Материалы археологической экспедиции 2015–2016 гг. Душанбе: Чопхонаи До-ниш, 2017. Вып. 1. С. 28–53.

Бобомуллоев и др. 2017 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б.* Результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. Вып. 1. С. 42–67.

Кирчо 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Массон В. М., Берёзкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Кирчо 2014 — *Кирчо Л. Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Алёшкин В. А. (отв. ред.) и др. Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 62–85 (Тр. ИИМК РАН. Т. 42).

Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).

Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. Т. 10. С. 319–463.

⁷ Остатки деревянной палочки находились в отверстии крышки сосуда-«светильника» в одном из погребений Шахри-Сохте.

Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 4: Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (САИ. Вып. БЗ-8).

Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Массон В. М., Атагарриев Е. (ред.). Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Блым, 1976. С. 82–111.

Сарианиди, Качурис 1968 — *Сарианиди В. И., Качурис К. А.* Раскопки на Улуг-депе // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 342–345.

Amiet 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C., Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986. 332 p. (Notes et documents des musées de France. 11).

Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961. Vol. 1–2. 260 p., 140 figs et 45 pl. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).

Piperno, Salvatori 2007 — *Piperno M., Salvatori S.* The Shahr-i Sokhta graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972–1978. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Centro Scavi e Ricerca Archologica, 2007. 390 p. (Reports & Memoires. New Series. Vol. 6).

Piperno, Tosi 1975 — *Piperno M., Tosi M.* The graveyard of Shahr-i Sokhta, Iran // *Archaeology*. 1975. Vol. 28, no. 3. P. 186–197.

Pottier 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.

Sajjadi 2003 — *Sajjadi S. M. S.* (with contributions by Foruzanfar F., Shirazi R. and Baghestani S.). Excavations at Shahr-i Sokhta. First preliminary report of the excavations of the graveyard 1997–2000 // *Iran*. 2003. Vol. 41. P. 21–97.

Tosi 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the Second campaign, September–December 1968 // *East and West*. 1969. Vol. 19, nos. 3–4. P. 109–122.

Vidale et al. 2016 — *Vidale M., Salviulo G., Zorzi F., Mocchiutti I.* Cosmetics and cosmetology at Shahr-i Sokhta // *Iran*. 2016. Vol. 54.2. P. 1–24.

ON THE FUNCTION OF SO CALLED STONE LAMPS FROM THE BRONZE AGE OF SOUTH CENTRAL ASIA AND MIDDLE EAST

L. B. KIRCHO

Keywords: *Bronze Age, South Turkmenistan, South Tajikistan, Iran, Afghanistan, Pakistan, stone vessels for preparing (blending) cosmetics.*

The paper deals with the analysis of new evidence about one of the brightest categories of archaeological finds from the Bronze Age of Central Asia (South Turkmenistan and South Tajikistan) and Middle East (Iran, Afghanistan, Pakistan) — so called stone lamps (Fig. 1–3). The study of these objects with the use of modern physical and chemical methods has revealed that they were used as cosmetic vessels. The peculiar form of these vessels, their internal volume, and the presence of carefully adjusted lids show that they, unlike some other types of stone vessels, served not for storing but for preparing (blending) cosmetic substances. These vessels, alongside those that served for storing, were a part of the standard set of burial goods typical of the elites of the second–third quarters of the III mil. BC.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛОВ КРОТОВСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА СОПКА-2)¹

А. В. ПОЛЯКОВ²

Ключевые слова: *кротовская культура, Барабинская лесостепь, окуневская культура, Минусинские котловины, эпоха ранней бронзы, хронология.*

В статье рассматривается хронологическое соотношение могильника кротовской культуры Сопка-2/4 Б, В (Барабинская лесостепь) и древностей окуневской культуры Среднего Енисея. В их материалах были выделены сходные культовые изделия и характерные типы предметов: луновидные подвески, диски и мраморные шары с отверстием, костяные колечки с насечками по краю, заостренные с одного края костяные пластинки (рис. 1; 2). Комплекс этих изделий свойствен уйбатскому этапу окуневской культуры, датирующемуся XXVI–XXIII вв. до н. э. В кротовском могильнике Сопка-2/4 Б, В погребения с этими предметами компактно локализованы на его юго-восточном краю. Вторая группа аналогий связана с особой позой умерших (на спине с ногами, согнутыми в коленях и поднятыми вверх), похороненных в укороченных могилах (рис. 3). Подобные захоронения характерны для окуневской культуры, а в могильнике Сопка-2/4 Б, В они составляют тип 2, локализующийся на его юго-западном краю. Прослежена тесная связь таких погребений с изделиями сеймино-турбинского типа, которые появляются на черновском этапе окуневской культуры (XXII–XX вв. до н. э.). Таким образом, кротовская и окуневская культуры синхронны только отчасти. Их не следует рассматривать как части единого блока культур, имеющих общее происхождение и вектор развития. Кротовская культура сформировалась на несколько столетий раньше и немногочисленные параллели с окуневскими материалами прослеживаются только на относительно позднем этапе ее развития.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-28-39

Введение в научный оборот материалов кротовского могильника Сопка-2 (Сопка-2/4Б, В) имеет огромное научное значение и позволяет по-новому осветить вопрос о хронологическом соотношении кротовских комплексов Барабинской лесостепи и окуневских памятников Среднего Енисея (Молодин, Гришин 2016)³.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Автор выражает самую искреннюю признательность А. Е. Гришину и В. И. Молодину за их замечания и комментарии, высказанные в ходе предварительного обсуждения данной статьи.

Многие авторы указывали на существование параллелей между двумя этими культурами и на их стадильное сходство (Максименков 1970: 73; Вадецкая 1986: 35–36; Семёнов 1997: 156–157, рис. 3 и др.). В. И. Молодин в серии работ предпринял целенаправленное исследование этой темы и пришел к выводу о наличии эпохальной близости памятников, но не общей культурной принадлежности (Молодин 1975; 1988). Причины присутствия в погребениях двух культур схожих артефактов он видит в их принадлежности к доандроновскому бронзовому веку. Аналогичное наблюдение сделано еще в одной работе, в которой отмечено, что между кротовской и окуневской погребальными практиками больше различий, чем сходств (Молодин, Гришин 2016: 348). Полностью принимая этот вывод, следует отметить, что наличие в погребениях обеих культур редких артефактов, имеющих преимущественно культовое значение, позволяет маркировать хронологический горизонт их сосуществования. Такие предметы были обнаружены при раскопках могильника Сопка-2/4Б, В. Нужно указать, что в данном исследовании не анализируются широко распространенные бытовые вещи, встречающиеся практически во всех археологических культурах эпохи палеометалла (костяные и каменные наконечники стрел, проколки, игольники, бусы, бисер, подработанные астрагалы и т. п.).

В первую очередь следует остановиться на каменных луновидных (сегментовидных) подвесках, обнаруженных в двух погребениях: № 65 (рис. 1, 1, 2) и № 160 могильника Сопка-2/4Б (Молодин, Гришин 2016: 298–300, рис. 448). Изучение этих предметов имеет богатую историю (Матющенко 1973; Кызласов 1986: 288; Леонтьев 1997: 229; Вадецкая 1999: 179; Боковенко 2001: 139–142 и др.). Наиболее полный обзор связанной с ними проблематики представлен в работах Ю. Н. Есина и В. И. Молодина (Есин 2009: 123–133; Молодин 2013). Эти артефакты чаще всего находят в комплексах кротовской, самусьской и окуневской культур, то есть в определенном географическом ареале. В Минусинских котловинах ранее было известно три подобных предмета, происходящих из двух погребений: Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 и Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1 (Максименков 1980: 10, табл. XXIII, 3; Кызласов 1986: 274, рис. 188, 1, 2) (рис. 2, 1). Еще одно аналогичное изделие было обнаружено И. П. Лазаретовым в 2010 г. в насыпи кургана окуневской культуры Красный Камень (Лазаретов, Поляков 2018). Более того, в 2016 г. при раскопках кург. 21 могильника Итколь II найден фрагмент плиты, использованной для перекрытия могилы, на котором нанесено изображение традиционной окуневской личины. С ее элементами связаны изогнутыми линиями изображения 18 луновидных подвесок (сохранилось только 15). Последняя находка не оставляет сомнений в сакральном значении этих предметов.

К сожалению, хронология памятников, в которых выявлены рассматриваемые артефакты, пока недостаточно изучена. Для погребения с луновидной подвеской на оз. Байкал (Сарминский мыс) была получена радиоуглеродная дата 3960 ± 50 (ГИН-5605), которая после калибровки соответствует хронологическому диапазону 2581–2295 гг. до н. э. (Горюнова 2002: 28–29, рис. 27, 10). Еще одна дата 3994 ± 51 (UBA-27421) получена по материалам кротовской могилы 409 (могильник Тартас-1), где также представлена разломанная на части луновидная подвеска (Молодин и др. 2011: 51–53; 2014). После калибровки эта дата указывает на временной интервал 2630–2346 гг. до н. э. (Марченко, Молодин 2017: рис. 3). Материалы окуневской культуры принадлежат двум хронологическим этапам. Могильники Красный

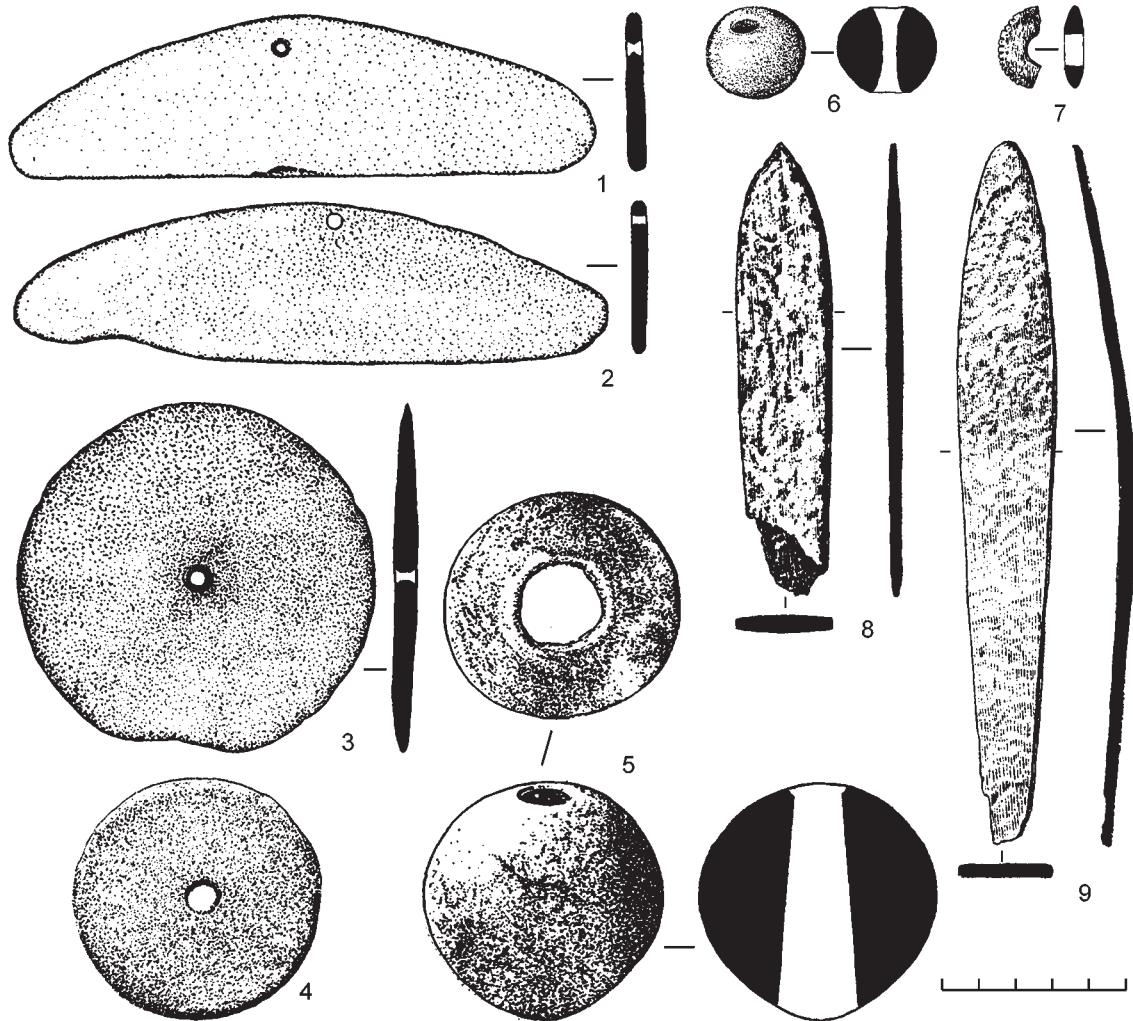

Рис. 1. Артефакты из погребений могильника Сопка-2/4 Б, В (котовская культура): 1–3, 9 — погр. № 65; 4 — погр. № 377; 5 — погр. № 230; 6 — погр. № 83; 7 — погр. № 148; 8 — погр. № 160 (1–6 — камень; 7–9 — кость) (по: Молодин, Гришин 2016)

Fig. 1. Artifacts from Sopka-2/4 B, B cemetery (Krotov culture): 1–3, 9 — burial № 65; 4 — burial № 377; 5 — burial № 230; 6 — burial № 83; 7 — burial № 148; 8 — burial № 160 (1–6 — stone; 7–9 — bone) (after Молодин, Гришин 2016)

Камень и Усть-Бюрь относятся к уйбатскому этапу, который современные исследования датируют XXVI–XXIII вв. до н. э. (Лазаретов 1997; Поляков 2017). Могильник Черновая VIII и кург. 21 могильника Итколь II соответствуют черновскому этапу: XXII–XX вв. до н. э. Необходимо, однако, отметить, что плита с изображениями, происходящая из последнего памятника, была использована в качестве строительного материала, и нанести на нее изображение могли ранее того времени, когда она попала в курган. находка луновидной подвески в мог. 21 кург. 8 (Черновая VIII) тоже не удивительна. Погребение 1, с которым она связана, является самым богатым на этом памятнике и содержит предметы явно культового назначения: череп птицы, роговые жезл и «ритон», мраморный шар, каменный топор и бронзовый кинжал. Нет сомнений, что погребенный с таким богатым набором инвентаря имел особый социальный статус. При этом значительная часть перечисленных

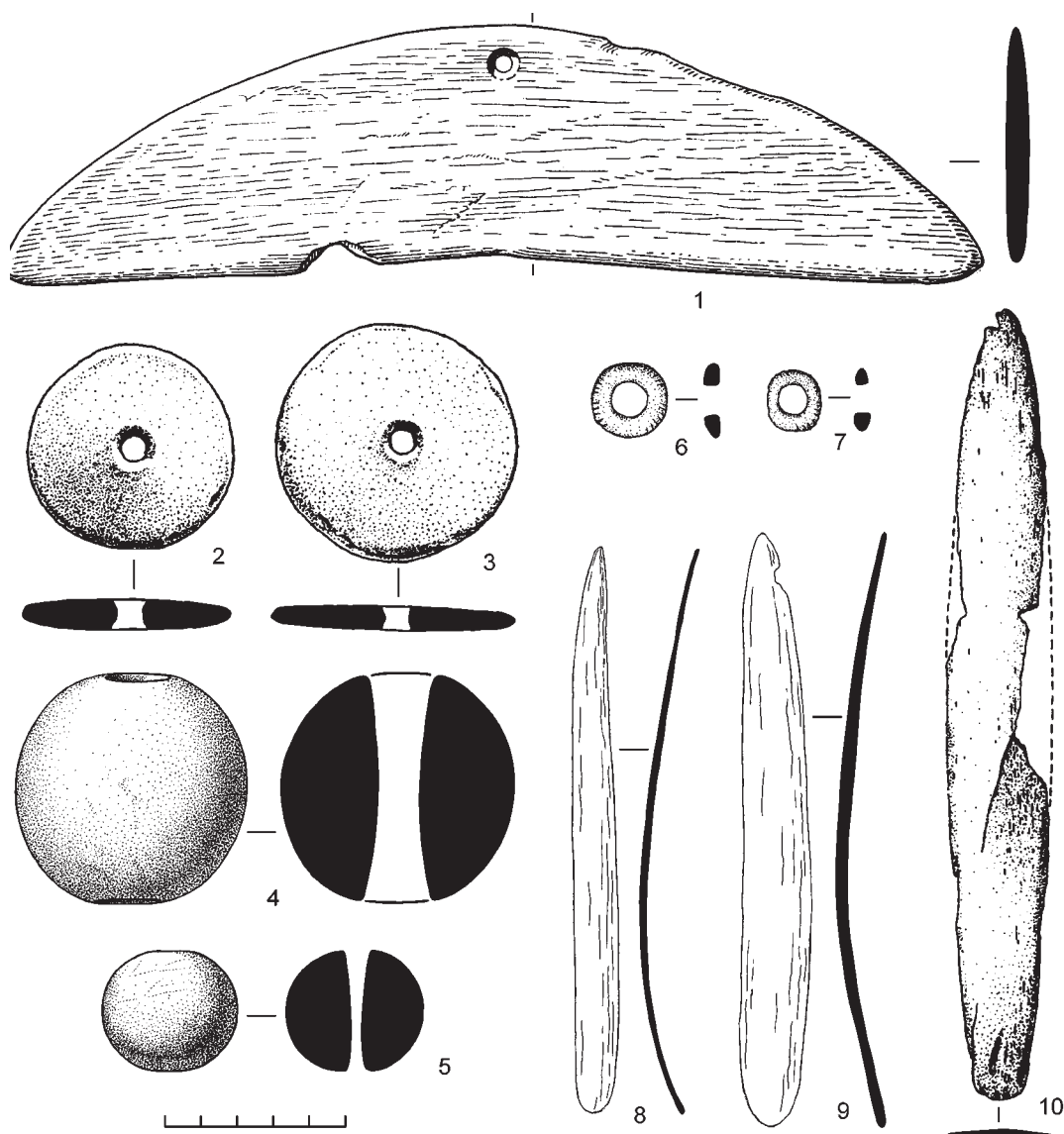

Рис. 2. Артефакты из погребений окуневской культуры: 1 — Черновая VIII, кург. 8, мог. 21; 2, 3 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 8; 4 — Итколь II, кург. 1, мог. 13; 5 — Итколь II, кург. 12, мог. 13; 6–9 — Итколь II, кург. 12, мог. 3; 10 — Уйбат V, кург. 1, мог. 6 (1–5 — камень; 6–10 — кость) (1 — по: Максименков 1980; 2, 3 — по: Хаврин 1997а; 10 — по: Лазаретов 1997; 4–9 — вещи из раскопок автора, публикуются впервые)

Fig. 2. Artifacts from the Okunev culture burials: 1 — Chernovaya VIII, barrow 8, grave 21; 2, 3 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 8; 4 — Itkol II, barrow 1, grave 13; 5 — Itkol II, barrow 12, grave 13; 6–9 — Itkol II, barrow 12, grave 3; 10 — Uibat V, barrow 1, grave 6 (1–5 — stone; 6–10 — bone) (1 — after Максименков 1980; 2, 3 — after Хаврин 1997а; 10 — after Лазаретов 1997; 4–9 — finds from the author's excavations published for the first time)

предметов имеет аналогии исключительно в захоронениях раннего уйбатского этапа. Закономерно предположение о том, что указанный набор являлся частью костюма вождя или жреца. В таком случае составлявшие набор вещи могли передаваться из поколения в поколение, будучи изготовленными задолго до похорон этой персоны.

Вторая группа предметов включает диски с отверстиями в центре. Они были найдены в могилах № 65, № 377 (верхнее погребение) (Молодин, Гришин 2016: 300–301, рис. 449–450) (рис. 1, 3, 4). Схожие диски обнаружены на поселении Самусь-4 (Есин 2009: 133). Известны они и в материалах окуневской культуры — могильники Уйбат V, кург. 4, мог. 4 (Лазаретов 1997: 28, табл. XIV, 2) и Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 8 (Хаврин 1997а: 67, табл. V, 19–21) (рис. 2, 2, 3). В обоих случаях диски относятся к памятникам черновского этапа. Еще два очень похожих диска выявлены в погребениях окуневского типа на Верхнем Енисее при исследовании могильного поля Аймырлыг: погр. XIII-2 и карьер, мог. 1 (Стамбульник, Чугунов 2004: 294–300, рис. 7, 21). Последнее захоронение, судя по ножу с черешковым насадом, можно синхронизировать с уйбатским этапом окуневской культуры.

К третьей группе предметов относятся мраморные шары с отверстиями, имеющие широкое распространение в памятниках эпохи палеометалла Евразии. В материалах могильника Сопка-2/4Б подобный предмет, по мнению авторов раскопок, — булава обнаружен в могиле № 230 (Молодин, Гришин 2016: 272, рис. 424) (рис. 1, 5). Еще один, определенный как бусина, был найден в могиле № 83 (Там же: 54, рис. 83, 3) (рис. 1, 6). Подобные изделия широко представлены в материалах окуневской культуры: Пистах, кург. 3, мог. 1 (Подольский 1997: рис. 5, 6); Есино IV, мог. 2 (Паульс 1997: рис. 3); Моисеиха, кург. 5 (Ковалёва и др. 2010: 109–110); Барсучиха IV, кург. 22, мог. 2 (Грязнов 1999: рис. 23, 15); Уйбат-Хулган, кург. 1 (Кызласов 1962: рис. 4, 2, 3); Тас-Хазаа, мог. 2, 4 (Липский, Вадецкая 2006: табл. XV, 1); Итколь II, кург. 12, мог. 4-А, 13 (рис. 2, 5); кург. 14, мог. 4 (Поляков, Есин 2015: рис. 6, 1); Уйбат I, мог. 7 (Наглер, Парцингер 2006: рис. 3, 10). Все перечисленные выше погребения датируются ранним уйбатским этапом окуневской культуры. Однако зафиксировано два случая обнаружения аналогичных предметов и в более поздних черновских комплексах: Итколь II, кург. 1, мог. 13 (рис. 2, 4) и Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 (Максименков 1980: табл. XXI, 10). Как уже отмечалось выше, последнее погребение имеет особый статус и появление в нем «древних» предметов вполне объяснимо. Практически во всех случаях, кроме весьма спорных захоронений могильника Тас-Хазаа, шары обнаружены в погребениях мужчин (как и в материалах могильника Сопка-2/4Б). По всей видимости, эти изделия, которые носили, судя по их расположению в могиле, на поясе, указывают на особый статус умерших.

Редкий артефакт обнаружен в погребении № 65 кротовской части могильника Сопка-2/4Б. Речь идет о фрагменте рогового кольца с насечками по внешнему краю (Молодин, Гришин 2016: 305, рис. 455, 2) (рис. 1, 7). Подобные кольца из рога или кости встречаются в захоронениях окуневской культуры и являются характерным типом для раннего уйбатского этапа: Есино IV (Паульс 1997: рис. 2, 3); Уйбат-Чарков мог. 3; Есь (Липский 1954: рис. 36); Тас-Хазаа, мог. 1, 2 (Липский, Вадецкая 2006: табл. XV); Итколь II, кург. 12, мог. 3 (рис. 2, 6, 7) и 12 (раскопки А. В. Полякова в 2016–2017 гг.).

Уникальными артефактами являются костяные пластины из кротовских погребений № 148 и № 160. Авторы рассматривают эти изделия как фронтальные накладки на лук (Молодин, Гришин 2016: 252–253, рис. 402, 1, 2). Два образца, отнесенные к типу 1 (рис. 1, 8, 9), заметно отличаются от остальных предметов этой категории, представляя собой тонкие пластины равномерной толщины, заостренные с одного края. Идентичные предметы были обнаружены в захоронениях уйбатского этапа окуневской культуры: Красный Яр II, мог. 1 (Вадецкая 1981: рис. 1); Большое Кольцо,

мог. 3-к (Киргиников 2010: рис. 4, б); Уйбат V, кург. 1, мог. 6 (рис. 2, 10) (Лазаретов 1997: табл. XV, 5); Итколь II, кург. 12, мог. 3 (рис. 2, 8, 9), 4-А (раскопки А. В. Полякова в 2016–2017 гг.). Назначение данных артефактов остается неясным, хотя нельзя исключать предложение интерпретировать их, как элемент сложного лука.

Следует отметить, что рассматриваемые изделия иногда представлены в одном и том же погребении кротовского кладбища Сопка-2/4Б (могила № 65, три артефакта; могила № 160, два артефакта), что подтверждает неслучайность сделанных наблюдений. В этом могильнике имеются захоронения, содержавшие предметы культового назначения или характерные типы, которые могут быть соотнесены с материалами окуневской культуры. Все вышеперечисленные погребения (№ 65, 83, 148, 160, 377 [верхнее погребение]) располагаются в юго-восточной части данного кладбища. Такое их компактное расположение не может быть случайным и, вероятно, указывает на узкий хронологический период, в течение которого они были совершены.

Необходимо обратить внимание на то, что перечисленные артефакты встречаются либо в захоронениях уйбатского этапа окуневской культуры (костяные колечки с насечками, костяные пластины), либо уйбатского и черновского этапов (мраморные шары с отверстием, луновидные подвески, диски с отверстием посередине). Это удивительно, так как культовые вещи могут сохраняться на протяжении длительного времени. Однако все они как единый комплекс могут характеризовать только уйбатский хронологический период, который в соответствии с современными радиоуглеродными датами относится к XXVI–XXIII вв. до н. э. (Поляков 2017).

Для погребений кротовского могильника Сопка-2/4Б, В имеется серия из 47 радиоуглеродных анализов по 28 комплексам (Молодин, Гришин 2016: 371–375; Марченко 2016). К сожалению, они не дают ясной и отчетливой картины, зачастую противореча друг другу. По мнению авторов, это может быть связано с различными проблемами, но прежде всего с так называемым резервуарным эффектом. Последнее явление действительно может оказывать влияние на результаты анализов. Учитывая, что все упомянутые даты, за одним исключением, получены по образцам кости человека, а в захоронениях представлены как чешуя, так и изображения рыб, требуется особое изучение этого вопроса (Молодин, Гришин 2016: 15, 115). Для некоторых культур эпохи бронзы были проведены специализированные исследования, которые заключались в сопоставлении дат, полученных на основании различных по материалу образцов (кость человека, дерево, уголь, кость травоядного животного). Выяснилось, что в европейской части России резервуарный эффект оказывает заметное влияние на радиоуглеродные даты, но в Сибири, непосредственно в материалах окуневской культуры, он пока не зафиксирован (Плихт, ван дер, и др. 2016; Svyatko et al. 2017). Применительно к памятникам бронзового века Барабы резервуарный эффект был выявлен в материалах одиновской культуры, на примере памятника Преображенка 6 (Marchenko et al. 2015).

По результатам изучения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б, В авторы приходят к мнению о его продолжительном существовании на протяжении всего III тыс. до н. э. (Молодин, Гришин 2016: 377). Предполагается, что погребения можно разделить на две хронологические группы, ранняя из которых может датироваться первой половиной, а поздняя — второй половиной III тыс. до н. э. К сожалению, определить дату захоронений, где встречены предметы, имеющие аналогии в окуневской культуре, не представляется возможным. Датировка имеется только для могилы

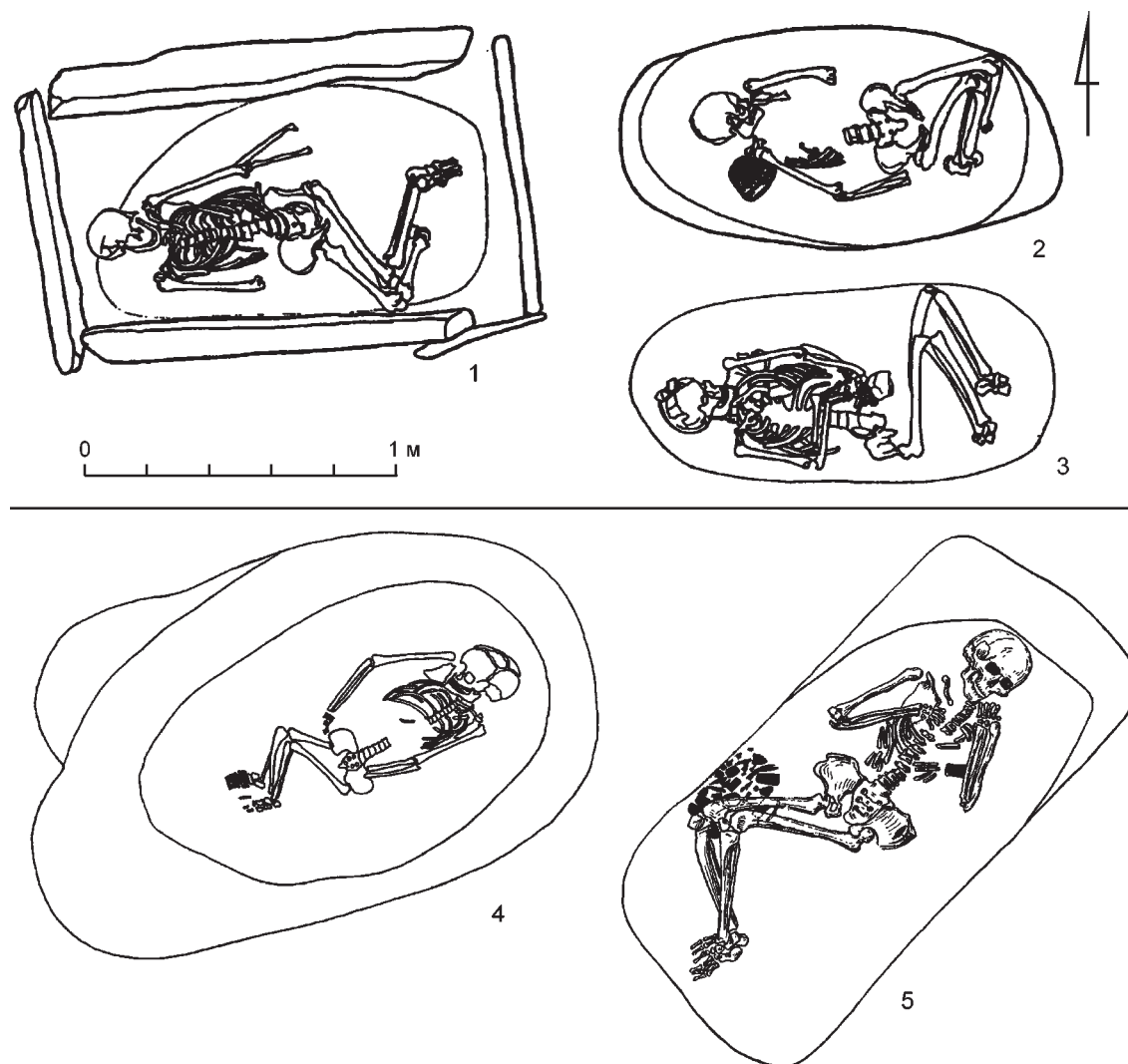
№ 377, причем она относится к нижнему погребению с «утюжком», а каменный диск с отверстием связан с верхним захоронением, которое могло быть совершено позже (Там же: 112–115). Судя по уровню залегания, второе погребение было сделано в тот момент, когда первое уже было, как минимум частично, засыпано землей.

Интересная ситуация связана с положением умершего в могиле. Захоронения окуневской культуры характеризуются устойчивой традицией размещения тела усопшего. В подавляющем большинстве случаев его укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, поднятыми вверх (Вадецкая 1986: 29) (рис. 3, 1–3). Среди погребений могильника Сопка-2/4Б, В представлена группа из шести захоронений (тип 2), где выявлено схожее положение тела — № 228, 229 (рис. 3, 4), 282 (рис. 3, 5), 398, 594, 623 (Молодин, Гришин 2016: 332–335). Все они, за исключением могилы № 398, располагаются на юго-западном краю кладбища, причем есть сомнения в справедливости причисления погребения № 398 к типу 2 (Там же: рис. 219). Могила № 398 представляет собой обширную яму, что нарушает «шаблон» этого типа, для которого кроме упомянутой позы характерна укороченная яма, соответствующая такому положению тела.

Авторы работы совершенно справедливо отмечают широкий круг культур эпохи энеолита и ранней бронзы, в которых встречаются погребения в этой редкой позе. Однако в рамках хронологического среза, маркирующего конец III тыс. до н. э., только окуневская культура может представлять интерес для сопоставления, тем более что ее погребальному обряду присуща укороченная могильная яма (или ящик), рассчитанная исключительно на такую позу умершего. Кроме того, есть основания, хотя пока и весьма шаткие, связывать появление предметов сейминско-турбинского типа в Минусинских котловинах именно с окуневской культурой (Матющенко 1975: 134–135; Членова 1977: 109–110; Хаврин 1997б: 163; Леонтьев 2002). Более того, эти артефакты, как и появление в Минусинских котловинах первых оловянистых бронз, датируются исключительно черновским этапом культуры (Хаврин 2006).

Погребения (тип 2) в составе могильника Сопка-2/4Б, В хорошо датированы, так как одно из них (№ 282) представляет собой знаменитую «могилу литейщика», в которой находились многочисленные вещи сейминско-турбинского типа (Молодин, Гришин 2016: 81–82, рис. 136–139). Для уточнения ее хронологии были проведены анализы расположенных рядом могил № 594 и № 623, в том числе и методом ускорительной масс-спектрометрии. В результате данную группу захоронений может уверенно датировать последней четвертью III тыс. до н. э. (Марченко 2016: рис. 2). Этот период соответствует черновскому этапу окуневской культуры, который на основании современных данных относится к XXII–XX вв. до н. э. (Поляков 2017).

Подведем итоги. Среди погребений могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б, В фиксируются две группы могил, которые с осторожностью можно сопоставлять с захоронениями окуневской культуры Среднего Енисея. Первая из них (№ 65, 83, 148, 160, 377 [верхнее погребение]) содержит редкие культовые вещи и характерные типы артефактов, которые в комплексе встречаются только в захоронениях уйбатского периода окуневской культуры. Вторая группа (№ 228, 229, 282, 594, 623) представляет собой погребения типа 2, отличающиеся особым положением ног умершего — коленями вверх и укороченными могильными ямами, что в полной мере свойственно окуневским памятникам. Судя по радиоуглеродным

Рис. 3. Сопоставление положения тела погребенных в захоронениях 2-го типа могильника Сопка-2/4 Б, В (кротовская культура) и в могилах окуневской культуры: 1 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 18; 2 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 22; 3 — Верхний Аскиз, кург. 2, мог. 32; 4 — Сопка-2/4 Б, В, погр. № 229; 5 — Сопка-2/4 Б, В, погр. № 282 (1, 2 — по: Хаврин 1997а; 3 — по: Ковалёв 1997; 4, 5 — по: Молодин, Гришин 2016)

Fig. 3. Comparison of body positions in type 2 graves of Sopka -2/4 Б, В (Krotov culture) and Okunev culture graves: 1 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 18; 2 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 22; 3 — Verkhniy Askiz, barrow 2, grave 32; 4 — Sopka-2/4 Б, В, burial № 229; 5 — Sopka-2/4 Б, В, burial No. 282 (1, 2 — after Хаврин 1997а; 3 — after Ковалёв 1997; 4, 5 — after Молодин, Гришин 2016)

датам, эта группа соотносится с черновским этапом окуневской культуры. Еще одним признаком, связывающим их, являются изделия сейминско-турбинского типа.

Обе эти группы между собой не пересекаются, но при их нанесении на план могильника наблюдается интересная картина. Каждая из них расположена очень компактно. Первая группа представлена исключительно в юго-восточной части кладбища (Сопка-2/4Б). Вторая группа расположена совсем рядом, в юго-западной части могильника, захватывая еще и группу Сопка-2/4В. Такое их периферийное

размещение неслучайно. Во-первых, это может указывать на их относительно позднее хронологическое положение на этом могильном поле. Во-вторых, нельзя исключать, что погребенные в этих могилах люди воспринимались, как инородцы, поэтому их захоронения выносились за пределы основного кладбища. В любом случае это важная информация, которую нужно правильно интерпретировать.

Данное исследование не претендует на полное и комплексное рассмотрение связей двух культур и ставит своей задачей только сопоставление наиболее ярких материалов крупнейшего кротовского могильника с материалами окуневского периода Среднего Енисея. Полученные результаты не дают оснований рассматривать две упомянутые культуры как родственные, имеющие устойчивые связи. Отдельные признаки, которые позволяют их сопоставлять, выявлены только в 10 из 250 погребений могильника Сопка-2/4Б, В (4%), причем эти признаки носят единичный характер и не образуют комплексов. В том случае если есть схожие артефакты, погребальный обряд отличается кардинально, и наоборот: при наличии близости отдельных элементов погребального обряда в могилах нет сопоставимых вещей. Все это указывает на отсутствие установившихся контактов культур, а прослеживаемые сходства отдельных вещей или признаков могут свидетельствовать только об эпизодических процессах.

Следует подчеркнуть, что две рассматриваемые культуры не являются элементами единого блока. Судя по данным радиоуглеродного анализа, кротовская культура сформировалась на несколько сот лет раньше. Она имеет ярко выраженные неолитические «корни». Первые общие с областью Среднего Енисея элементы возникли на поздней стадии ее развития и не оказали на нее заметного влияния, так как представляют собой единичные, преимущественно культовые артефакты. Их появление следует относить к XXVI–XXIII вв. до н. э. Особая группа погребений (тип 2) представляет собой более позднее событие, но тоже явно эпизодическое. Нет сомнений в том, что оно связано с распространением сейминско-турбинского феномена. Судя по радиоуглеродным датам, этот период приходится на XXII–XX вв. до н. э. Никаких следов постоянных контактов или общих тенденций развития двух культур на основе имеющихся материалов обнаружить не удалось.

Литература

Боковенко 2001 — *Боковенко Н. А.* Символика элитных воинских захоронений номадов Центральной Азии в I тыс. до н. э. // Фроянов И. Я., Астахов С. Н (ред.). Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2001. С. 137–143.

Вадецкая 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Троицкая Т. Н. (отв. ред.). Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33–62.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Горюнова 2002 — *Горюнова О. И.* Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2002. 84 с.

Грязнов 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Есин 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: Самусьская культура. Томск: Изд-во Томского ГУ, 2009. 526 с. (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири. Т. 2).

Киргиников 2010 — *Киргиников Э. Н.* Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 79–91.

Ковалёв 1997 — *Ковалёв А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.

Ковалёва и др. 2010 — *Ковалёва О. В., Леонтьев Н. В., Амзараков П. Б.* Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–121.

Кызласов 1962 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.

Кызласов 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 296 с.

Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов, Поляков 2018 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс эпохи ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2018. № 22. С. 22–46.

Леонтьев 1997 — *Леонтьев Н. В.* Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 222–236.

Леонтьев 2002 — *Леонтьев С. Н.* К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Пиотровский Ю. Ю. (отв. ред.). Степи Евразии в древности и средневековье. ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова (март 2002 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Липский 1954 — *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК. 1954. Вып. 25. С. 89–98.

Липский, Вадецкая 2006 — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 9–52.

Максименков 1970 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура и ее окружение // Матющенко В. И. (отв. ред.). Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1970. С. 69–74.

Максименков 1980 — *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.

Марченко 2016 — *Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология погребений могильника Сопка-2/4Б, В // *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 442–449.

Марченко, Молодин 2017 — *Марченко Ж. В., Молодин В. И.* Погребальные комплексы эпохи бронзы могильника Тартас-1, их стратиграфическая позиция и радиоуглеродное датирование // *Молодин В. И., Хансен С.* (ред.). Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы междунар. симпозиума (22–26 июня 2015 г., г. Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 138–145.

Матющенко 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1973. 212 с.

Матющенко 1975 — *Матющенко В. И.* Могильник у дер. Ростовка // *Окладников А. П., Деревянко А. П.* (ред.). Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 129–137.

Молодин 1975 — *Молодин В. И.* Кротовская культура и ее окружение // *Деревянко А. П.* (отв. ред.). Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1975. С. 259–268.

Молодин 1988 — *Молодин В. И.* О соотношении кротовской и окуневской культур // *Дэвлет М. А.* (отв. ред.). Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 6–15.

Молодин 2013 — *Молодин В. И.* Каменные «луновидные» подвески в непо потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // *Иванчик А. И.* (отв. ред.). Monumentum gregorianum: сб. науч. ст. памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Граница, 2013. С. 135–153.

Молодин, Гришин 2016 — *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2016. 452 с.

Молодин и др. 2011 — *Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И.* К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней — развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // *АЭАЕ.* 2011. № 3 (47). С. 40–56.

Молодин и др. 2014 — *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // *Вестник Новосибирского ГУ. Серия История, филология.* 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В.* (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.

Паульс 1997 — *Паульс Е. Д.* Два окуневских памятника на юге Хакасии // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.

Плихт, ван дер, и др. 2016 — *Плихт, ван дер, Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П.* Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф, 2016. 112 с. (Тр. ГИМ. Вып. 203).

Подольский 1997 — *Подольский М. Л.* Два окуневских памятника на ручье Узунчул // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 113–122.

Поляков 2017 — *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // *ЗИИМК.* 2017. № 16. С. 52–74.

Поляков, Есин 2015 — *Поляков А. В., Есин Ю. Н.* Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // *АЭАЕ.* 2015. № 2 (43). С. 43–57.

Семёнов 1997 — *Семёнов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.

Стамбульник, Чугунов 2004 — *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В.* (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 292–302.

Хаврин 1997а — *Хаврин С. В.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Хаврин 1997б — *Хаврин С. В.* Спектральный анализ окуневского металла // Там же. С. 161–167.

Хаврин 2006 — *Хаврин С. В.* Металлические изделия окуневской культуры // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 242–244.

Членова 1977 — *Членова Н. Л.* Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Членова Н. Л. (отв. ред.). Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 96–112.

Marchenko et al. 2015 — *Marchenko Z. V., Orlova L. A., Panov V. S., Zubova A. V., Molodin V. I., Pozdnyakova O. A., Grishin A. E., Uslamin E. A.* Paleodiet, radiocarbon, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57, no. 4. P. 595–610.

Svyatko et al. 2017 — *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J.* A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1379–1388.

TOWARDS THE QUESTION OF THE CHRONOLOGICAL RELATIONSHIP BETWEEN THE KROTOV AND OKUNEV CULTURES (WITH PARTICULAR REFERENCE TO THE SOPKA-2 CEMETERY)

A. V. POLYAKOV

Keywords: *Krotov culture, Barabinsk forest-steppe, Okunev culture, Minusinsk depressions, Early Bronze Age, chronology.*

The paper considers the question of chronological relationship between the Krotov culture cemetery of Sopka –2/4 Б, В (Barabinsk forest-steppe) and Okunev culture of the Middle Yenisei region. Their inventories contain similar cult and other characteristic objects, including moon-shaped pendants, disks and perforated marble spheres, small bone rings with incisions on the edge, unilaterally sharpened bone blades (Fig. 1; 2). This set of objects is typical of the Uibat stage of the Okunev culture, which is dated to the XXVI–XXIII cc. BC. As to the Krotov culture cemetery of Sopka –2/4 Б, В the graves with these objects are concentrated in its south-eastern part. One more analogy can be seen in the particular position (on the back, with legs flexed in knees and lifted up) of the deceased buried in the shortened graves (Fig. 3). Such burials are characteristic of the Okunev culture, while at Sopka –2/4 Б, В they constitute type 2, confined to the south-western edge of the cemetery. These burials have been shown to be closely associated with the Seima-Turbino type objects, which appear at the Chernovo stage of the Okunev culture (XXII–XX cc. BC). It follows that the Krotov and Okunev cultures are not completely coeval. They should not be considered parts of a single block of cultures, having common origins and developmental trajectory. The Krotov culture had formed several centuries earlier than the Okunev one, and the few parallels it has with the Okunev materials belong to a relatively late stage of its development.

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ «ПОГРЕБАЛЬНОЙ» КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ РЕНТГЕНОВСКОЙ 3D-МИКРОТОМОГРАФИИ¹

М. А. КУЛЬКОВА, А. М. КУЛЬКОВ, М. Т. КАШУБА, М. Н. ВЕТРОВА,
Н. А. ГАВРИЛЮК, Э. КАЙЗЕР²

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, ранний железный век, оседлое население, ранние кочевники, микротомография, 3D-модель, поровое пространство, «погребальная» керамика.*

В статье рассматривается технология изготовления керамики раннего железного века у мобильного (ранние кочевники) и оседлого населения Северного Причерноморья и прилегающей с севера лесостепи. Высказанная в литературе гипотеза о специальном производстве «погребальной» керамики невысокого качества проверена данными, полученными методом рентгеновской 3D-микротомографии. Для оценки технологических особенностей изготовления керамики использовались показатели оценки пористости: соотношение между открытыми и закрытыми порами в керамике является технологическим параметром, отражающим качество изготовления посуды. Выявлены сосуды из погребений Суворово 5/2 (Suvorove 133), Маяки 1/5 (Maiaky 121), Кут 32/7 (Kut 90) и Лиманцы 3/3 (Lymanzi 106) (рис. 1, 1, 4; 2), которые характеризуются худшим качеством изготовления по сравнению с остальными. Для проверки выбрана керамика высокого качества — образцы с одинаковыми показателями открытой и закрытой пористости: Суворово 6/1 (Suvorove 122) и Глинжень II-Ла Шанц (Glinjeni 10) (рис. 1, 3, 7). Выяснено, что для Glinjeni 10 соблюдался технологический режим изготовления, тогда как технологическая схема для Suvorove 122 нарушалась (рис. 3), что давало более эффектный декоративный облик сосуда. Подобная картина отмечена и для других сосудов из погребений по сравнению с сосудами из поселений (рис. 4; 5). Видимо, в раннем железном веке у ранних кочевников Северного Причерноморья имела посуда, специально изготовленная для помещения в могилы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-40-49

¹ Изучение керамики выполнено при финансовой поддержке Фонда Фольксваген (проект № 90 216). М. Т. Кашуба исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² М. А. Кулькова — Кафедра геологии и геоэкологии, Факультет геологии и геоэкологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; А. М. Кульков — Ресурсный центр «Рентген-дифракционные методы исследования», СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199155, Россия; М. Т. Кашуба — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; М. Н. Ветрова — Кафедра минералогии, Институт наук о Земле, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; Н. А. Гаврилюк — Отдел античной археологии, Институт археологии НАНУ, г. Киев, 04210, Украина; Э. Кайзер — Институт преисторической археологии, Свободный университет Берлина, г. Берлин, 14195, ФРГ.

Введение

Изучение керамики раннего железного века в Северном Причерноморье и прилегающей с севера лесостепи ставит перед исследователями множество проблем, важнейшей из них является технология (приемы, процессы, особенности). Различия в технологии производства посуды у древнего населения региона просматриваются даже при ознакомлении *de visu* с сосудами, найденными как на поселениях оседлого населения лесостепи, так и в степных захоронениях. В могилах ранних кочевников, датированных IX — первой половиной VII до н. э., обнаружено около 200 целых глиняных сосудов (данные по: Гаврилюк 2017: 31 сл., 229 сл.). Часть керамики имеет явно невысокое качество изготовления, что обычно объясняется специфическими условиями (почвы и пр.), влияющими на сохранность находок. Однако невысокое качество так называемой погребальной посуды характеризует и материальную культуру оседлого населения, проживавшего в лесостепи. Это отмечено, например, для раннегальштатской (карпато-дунайской) культуры Козия-Сахарна, которая занимала южную лесостепь междуречья Днестра и Сирета, а ее носители контактировали с черногоровской и новочеркасской группами ранних кочевников Северного Причерноморья (см.: Кашуба 2000: 255 сл., 325 сл., 345 сл., 357 сл.). Плохое качество изготовления лощенной посуды из погребений культуры Сахарна (восточный вариант культуры Козия-Сахарна) трактуется как специальное производство «погребальной» керамики (Мелюкова 1958: 87; Кашуба 2000: 276–279). Однако такая интерпретация не основывалась на данных, полученных методами естественных наук. К настоящему времени современными физико-химическими методами проведена большая серия анализов керамики из степных погребений ранних кочевников и поселений оседлого лесостепного населения в Северном Причерноморье (см.: Кайзер и др. 2016; Кулькова и др. 2016; 2017; Кашуба и др. 2018; Daszkiewicz u.a. 2018), что дает возможность вернуться к этому вопросу (Кулькова и др. 2018). Отобранные образцы были проанализированы методом рентгеновской 3D-микротомографии.

Рентгеновская 3D-микротомография в решении задачи исследования

Рентгеновская 3D-микротомография — современный неразрушающий метод исследования внутреннего строения вещества, позволяющий изучить строение небольших (до 3 см) объектов. Исследуемый образец вращается в микротомографе (своеобразный рентгеновский микроскоп) в пучке рентгеновского излучения (пространственное разрешение метода — до 0,2–5,0 мкм в зависимости от прибора и размера образца). Микротомографическое исследование состоит из нескольких этапов: сканирование образца; последующая реконструкция теневых изображений с построением базы изображений, перпендикулярных оси вращения образца; визуализация полученных данных для качественного изучения внутреннего строения объекта и вывода необходимых изображений для дальнейшего использования. Далее можно строить цифровую модель внутреннего строения образца для количественных измерений, виртуального препарирования и подготовки цифровой модели к 3D-печати (подробнее см.: Кульков, Кулькова 2018).

Для оценки технологических особенностей изготовления использовались показатели пористости по данным рентгеновской 3D-микротомографии. Анализ пористости с размерами пор больше 5 мкм позволяет идентифицировать происхождение

пор в результате термического шока, трещин вокруг минеральных включений, сжигания случайных или специальных органических добавок и т. д. Существует возможность определить тип органических добавок на основе 3D визуализации пор. Соотношение между открытыми и закрытыми порами в керамике является технологическим параметром, который отражает качество изготовления керамики. Например, низкие значения отношения открытой и закрытой пористости характерны обычно для более плотной и высококачественной керамики. По сравнению с более ранней посудой для керамики раннего железного века характерно лучшее качество (промес глиняного теста лучше, а общее количество пор меньше). Качество неолитической керамики хуже, но из-за большого количества пор она более устойчива к температурному шоку и изменениям условий окружающей среды (см.: Kulkova et al. 2017).

Результаты и обсуждение

Для исследования взяты образцы простой (нелощеной) и лощеной керамики из синхронных памятников степи (погребения ранних кочевников Маяки 1/5³, Кут 32/7, Лиманцы 3/3, Суворово 6/1 и 5/2, Семёновка 2/1, Великодолинское 1/5) и лесостепи (городище Глинжень II-Ла Шанц) (рис. 1), а в качестве сравнительных материалов — несколько экспериментальных образцов. Из памятников оседлого населения были отобраны, в первую очередь, образцы керамики культур Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть, учитывая факт наличия сосудов «фракийской группы» в степных предскифских погребениях Северного Причерноморья (см.: Кайзер и др. 2017: 144–149; Гаврилюк 2017: 294 сл., там же библиография).

Погребения ранних кочевников («киммерийская» культура, IX–VIII вв. до н. э.) (описание, классификация, датировка — см.: Гаврилюк 2017: 242 сл.):

MaiaKy 121⁴ — Маяки 1/5 (рис. 1, 1): лощеный кубок с геометрическим резным узором (Там же: 74, 159, рис. 21);

Kut 90 — Кут 32/7 (рис. 1, 4): простой (нелощеный) горшок с геометрическим резным узором (Там же: 36, 140, рис. 5, 1);

Lymanzi 106 — Лиманцы 3/3: простой (нелощеный) горшок (Там же: 39, 139, рис. 4, 4);

Suvorove 122 — Суворово 6/1 (рис. 1, 3): желто-серая лощеная корчага с геометрическим каннелированным узором (Там же: 111, 189, рис. 51, 6);

Suvorove 133 — Суворово 5/2: простой (нелощеный) горшок (Там же: 38, 139, рис. 4, 11);

Semenivka 124 — Семёновка 2/1 (рис. 1, 2): темно-серый лощеный кубковидный сосуд с геометрическим резным узором, заполненным белой пастой, а также горизонтальным налепным валиком с тремя прямоугольными выступами-налепами (Там же: 94, 179, рис. 41);

Velykodolynske 125 — Великодолинское 1/5: лощеная корчага с геометрическим резным и штампованным узором, а также небольшими конусовидными выступами (Там же: 107, 188, рис. 50, 1, 3).

³ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Маяки 1/5 соответствует Маяки, курган 1, погребение 5.

⁴ Здесь и далее названия образцов, номер и краткое описание даны согласно базе данных, подготовленной по проекту; слово «образец» в тексте не используется.

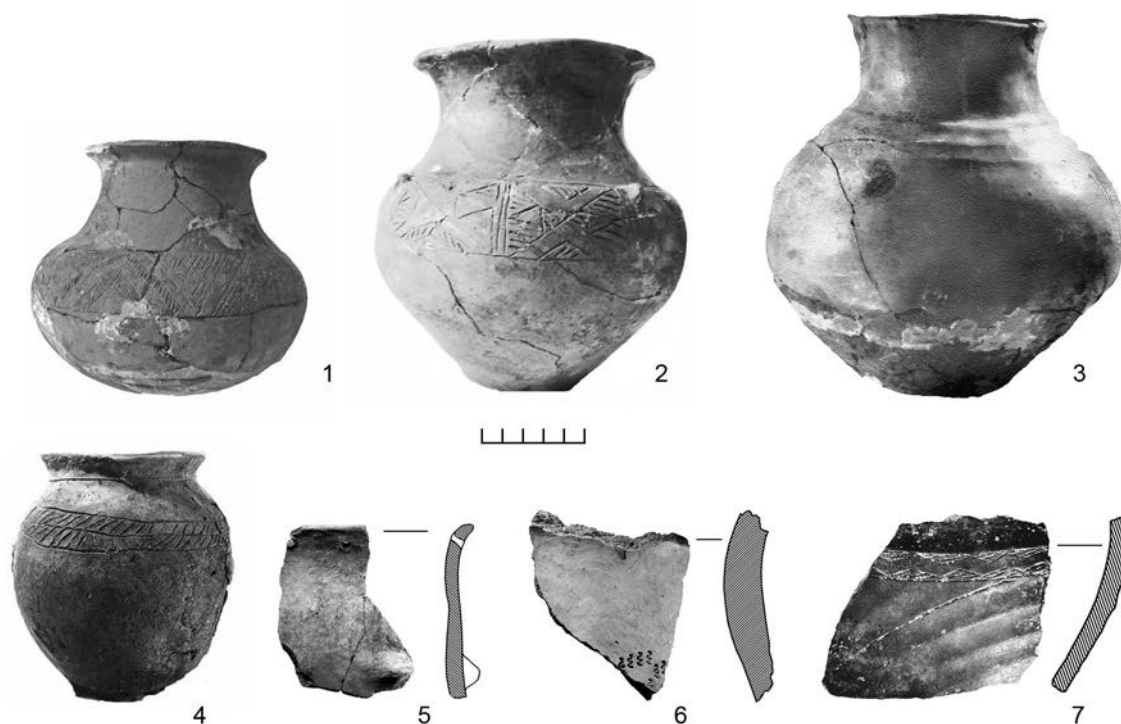

Рис. 1. Некоторые образцы керамики раннего железного века Северного Причерноморья и прилегающей с севера лесостепи, отобранные для рентгеновской 3D-микротомографии: 1 — Маяки 1/5; 2 — Семёновка 2/1; 3 — Суворово 6/1; 4 — Кут 32/7; 5–7 — Глинжень II-Ла Шанц (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 1. Early Iron Age pottery samples from the North Black Sea region and adjacent forest-steppe areas selected for X-ray 3D microtomography: 1 — Mayaki 1/5; 2 — Semenivka 2/1; 3 — Suvorovo 6/1; 4 — Kut 32/7; 5–7 — Glinjeni II-La Şanţ (references to the sources of illustrations are given in the text)

Многослойное городище Глинжень II-Ла Шанц, Средний Днестр (культурно-хронологические горизонты культуры Сахарна, X — начало VIII в. до н. э., и культуры Басарабь-Шолдэнешть, VIII — первая половина VII в. до н. э.) (описание, классификация — см.: Гольцева, Кашуба 1995: 20–25, 34–36; Кашуба 2000: 292–315):

Glinjeni 4 (рис. 1, 5): фрагмент простого (нелощеного) горшка с подтреугольным выступом-налепом (культура Сахарна);

Glinjeni 10 (рис. 1, 7): фрагмент чернолощеного кувшина с геометрическим штампованным узором, заполненным белой пастой (культура Басарабь-Шолдэнешть);

Glinjeni 11: фрагмент чернолощеной большой корчаги с геометрическим резным узором (культура Сахарна);

Glinjeni 14 (рис. 1, 6): фрагмент светлолощеной небольшой корчаги с геометрическим штампованным узором (культура Сахарна).

Для сосудов раннего железного века Северного Причерноморья характерны различные технологические приемы изготовления. Для оценки качества посуды было проведено сравнение открытой и закрытой пористости керамики с экспериментальной керамикой, изготовленной в современных условиях и обожженной

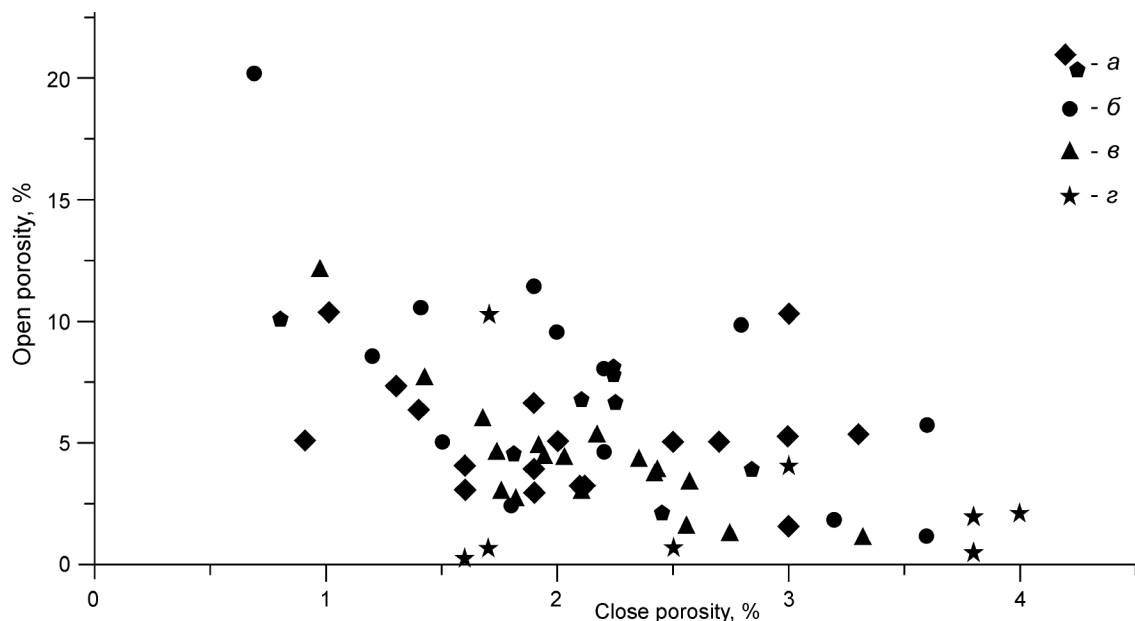

Рис. 2. Распределение показателей пористости в археологической (*a–в*) и экспериментальной (*г*) керамике: *a* — поселения (Глинжень II-Ла Шанц, Немиров, Дикий Сад); *б* — погребения; *в* — культура Сахарна

Fig. 2. Distribution of porosity indices for archaeological (*a–в*) and experimental (*г*) ceramics: *a* — settlements (Glinjeni II-La Şanţ; Nemirov, Dikiy Sad); *б* — burials; *в* — Saharna culture

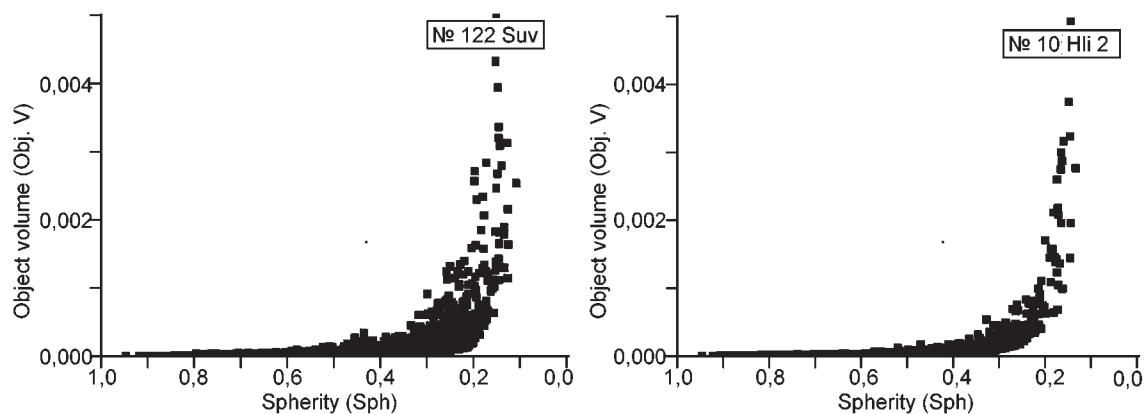

Рис. 3. Показатели внутренней пористости по параметру сферичности индивидуальных пор в объеме образца: 1 — Suvorove 122; 2 — Glinjeni 10

Fig. 3. Internal porosity indices for the parameter of sphericity of individual pores per unit volume of sample: 1 — Suvorove 122; 2 — Glinjeni 10

в муфельной печи при температурах выше 800 °C⁵. Большая часть керамических изделий из поселений и погребений раннего железного века по показателям пористости близка к экспериментальной посуде (рис. 2).

Несмотря на то что по соотношению закрытой и открытой пористости в данном диапазоне размеров пор образцы керамики из погребений и поселений близки,

⁵ Экспериментальные образцы изготовлены в лаборатории ARCHEA: archaeometric analysis and research (Варшава, Польша) д-ром М. Дашкевич.

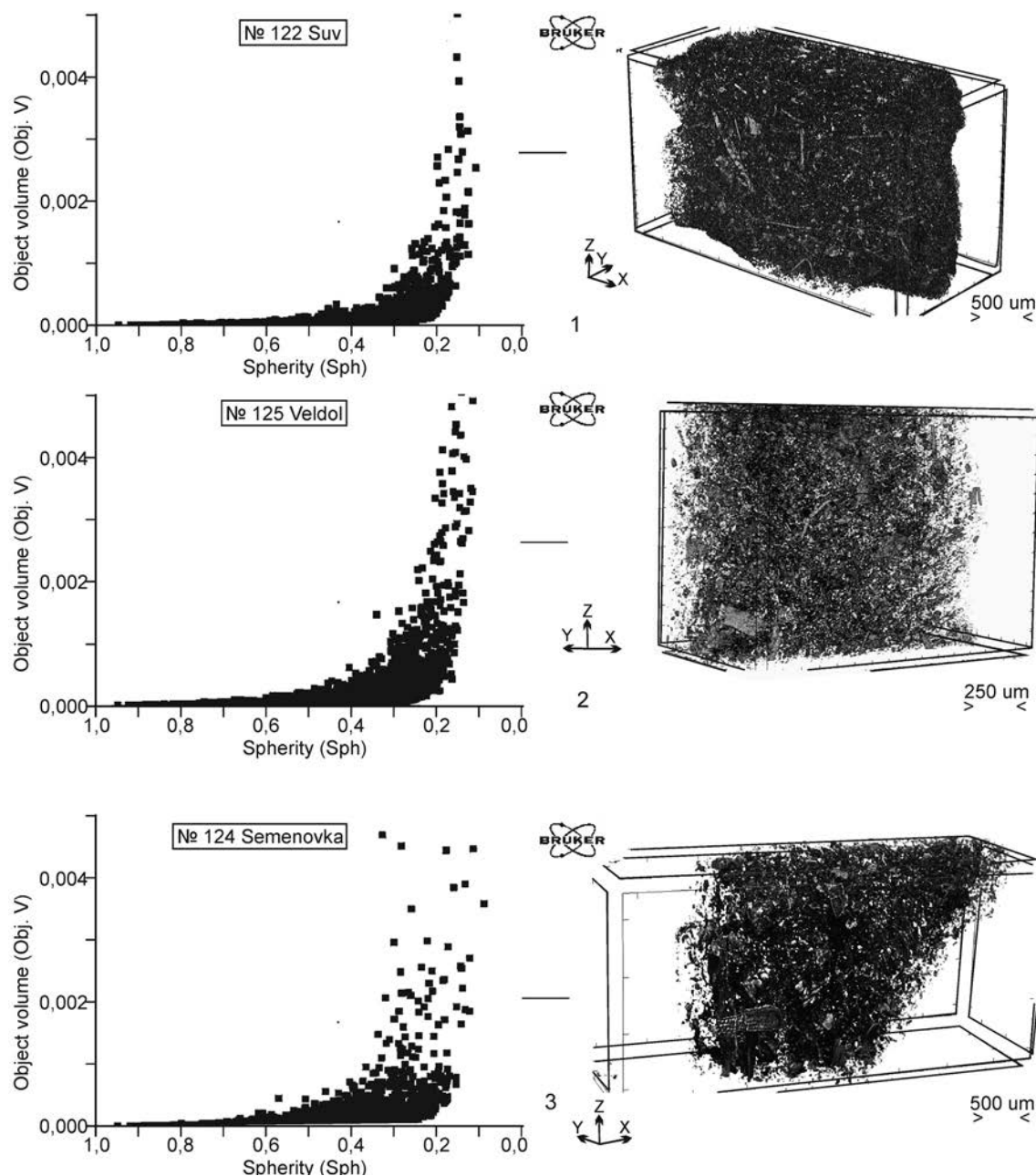

Рис. 4. Параметр «сферичности» пор для сосудов из погребений ранних кочевников: 1 — Suvorove 122; 2 — Velykodolynske 125; 3 — Semenivka 124

Fig. 4. «Sphericity» parameter for the vessels from the burials of the early nomads: 1 — Suvorove 122; 2 — Velykodolynske 125; 3 — Semenivka 124

некоторые образцы из погребений (Suvorove 133; Maiaky 121; Kut 90 и Lymanzi 106) характеризуются относительно худшим качеством изготовления.

Для сравнения были выбраны образцы керамики высокого качества Suvorove 122 и Glinjeni 10 с одинаковыми показателями открытой и закрытой пористости. Suvorove 122 (рис. 1, 3) — глина смектит-гидролюдитового состава, содержание кластического материала — 22 %, с добавлением шамота (18 %) различного состава (с карбонатами). Тесто плохо промешано. Обжиг проходил при температуре

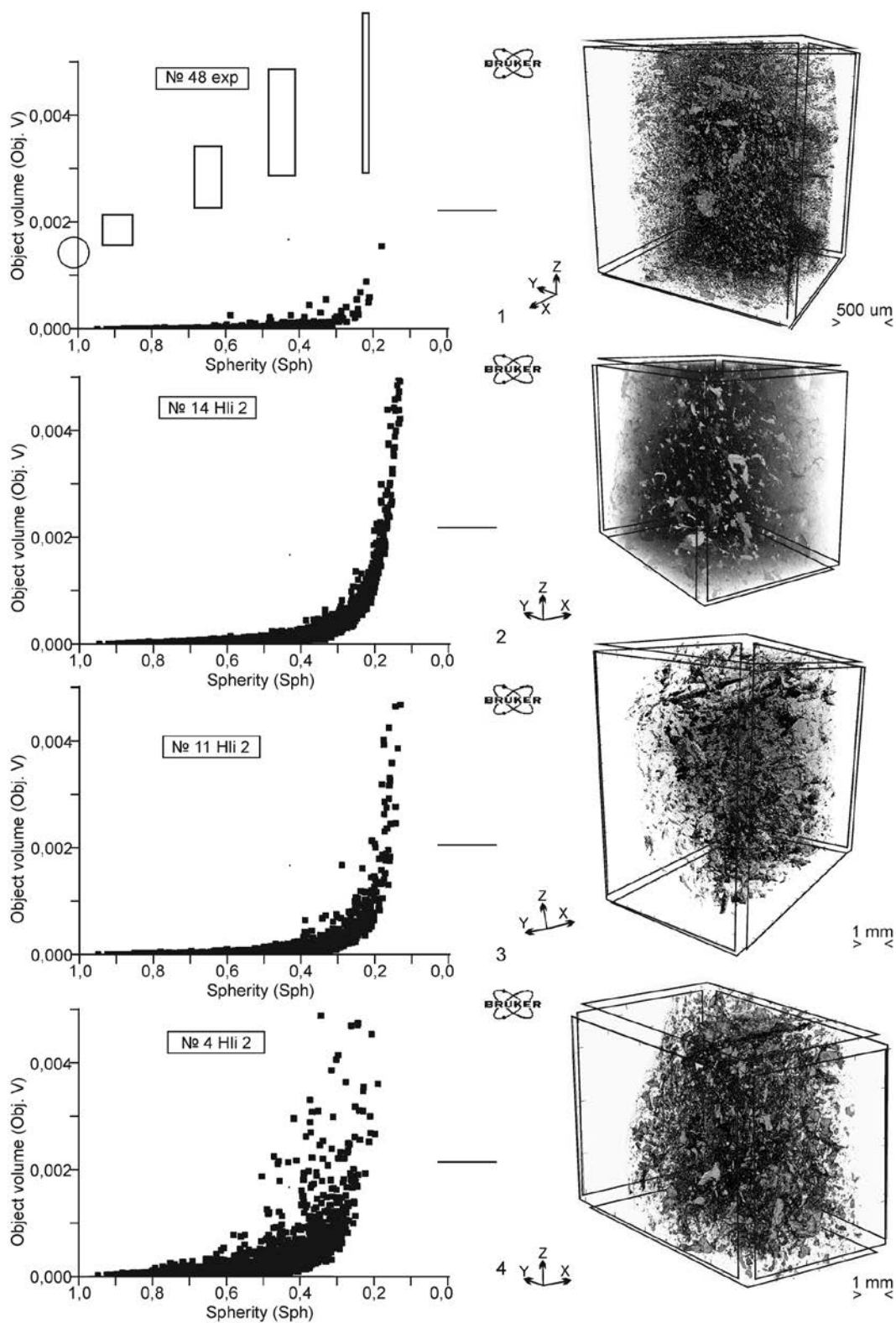

Рис. 5. Параметр «сферичности» пор для экспериментального сосуда № 48 (1) и сосудов с поселения Глинжень II-Ла Шанц (2 — Glinjeni 14; 3 — Glinjeni 11; 4 — Glinjeni 4)

Fig. 5. Pore «sphericity» parameter for experimental vessel № 48 (1) and for vessels from the Glinjeni II-La Şanţ settlement (2 — Glinjeni 14; 3 — Glinjeni 11; 4 — Glinjeni 4)

700–800 °С, долговременный, при восстановительных условиях. Glinjeni 10 (рис. 1, 7) — глина смектитового состава, содержание кластического материала — 50 % с добавлением шамота (25 %) различного состава (с карбонатами). Тесто хорошо промешано. Обжиг проходил при температуре 600–700 °С, кратковременный, в восстановительной среде.

По данным состава теста и технологических особенностей изготовления керамика Suvorove 122 отличается более совершенной технологией по сравнению с Glinjeni 10. Она была обожжена при более высоких температурах и в течение более длительного времени. Однако, рассматривая показатели внутренней пористости по параметру сферичности индивидуальных пор в объеме образца, можно отметить, что большинство мезопор этого образца имеют вытянутую форму, близкую к тонкой пластине (рис. 3, 1). Это может свидетельствовать о внутренней сильной трещиноватости в результате быстрой сушки сосуда после лепки. В то же время Glinjeni 10 (рис. 3, 2) имеет меньшее количество пор такой формы, что может свидетельствовать о соблюдении технологического режима изготовления (рис. 3, 1, 2).

Suvorove 122 и Glinjeni 10 изготавливали по одинаковой технологии, вместе с тем технологическая схема для Suvorove 122 нарушалась: имела место быстрая сушка, возможно, слишком долговременный обжиг, что приводило к мелким многочисленным трещинам, но давало более эффектный декоративный облик сосуда.

Подобная картина отмечена и для других сосудов из погребений (рис. 4) по сравнению с сосудами из поселений (рис. 5, 2–4).

Таким образом, согласно полученным на основе рентгеновской 3D-микротомографии данным, можно полагать, что в раннем железном веке у ранних кочевников Северного Причерноморья имелась посуда, специально изготовленная для помещения в могилы. Следовательно, высококачественная лощеная орнаментированная керамика достаточно высоко ценилась. Речь может идти об утилитарном и каком-то ином, символическом значении таких сосудов. Для выяснения причин этого явления изучение «погребальной» керамики традиционными археологическими методами и другими современными физико-химическими методами будет продолжено.

Литература

Гаврилюк 2017 — *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX — первая половина VII в. до н. э.). Киев: Издатель Олег Филук, 2017. 338 с.

Гольцева, Кашуба 1995 — *Гольцева Н. В., Кашуба М. Т.* Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.). Тирасполь: Мако, 1995. 272 с.

Кайзер и др. 2016 — *Кайзер Э., Кашуба М., Гаврилюк Н., Кулькова М.* Дискуссионные вопросы изучения керамики у ранних кочевников Северного Причерноморья // *Емінак: науковий щоквартальник*. Київ; Миколаїв, 2016. № 4 (16) (жовтень — грудень). С. 33–40.

Кайзер и др. 2017 — *Кайзер Э., Гаврилюк Н. А., Кашуба М. Т., Кулькова М. А.* Сосуды «фракийской группы» из степных предскифских погребений в Северном Причерноморье: возможности изучения // *Скорый С. А.* (отв. ред.). *Старожитності раннього залізного віку*. Київ: ІА НАНУ, 2017. С. 137–151 (Археологія і давня історія України. Вип. 2[23]).

Кашуба 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 241–488.

Кашуба и др. 2018 — *Кашуба М. Т., Кулькова М. А., Кульков С. А., Власенко Н. С., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э.* Белая паста — ноу-хау в производстве керамики раннего железного века Причерноморского бассейна // Кочкаров У. Ю. (отв. ред.). Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа»: ММНК. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск: Карачаево-Черкесский ГУ; ИА РАН, 2018. С. 199–202.

Кульков, Кулькова 2018 — *Кульков А. М., Кулькова М. А.* Применение рентгеновской 3D-микротомографии для исследования археологических артефактов // Гук Д. Ю. (науч. ред.). Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): Материалы Междунар. форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года. СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. С. 104–108.

Кулькова и др. 2016 — *Кулькова М. А., Мадянова Н. П., Кашуба М. Т., Кульков А. М.* Технология изготовления керамических сосудов раннего железного века из памятников Причерноморья // Нестеров Е. М., Снытко В. А., Махова С. И. (ред.). Геология, геоэкология, эволюционная география: Тр. междунар. семинара. СПб.: Изд-во РГПУ, 2016. Т. 15. С. 348–352.

Кулькова и др. 2017 — *Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э., Кульков А. М., Ветрова М. Н.* Технологические особенности изготовления глиняной посуды из памятников 10–8 вв. до н. э. Северного Причерноморья по данным минералого-геохимического методов // Марин Ю. Б., Петров Д. А. (отв. ред.). Материалы Юбилейного съезда Российского минералогического общества «200 лет РМО». Санкт-Петербург, 10–13 октября 2017 г. СПб.: РМО; Санкт-Петербургский горный университет, 2017. Т. 2. С. 409–411.

Кулькова и др. 2018 — *Кулькова М. А., Кульков А. М., Ветрова М. Н., Кашуба М. Т., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э.* Сравнение керамики из погребений и поселений раннего железного века в Северном Причерноморье по технологии изготовления // Ghilaş V. (red. şef). Conferința științifică internațională «Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare», ediția a X-a (Chișinău, 30–31 mai 2018). Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, 2018. P. 87–88.

Мелюкова 1958 — *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Смирнов К. Ф. (отв. ред.). Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1958. С. 5–102 (МИА. № 64).

Daszkiewicz u. a. 2018 — *Daszkiewicz M., Gavryluk N., Kaiser E., Kashuba M., Kulkova M., Nykonenko D., Schneider G., Vetrova M.* Keramikanalysen für die Rekonstruktion sozio-ökonomischer Verhältnisse bei den frühen Reiternomaden nördlich des Schwarzen Meeres zwischen 1000 und 600 v. Chr. // «Archäometrie und Denkmalpflege» 2018. Jahrestagung am Deutschen Elektronen-Synchrotron, Hamburg, 20.–24. März 2018. Kurzfassungen der Vorträge und Poster. Hamburg: DESY, 2018. S. 54–57.

Kulkova et al. 2017 — *Kulkova M., Kulkov A., Kashuba M., Kaiser E.* The application of high resolution 3D computer microtomography (m-CT) for study of Neolithic — Early Iron Age pottery from Eastern European archaeological sites // Chapoulie R. et al. (eds.). 14th edition European Meeting on Ancient Ceramics. 6–9 Sep 2017 Bordeaux (France). Bordeaux: Institut de recherche sur les Archéomatériaux — Centre de recherche en physique appliquée à l'archéologie; Le Centre national de la recherche scientifique; Laboratoire d'Excellence Sciences Archéologiques de Bordeaux; FSAB, 2017. P. 14.

TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE “BURIAL” POTTERY FROM THE EARLY IRON AGE OF THE NORTH BLACK SEA REGION AS REVEALED BY X-RAY 3D MICROTOMOGRAPHY

M. A. KULKOVA, A. M. KULKOV, M. T. KASHUBA, M. N. VETROVA,
N. A. GAVRILYUK, E. KAISER

Keywords: *North Black Sea region, Early Iron Age, sedentary population, early nomads, microtomography, 3D-model, pore volume, “burial” pottery.*

The paper deals with the pottery making technology of the Early Iron Age mobile (early nomads) and sedentary populations, which inhabited the North Black Sea region and forest-steppe areas adjacent to it from the north. The hypothesis of special production of low quality “burial” pottery is verified with the use of X-ray 3D microtomography. The technological peculiarities of the pottery-making process were assessed on the basis of porosity indexes: the ratio between open and closed pores in ceramics is a technological parameter which reflects the quality of production. The worst quality vessels from the burials of Suvorove 5/2 (Suvorove 133), Mayaki 1/5 (Maiaki 121), Kut 32/7 (Kut 90) and Limantsy 3/3 (Limantzi 106) (Fig. 1, 1, 4; 2) were compared with high quality pottery (specimens with equal indices of open and closed porosity) from Suvorove (Suvorove 122) and Glinjeni II-La Şant (Glinjeni 10) (Fig. 1, 3, 7). That had revealed that while Glinjeni 10 was produced in compliance with proper operating practices, in the case of Suvorove 122 the standard requirements were violated (Fig. 3), which made the appearance of the vessel more spectacular. The same picture has been noted for other vessels from burials, as compared to those from settlements (Fig. 4; 5). It appears that the Early Iron Age nomads of the North Black Sea region had vessels designed specifically for being placed in graves.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ ТУВЫ И МОНГОЛИИ¹

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, Вл. А. СЕМЁНОВ²

Ключевые слова: оленные камни, Тува, Монголия, херексуры, курганы, раннескифское время, алды-бельская культура.

В Центральной Азии обнаружена серия оленных камней с антропоморфными мотивами (лицо, ладонь или схематичная фигура человека). Они встречаются и на других камнях совместно с изображениями, выполненными в монголо-забайкальском, саяно-алтайском и евразийском стилях (рис. 1–3). Названные мотивы указывают на символику оленных камней, которую толкуют двояко. Согласно первой интерпретации оленные камни представляют собой изображение первопредка или героя-воина или вора, крадущего скот. В соответствии со второй трактовкой оленный камень являлся кенотафом, замещавшим могилу человека.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-50-59

В 2016–2017 гг. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила изыскания в урочище Ховужук-Аксы вблизи монгольской границы, правее трассы Хандагайты — Мугур-Аксы. При ее строительстве натолкнулись на комплекс оленных камней, причем один из них оказался под полотном дороги, из-под которого и был извлечен (Килуновская, Семёнов 2014: 36). При осмотре окружающей территории зафиксировано 134 археологических объекта в северной части могильника Ховужук-Аксы, расположенного между заболоченным берегом р. Шырган-Озен и дорогой. Среди этих памятников выделяются четыре херексура с лучами, оградой и комплексом поминальных колец (диаметром 50–80 м, высотой до 1,8 м). Здесь обнаружены курганы скифского времени с округлой каменной насыпью (диаметр — 6–13 м, высота — до 20 см), западиной или плоской вершиной; западины с комплексами поминальников; плоские округлые каменные выкладки диаметром 2–4 м, возможно, имевшие поминальный характер, и три сооружения с прямоугольной оградой. Херексуры сопровождают 86 каменных колец-поминальников. Кроме того, на площади могильника обнаружено семь древнетюркских прямоугольных поминальных оградок со стелами и балбалами, которые являются в большинстве

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² М. Е. Килуновская и Вл. А. Семёнов — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

случаев оленными камнями во вторичном использовании. Внимания заслуживает объект № 9, состоящий из четырех оградок, сделанных из оленных камней. К западу от них поставлены оленные камни, от которых отходят цепочки балбалов из оленных камней. Всего в 2017 г. обнаружено не менее 83 различных стел, включая 34 оленных камня, 11 из которых были вкопаны, остальные либо упали, либо были перемещены. Площадь могильника подверглась сильной распашке, поэтому некоторые объекты и изваяния были разрушены. Стелы в основном сломаны, но их основание сохранялось на первоначальном месте. Часть стел (не менее 22) включена в ряды балбалов. Обнаружена цепочка вкопанных вертикально стел (не менее 15) без изображений. Она вела от херексура к скоплению оленных камней, возможно, являвшемуся святилищем. На всех оленных камнях в верхней части показаны круги-серьги, вверху и посередине исполнены широкие полосы — диадемы и пояса, ожерелье из лунок. На большей части стел изображены три косые полосы, оружие в виде чеканов или клевцов, кинжалы скифского типа, а также фигуры животных — козлов и оленей в скифо-сибирском стиле. На одном камне представлена квадрига, запряженная четырьмя лошадьми.

Особый интерес вызывает камень № 9 (рис. 1). Его высота составляет 130 см, ширина варьирует от 30 до 15 см. На лицевой стороне стелы, неровной и слегка наклоненной вперед, выбиты три полосы (рис. 1, а, б). На правой стороне камня показан круг (серьга), ниже которого расположена ромбовидная фигура. На расстоянии 30 см от верха стелы ее пересекает пояс (широкая линия), на котором выбиты акинак и лук в горите (рис. 1, в). На левой стороне камня, выше пояса, изображена ладонь с растопыренными пальцами. Сверху к ладони присоединены чекан и недоуздок (извилистая полоса), соединенный с помещенной под поясом реалистичной фигурой коня. Последний имеет опущенную вниз морду, листовидное ухо и длинный хвост (рис. 1, а, б). На тыльной стороне стелы выбита схематичная фигурка «мертвого» человека, поскольку он изображен вниз головой (рис. 1, г). Такая трактовка этого образа соответствует общей схеме бинарных оппозиций. Подобные фигурки встречаются на оленных камнях, положенных в насыпи курганов (например, могильник Бай-Даг 8), где они, возможно, символизируют кенотафы (Килуновская, Семёнов 2014: 38–41; Ковалёв и др. 2014: 51–52), а также на плитах тагарских курганов (Семёнов и др. 2003: 59, рис. 57, 58 и др.). Антропоморфная фигура такого рода может рассматриваться как знак, связывающий оленные камни с погребениями. В этом отношении важно также изображение коня, который является частью погребальных культов, широко представленных у скифов. Выполненный на камне № 9 конь, над которым как бы занесен чекан, можно рассматривать как жертву. Конские останки неоднократно зафиксированы в ритуальных сооружениях, которые сопровождали комплексы с оленными камнями и херексуры (Ковалёв и др. 2014: 45–46).

В Туве известны еще три камня с изображением ладони. Все они происходят из Уюкской котловины. Один из них, найденный С. А. Теплоуховым в 1,5 км к северу от пос. Уюк, опубликован без масштаба и потому невозможно представить его размеры (Кызласов 1978: рис. 3). Л. Р. Кызласов, ссылаясь на дневники С. А. Теплоухова, пишет, что камень имел высоту 1,7 м. На его лицевой стороне выбиты три косые линии. Ниже показан пояс, а на нем чекан и косая линия (нож или акинак?) (рис. 2, 3). Рукоять чекана соединена с ладонью, обозначенной контурным кругом

Рис. 1. Могильник Ховужук-Аксы (Овьурский р-н, Республика Тыва), оленный камень № 9
 Fig. 1. Khovuzhuk-Aksy cemetery (Ovyur district of the Republic of Tuva), deer stone No. 9

с пятью отростками (пальцами). Верхняя часть камня имеет небольшой выступ и как бы нависает над ожерельем. На боковой, по всей видимости, левой стороне сверху расположены серьга с круглой подвеской и ожерелье (цепочка овальных лунок).

Подобное изображение ладони имеется и на оленном камне из кургана Чингетей I (рис. 2, 2), который исследует К. В. Чугунов. Стела была вмурована в основание кладки кромлеха, окружающего курган. Круглая ладонь выбита на левой стороне камня в средней зоне (Чугунов 2014: рис. 7). Автор раскопок трактует этот контурный

круг как зеркало (Там же: 138). В верхней части стелы на узкой грани показаны три косые линии, под которыми находится продолговатый выступ, обозначающий нос антропоморфной фигуры. На боковых гранях изображены серьги с конусовидными подвесками, ожерелье из овальных лунок, на задней грани замыкающееся кругом-застежкой, на поясе находился полный набор боевого инвентаря — чекан, кинжал, горит, оселок, нож. Расположение кисти, как представляется, соответствует положению согнутой на груди руки, как это часто встречается в скифских погребениях. В этом кургане обнаружен еще один оленный камень, который также был уложен в наземном сооружении напротив воинского погребения. К. В. Чугунов подчеркивает, что «находка целых стел в конструкции кургана Чинге-Тей еще раз демонстрирует участие изваяний в погребальном обряде» (Там же: 139).

Третий уюкский камень (рис. 2, 1) найден возле пос. Аржаан Л. С. Марсадоловым (Марсадолов 2005: рис. 4). Речь идет о прямоугольной стеле из коричневатокрасноватого песчаника высотой 1,1 м, шириной 22 см и толщиной 11 см. Этот камень необычен комбинацией своих изображений. Его лицевая узкая верхняя часть с тремя косыми полосами выступает вперед над фронтальной, слегка стесанной поверхностью, лишенной изображений вплоть до пояса. Пояс имеет вильчатую застежку: раздвоенная фигура с утолщениями на конце. К поясу прикреплены оселок и кинжал, причем его прямое перекрестие и лезвие показаны уже на левой стороне камня, на которой также выбиты серьга с конической подвеской и ладонь с пятью пальцами, опущенными вниз, под которой располагаются серповидный предмет (возможно, рог барана) и горит с луком. Дисковидное силуэтное изображение ладони на этом камне отличается от двух вышеописанных круглых контурных (рис. 2, 1). На правой грани в верхней части (на голове) показано украшение из вписанных друг в друга двух колец, а под поясом — чекан с круглым обухом. На тыльной узкой грани (на спине) выполнена фигура скребущего когтями хищника длиной около 25 см. Экстерьер зверя необычен: большая морда, раскрытая пасть, высунутый язык, непропорционально длинное тело. Но если изображение свернуть в кольцо, то оно будет соответствовать фигурам свернувшихся хищников (прежде всего изображению волка) на оленном камне, найденном недалеко от пос. Аржаан у горы Кош-Пей (Килуновская, Семёнов 1998: 144–145, рис. 3). Ближайшей аналогией фигурам упомянутых хищников является найденная в кургане Аржаан-1 уникальная бронзовая конская бляха в виде пантеры, которая соответствует им не только по стилю, но и по размерам. На кош-пейском камне мы видим также изящную фигуру лошади с подогнутыми ногами, длинной шеей и двумя ушами листовидной формы, а на лицевой грани — втульчатый клевец с длинной рукоятью, имеющей овальное утолщение (вток). Он направлен в сторону оленей с удлинёнными клювовидными мордами, заполняющими всю правую грань камня. Безусловно, здесь опять отражена идея жертвенности или жертвоприношения.

Описанные выше камни кроме изображений кисти объединяет оформление верхней части стелы в виде уступа. С помощью этого художественного приема оленные камни приобрели антропоморфные очертания. На стеле из Чинге-Тей I уступом был показан человеческий нос.

Среди оленных камней с антропоморфными элементами, включающими в частности изображение кисти, известно несколько изваяний, на которых три полосы на узкой грани замещены реальными человеческими лицами. На камне с горы Чарга

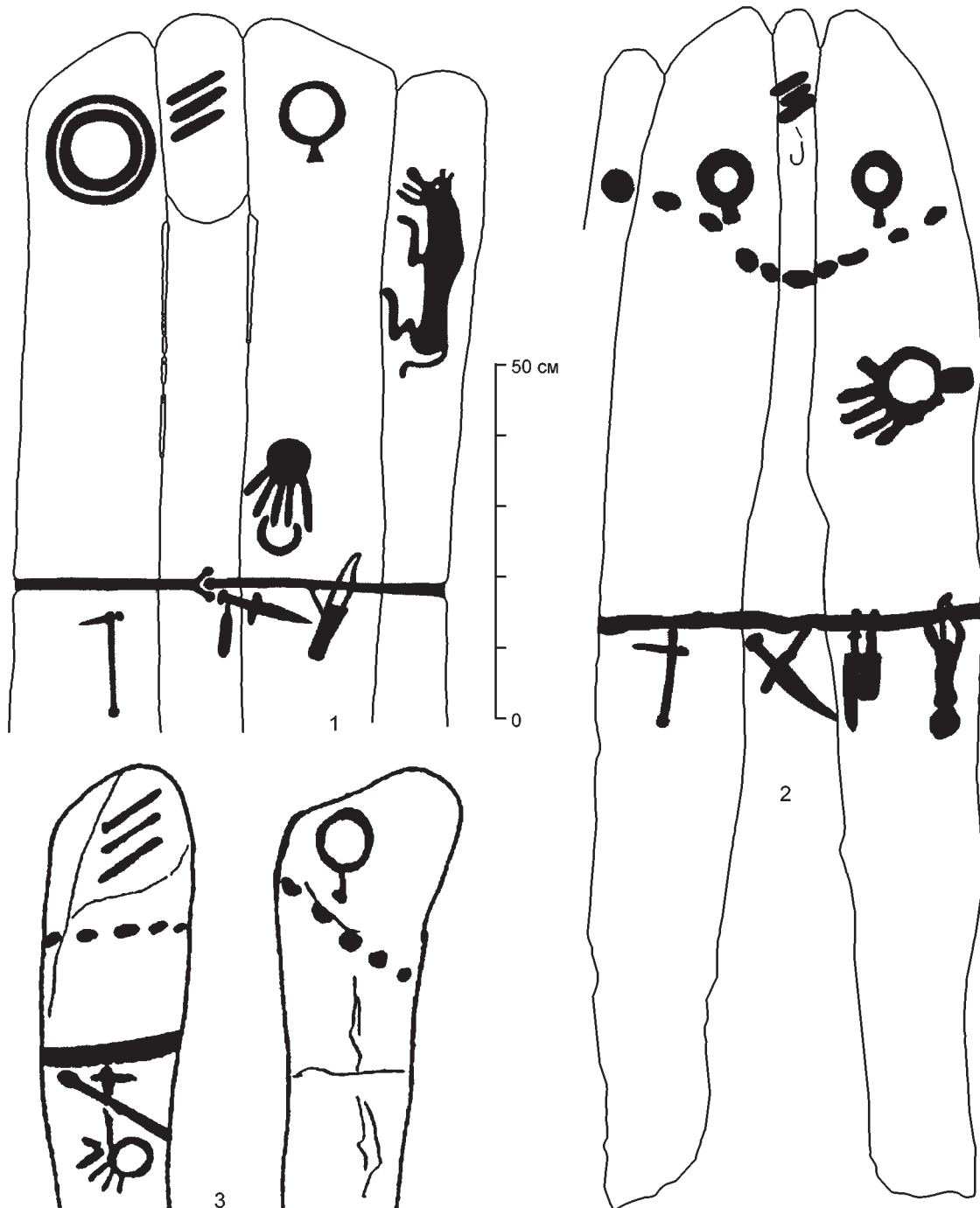

Рис. 2. Оленные камни с изображением руки из Тувы: 1 — поселок Аржаан (по: Марсадолов 2005); 2 — Чинге-Тей 1 (по: Чугунов 2014); 3 — Уюк (по: Кызласов 1978; без масштаба)

Fig. 2. Deer stones with depictions of hand from Tuva: 1 — Arzhaan township (after Марсадолов 2005); 2 — Chinge-Tei 1 (after Чугунов 2014); 3 — Uyuk (after Кызласов 1978; not to scale)

представлен не только человеческий лик, но и три полосы (рис. 3, 4). Эта, по всей видимости, наиболее архаичная стела не имеет также и других обычных компонентов, оформляющих «стандартные» оленные камни. На ней не изображено оружие, а фигуры зверей в средней зоне между гривной (выбитая полоса под лицом)

и поясом выполнены в свободной манере, характерной для петроглифов, но, несомненно, относящейся к аржано-майэмирскому стилю раннескифского времени (Килуновская, Семёнов 1999: 139, рис. 11).

Более строгие композиции сохраняются на оленних камнях Монголии, на которых три косые полосы заменены личинами. Наряду с такими классическими и хорошо известными памятниками как стела из Алтанбулаг сумына на р. Туул (Волков 2002: табл. 110) и Ушкийн-Увэр Хубсугульского аймака (Там же: табл. 79) в Монголии встречаются и архаичные произведения искусства, представленные на обломке скалы, где фигуры оленей, выполненные в монголо-забайкальском стиле, выбиты на пригодных для этого плоскостях, наряду с изображением лица, глаза которого обозначены точками, нос — П-образным перевернутым знаком, а рот — черточкой (камень из Жаргалант сумын; Там же: табл. 39) (рис. 3, 5).

Хотя число оленних камней с антропоморфными признаками незначительно, среди них встречаются уникальные экземпляры, по своей стилистике отличающиеся от стандартных типов стел. В Туранском краеведческом музее (Тува) хранится скульптура с четко проработанными чертами лица (Килуновская, Семёнов 1999: рис. 12). Она характеризуется конической головой, выделенной на лицевой грани нависающим выступом, как и на других уюкских камнях. Рельефными валиками показаны овальные рот и большие глаза с эпикантусом, прямой длинный нос, надбровные дуги, круглый подбородок, рельефом подчеркнуты слегка выступающие скулы. Желобок-ожерелье отделяет голову от средней части камня, где выбиты схематичные фигуры животных (рис. 3, 1). Самой примечательной деталью этого изваяния являются ушные раковины, изображенные повернутыми в обратную сторону, как у фигуры богини на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 3, 2 — Артамонов 1973: рис. 77). Эта деталь указывает на то, что перед нами находится «нездешнее существо».

На другом камне из Тувы имеется изображение ушей, выполненное в обычной манере (оленний камень № 5, могильник Адыр-Тей на левом берегу р. Суг-Кежиг, в 20 км от пос. Чаа-Сур [Овюрский р-н]). Эта стела (Плотников, Худяков 1987: 110, рис. 1, 4) тоже уникальна. Ее верхней части придана форма человеческой головы без лица, вместо которого выбиты три косые полосы (рис. 3, 3). К сожалению, камень опубликован частично, поэтому неизвестно, что было выбито в его нижней части.

Изображение лица или оформление верхней части стелы в виде контура головы позволяет рассматривать оленний камень как антропоморфный образ. Ограниченное количество таких стел позволяет сделать вывод о том, что личина не имела большого значения в семиотическом плане. По-видимому, этот образ был и так понятен в том социуме, в культуре которого он существовал. Большее значение имело изображение трех косых линий, которые указывают на некоторую иную, не вполне человеческую природу изображенного в камне персонажа.

В то же время нанесенная на стелы фигура ладони с растопыренными пальцами позволяет видеть в ней отголосок культа бога-громовика, широко распространенного в Северной Евразии и восходящего к общеиндоевропейскому архетипу. Божеество верхнего мира наделяется гипертрофированно большой ладонью или ступней (Семёнов 1990; 1994). Его атрибутами являются, прежде всего, топор или клевец (чекан), а также лук в налучье и акинак. Несоразмерно большая кисть руки изображается также и на скифских изваяниях в восточноевропейском ареале, например,

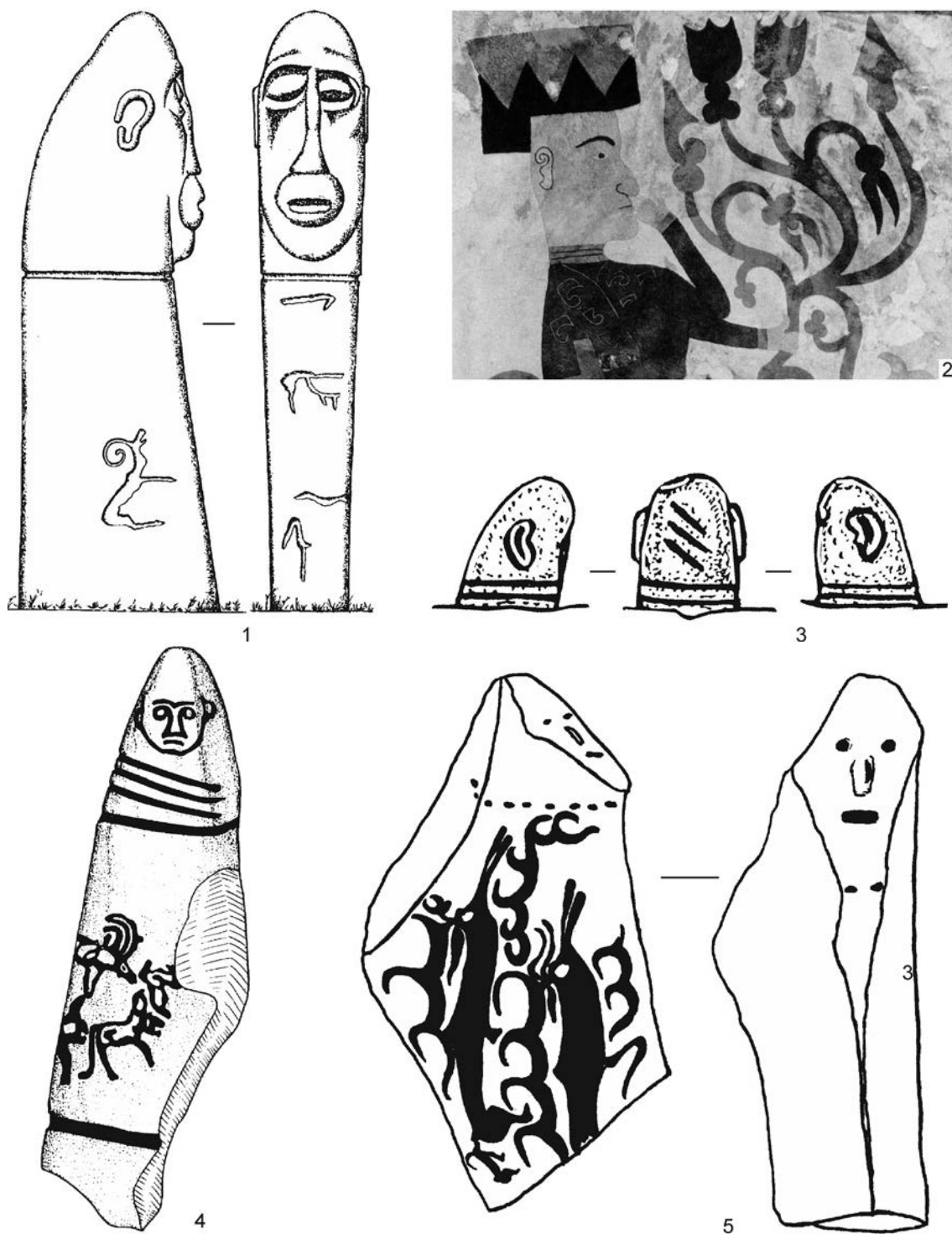

Рис. 3. Оленные камни с личинами (1, 3–5) и ковер из Пятого Пазырыкского кургана (2 — по: Артамонов 1973): 1 — Туранский краеведческий музей и 4 — Чарга, Тува (по: Килуновская, Семёнов 1999); 3 — Адыр-Тей, Тува (по: Плотников, Худяков 1987); 5 — Жаргалант сумын, Монголия (по: Волков 2002)

Fig. 3. Deer stones with faces (1, 3–5) and the carpet from the Fifth Pazyryk barrow (2 — after Артамонов 1973): 1 — Turan Regional Museum, and 4 — Charga, Tuva (after Килуновская, Семёнов 1999); 3 — Adyr-Tei, Tuva (after Плотников, Худяков 1987); 5 — Jargalant district, Mongolia (after Волков 2002)

на скульптуре из Терновки, где показаны кисти рук с растопыренными пальцами, причем одна из них покоится на левом боку рядом с горитом, а другая — на груди с рогом для питья (Ольховский, Евдокимов 1994: 18, рис. 8).

Однако сближение оленных камней с восточноевропейскими стелами весьма условно, так как скифские изваяния являются в основном полномерными скульптурами, которые восходят к местным традициям эпохи энеолита и бронзового века. А. И. Зайцев, а затем Я. В. Васильков высказали предположение, что такие антропоморфные изваяния могли быть материальным, а не вербальным воплощением индоевропейской поэтической формулы со значением «непреходящая слава». Они связаны с погребальными памятниками — курганами, о символическом значении которых свидетельствует гомеровский эпос, в котором курган осмысливается как физическое воплощение славы героя, как «знак», призванный напомнить о нем и его деяниях (Васильков 2010: 68–69). Я. В. Васильков сопоставляет ареал антропоморфных изваяний с ареалом скотоводов, племенам которых были присущи военные конфликты. Часто стелы увековечивали память героев, павших в межплеменных столкновениях. О прямом отношении этих изваяний к «непреходящей славе» свидетельствуют индийские стелы «кирстимукха» — «столп славы», часто увенчанные личиной апотропея (Там же: 70–71), то есть охранителя стад и стойбищ, символа «непреходящей славы», призванного увековечить память похитителя скота, удачливого в набегах на соседей или в отражении нападения врагов.

Оленные камни Центральной Азии лишь условно могут быть названы «антропоморфными» изваяниями. На них доминируют анималистические образы, связанные с мифологическими представлениями племен скифо-сакского круга, что говорит о синкретичном содержании этого символа, воспроизведенного в камне.

По-видимому, оленный камень являлся полифункциональным медиатором между мирами живых и мертвых. Практика «захоронения» этих стел свидетельствует о том, что они могли считаться кенотафами. Их закладка в основание кургана свидетельствует о том, что оленные камни рассматривали в качестве закладной жертвы, замещающий человеческое жертвоприношение. Изобразив на стелах отсутствующее в погребениях оружие, полагали, что оно станет настоящим в другом мире. Казалось бы, что прошедшие столетия не позволяют восстановить обряды центральноазиатских кочевников, связанные с контактами или общением с умершими, но такие ритуалы, сохранившиеся в ираноязычной среде, например, у осетин, могут рассматриваться как косвенные указания на обычаи, существовавшие в древности. В поминальном обряде осетин особое внимание заслуживает «ночь мертвых», которую отмечали на Новый год. В эту ночь душа покойника прилетала домой и оставалась там до рассвета. Она вселялась в изображавшее покойника чучело, которое состояло из двух крестообразно сложенных палок. На них надевали одежду умершего. За чучелом, посаженным на видном месте перед накрытым столом, вывешивали на столбе предназначенные для передачи покойнику кинжал, ружье, седло, бурку и плеть (Калоев 1999: 204–205).

Этот архаичный обычай, призванный сохранить накопленное добро, не помещая его в погребение, аналогичен ритуалу из другой части света. В Южной Скандинавии клады или погребальный инвентарь замещали изображениями их на скалах. На монгольских оленных камнях зачастую изображено оружие карасукского типа, которое в могилах, как правило, отсутствует. Скифское престижное оружие,

показанное на оленных камнях Тувы, также редко находят в курганах. Все это является проявлением идеи замены реальных ценностей их заместителями, то есть изображениями на оленных камнях, которые, по всей вероятности, сами являются вместилищем души умерших, для которых вырубали пятиугольные решетчатые фигуры, интерпретируемые обычно как щиты.

Оленные камни относятся к ранней стадии существования культур скифского типа и иллюстрируют круг мифо-ритуальных представлений, имеющих общие корни в индоевропейском мире. Исследования могильника Ховужук-Аксы, находящегося на границе Монголии и Тувы, открыли здесь особый ареал этих памятников древнего искусства, для которого характерны как определенные сходства, так и различия в художественном оформлении стел.

Литература

Артамонов 1973 — *Артамонов М. И.* Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 289 с.

Васильков 2010 — *Васильков Я. В.* Индоевропейская поэтическая формула и древнейшая концепция героизма в «Махабхарате» // Васильков Я. В., Кисилиер М. Л. (ред.). Поэтика традиции: сб. ст. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 68–91.

Волков 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Калоев 1999 — *Калоев Б. А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 393 с.

Килуновская, Семёнов 1998 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // АВ. 1998. № 5. С. 143–154.

Килуновская, Семёнов 1999 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // АВ. 1999. № 6. С. 130–145.

Килуновская, Семёнов 2014 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Тишкин А. А. (отв. ред.). Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 36–41.

Ковалёв и др. 2014 — *Ковалёв А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнбаатар Д.* Оленные камни — это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Там же. С. 41–54.

Кызласов 1978 — *Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 25–30.

Марсадолов 2005 — *Марсадолов Л. С.* «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Гуляев В. И. (гл. ред.). Древности Евразии: От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 301–311.

Ольховский, Евдокимов 1994 — *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.

Плотников, Худяков 1987 — *Плотников Ю. А., Худяков Ю. С.* Оленные камни Тувы // Мартынов А. И., Молодин В. И. (отв. ред.). Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 108–112.

Семёнов 1990 — *Семёнов Вл. А.* Башмачок Золушки (Знак/символ — след/стопа как явление культуры) // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Традиционная духовная культура народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ГУ, 1990. С. 55–67.

Семёнов 1994 — *Семёнов Вл. А.* Два знака-индекса в наскальном искусстве Фенноскандии // Вилинбахов Г. В. (науч. ред.). Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В. И. Равдоникаса: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1994. С. 90–92.

Семёнов и др. 2003 — *Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 121 с.

Чугунов 2014 — *Чугунов К. В.* Оленные камни Чинге-Тея (предварительное сообщение) // Тишкин А. А. (отв. ред.). Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 136–140.

ANTHROPOMORPHIC ELEMENTS ON THE DEER STONES OF TUVA AND MONGOLIA

M. E. KILUNOVSKAYA, VL. A. SEMENOV

Keywords: *deer stones, Tuva, Mongolia, kheregsurs, barrows, Early Scythian time, Aldy-Belsk culture.*

A series of deer stones with anthropomorphic motifs (face, palms, or schematic human figures) was discovered in Central Asia. These motifs can be found also on other stones together with images made in the Mongol-Transbaikalian, Sayan-Altayan and Eurasian styles (Fig. 1–3). The motifs under question point to the symbolic meaning of deer stones, which is interpreted in two ways. According to the first interpretation, the stones represent images of the primal forefather, or warrior-hero, or thief, stealing livestock. The second interpretation treats deer stones as cenotaphs.

КОМПЛЕКС АМФОР ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ ИЗ ЯМЫ № 41 (1968 г.) НА о. БЕРЕЗАНЬ¹

С. Ю. МОНАХОВ, Е. В. КУЗНЕЦОВА, Д. Е. ЧИСТОВ, Н. Б. ЧУРЕКОВА²

Ключевые слова: амфоры, керамические клейма, Государственный Эрмитаж, о. Березань, археологический комплекс.

В статье рассматривается амфорный комплекс, обнаруженный в 1968 г. в ходе раскопок на участке «Г» на Березани. Яма-склад № 41 содержала 9 клейменных амфор производства Гераклеи Понтийской. На амфорах представлены клейма фабрикантов Архестрата, Рамфия и Дионисия, а также оттиски раннего магистрата Аристокла. Березанский комплекс является редким примером однородного набора керамической тары 390-х гг. до н. э., где временная разница между отдельными амфорами минимальна.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-60-68

В 1968 г. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой были проведены археологические исследования на участке «Г» Березанского поселения. В результате были доследованы строительные остатки наземного помещения с подвалом, открыто несколько новых хозяйственных объектов, среди которых была и яма № 41 диаметром 1,1 м и глубиной 0,95 м. В яме были обнаружены девять клейменных амфор Гераклеи Понтийской. Две из них стояли вверх горлами, остальные — горлами вниз. К. С. Горбунова упоминает, что помимо целых сосудов здесь были зафиксированы свыше 1200 амфорных фрагментов, датирующихся V–IV вв. до н. э., наконечник стрелы и монета-стрелка (Горбунова 1968).

В свое время данный комплекс уже был частично опубликован. Сначала восемь амфор из комплекса были включены в сводку И. Б. Брашинского, но без иллюстраций (Брашинский 1984: табл. 7, № 6, 13, 47, 58, 66, 68, 84, 149). Затем один из авторов опубликовал эти сосуды уже как комплекс (Монахов 1999: 202–203, табл. 79, 80; 2003: 215–217). Однако по разным причинам в публикации присутствовали чертежи только семи амфор. Сейчас, благодаря работе в фондах ГЭ, удалось изучить этот комплекс полностью — все девять экземпляров, описание которых и будет дано ниже.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00096.

² С. Ю. Монахов — Кафедра истории древнего мира, Институт истории и международных отношений СГУ; Институт археологии и культурного наследия СГУ, г. Саратов, 410012, Россия; Е. В. Кузнецова и Н. Б. Чурекова — Институт археологии и культурного наследия СГУ, г. Саратов, 410012, Россия; Д. Е. Чистов — Отдел Античного мира, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.

Все представленные в комплексе сосуды имеют близкие морфологические и метрические параметры и принадлежат к вариантам I-3 и I-4 первого «пифоидного» типа гераклейской тары (Монахов 2003: 126–128). Все они имеют емкость около 10 л (табл. 1), что соответствует 3 аттическим хоям или 7 гераклейским хойникам (Монахов 2003: 143). Лишь у двух амфор емкость немного превышает 10 л (табл. 1, 6, 7)³.

Таблица 1

Метрические параметры амфор из ямы № 41 (1968 г.) с Березани

№ п/п	Инв. № ГЭ	Линейные размеры, мм						Клеймо	Емкость, л	Рис.
		H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d			
1	Б.68-121	660	583	265	200	288	73	ф. Архестрат	–	1, 2
2	Б.68-122	626	566	280	176	267	65 × 79	м. Аристокл	10	1, 3
3	Б.68-123	633	574	285	200	264	73 × 70	ф. Дионисий	–	3, 7
4	Б.68-124	640	582	290	190	258	72 × 77	м. Аристокл	9,5	2, 4
5	Б.68-125	625	560	270	185	258	75	м. Аристокл	9,4	2, 5
6	Б.68-126	652	595	285	200	260	68 × 78	ф. Дионисий	10,8	3, 8
7	Б.68-127	678	593	300	200	266	67 × 83	ф. Дионисий	10,4	3, 9
8	Б.68-128	560	560	265	190	270	68 × 72	ф. Рамфий	≈ 9,15	1, 1
9	Б.68-129	630	563	275	180	256	61 × 73	м. Аристокл	8,75	2, 6

Первый сосуд (Б.68-128) имеет высокое, слегка расширяющееся книзу горло, острореберный венеч с подрезкой. Под венцом сохранилась полоса красной краски. В средней и нижней частях горла проходят желобки. На одной стороне горла под клеймом имеется граффито в виде букв «Т» и «П» (рис. 1, 1). С другой стороны горла, по центру находится крупное округлое пятно красной краски. Тулово пифоидное, близкое к коническому. Ножка сосуда не сохранилась. Отсутствует небольшой фрагмент плеча. Под венцом оттиснуто двустрочное ретроградное энглифическое клеймо фабриканта Рамфия. Оттиски этого штампа известны в комплексах ольвийского склада 1947 г. (Монахов 1999: 198, табл. 75, 18), а также объекта «Костадин Чешма» возле Дебелта в Болгарии (Balabanov et al. 2016: No. Cat. 118 C). Единственное сохранившееся горло с таким клеймом происходит из раскопок Херсонеса (Монахов и др. 2017: НР4). Фабрикант Рамфий работал, по мнению В. И. Каца, только на протяжении ранней фабрикантской группы, в конце V — начале IV в. до н. э. (Кац 2007: 429).

Вторая амфора (Б.68-121) имеет высокое, расширяющееся книзу горло, с небольшим острореберным венцом, выделенным подрезкой. Под венцом сохранились следы красной краски. Тулово сосуда пифоидное, на месте наибольшего диаметра ножки присутствуют два ребра, выемка снизу неглубокая, коническая. На горле сосуда стоит энглифическое ретроградное двустрочное клеймо фабриканта Архестрата (рис. 1, 2). Амфоры с аналогичным оттиском были обнаружены

³ В монографии 2003 г. приведены показатели емкости, указанные И. Б. Брашинским (Монахов 2003: 215–219). В дальнейшем измерения были проверены и в настоящей публикации даны уточненные объемы сосудов.

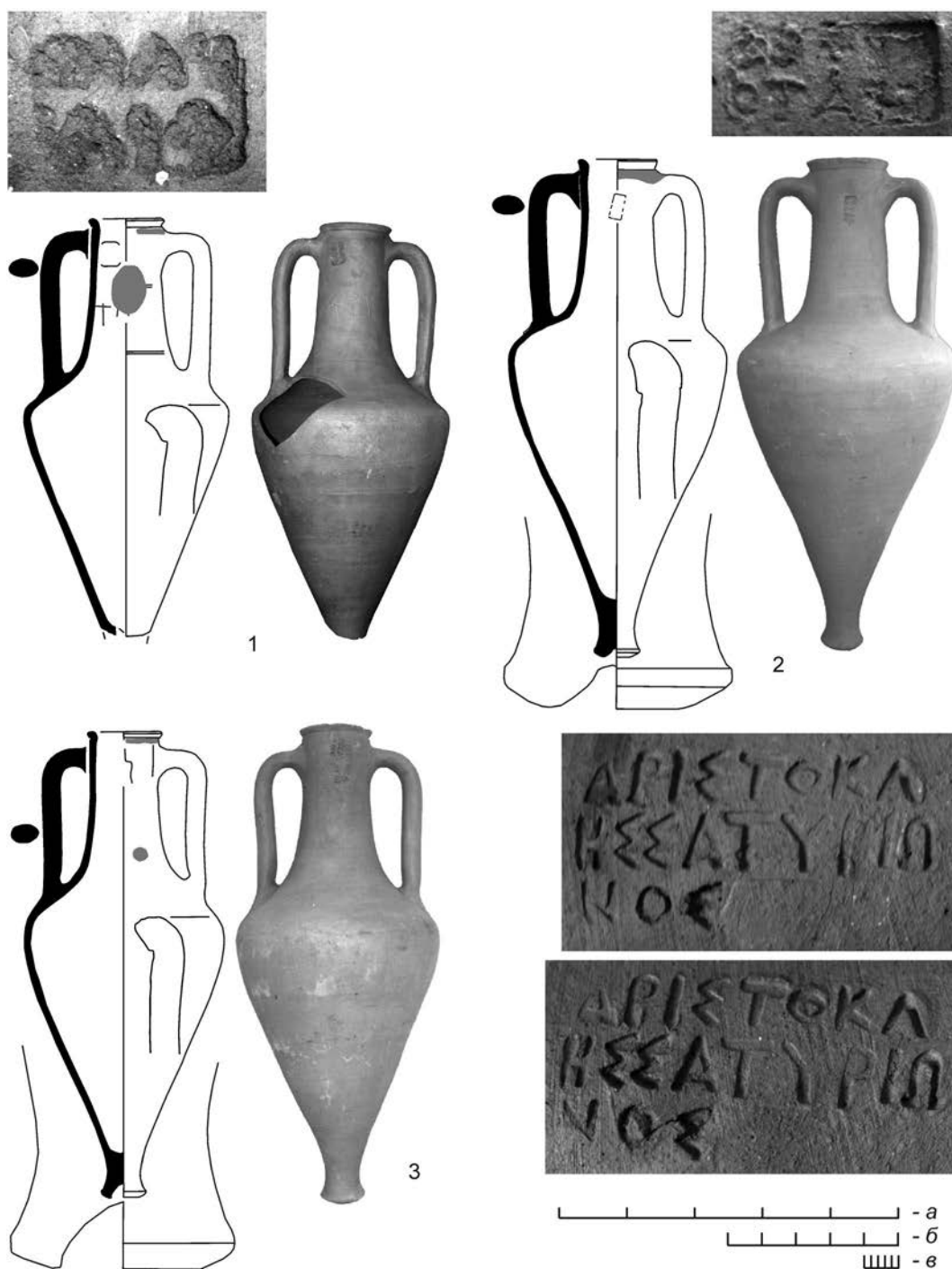

Рис. 1. Гераклеийские амфоры из ямы № 41 на о. Березань:
 1 — фабрикант Рамфий (Б.68-128); 2 — фабрикант Архестрат (Б.68-121);
 3 — магистрат Аристокл (Б.68-122).
 Масштабы на рис. 1-3: а — клейма; б — детали; в — общий вид амфор

Fig. 1. Heracleian amphorae from pit No. 41 on Berezan island:
 1 — produced by Ramphias (B.68-128); 2 — produced by Archestratus (B.68-121);
 3 — magistrate Aristokles (B.68-122).
 Scales on Fig. 1-3: a — stamps; б — details; в — general outlook of amphorae

в помещении № 27 в Керкинитиде и в кургане № 76 Елизаветовского могильника (Монахов 1999: 184–186, табл. 69, 70), отдельные клейма хранятся в собрании Керченского музея (Федосеев 2016: № 2096, 2097 с аналогиями). Еще две целые амфоры с такими же клеймами хранятся в ГЭ (инв. № ГР-20318, Б.8985; Ол.-15882). Фабрикант Архестрат работал в период ранней фабрикантской группы и I магистратской хронологической группы в конце V — начале IV в. до н. э. (Кац 2007: 429).

Третья амфора (Б.68-122) имеет те же морфологические характеристики, отличаясь только остросереберной ножкой с глубокой конической выемкой (рис. 1, 3). Под остросереберным венцом проходит полоса красной краски, в нижней части горла небольшое круглое пятно красной краски. Под венцом с обеих сторон горла оттиснуты трехстрочные энглифические клейма магистрата Аристокла в сочетании с именем фабриканта Сатириона, выполненные одним штампом. Подобные клейма известны в большом количестве в виде отдельных находок (Федосеев 2016: № 1068 с аналогиями; Монахов и др. 2017: 34, рис. 10, 11). Магистрат Аристокл является одним из самых ранних в I магистратской хронологической группе, его деятельность датируется 390-ми гг. до н. э. (Кац 2007: 429). Фабрикант Сатирион известен по трем двустрочным штампам в период ранней фабрикантской группы (Кац 2015: № 885).

Немного отличается метрическими параметрами от предыдущего следующий, *четвертый* сосуд (Б.68-124). Морфология амфоры (рис. 2, 4) практически одинакова с № 3. Единственное различие — присутствие на данной амфоре желобка под венцом, под которым оттиснуто энглифическое клеймо магистрата Аристокла в сочетании с именем фабриканта Сатириона тем же штампом, что и на предыдущей амфоре (табл. 2, 4).

Таблица 2

Клейма из ямы № 41 (1968 г.) с Березани

№ п/п	Инв. № ГЭ	Легенда	Аннотация, хронология (по: Кац 2007)
1	Б.68-128	Ραμ φία ←	Фабрикант Ραμφίας, РФГ, конец V — начало IV в.
2	Б.68-121	Ἀρχεστ ράτος ←	Фабрикант Ἀρχεστράτος, РФГ, конец V — начало IV в.
3	Б.68-122	Ἀριστοκλ ῆς Σατυρίω νοσ	Магистрат Ἀριστοκλῆς, I МГ, 390-е гг. до н. э.
4	Б.68-124	Ἀριστοκλ ῆς Σατυρίω νοσ	
5	Б.68-125	Ἀριστο κλῆς Κ όα	
6	Б.68-129	Ἐπ'Ἀριστ οκλέος ← + Καλ λία «палица» между строк. Второе клеймо оттиснуто вверх ногами по отношению к первому	
7	Б.68-123	[Δ]ιον [υ]σίος ←	Фабрикант Διονύσιος, РФГ, конец V — начало IV в.
8	Б.68-126	Διον υσίος ←	
9	Б.68-127	Δι [ον υ]σίος ←	

Пятая амфора (Б.68-125) несколько меньше предшествующих. Под венцом и по верхним прилепам ручек едва заметны слабые следы красной краски. В средней

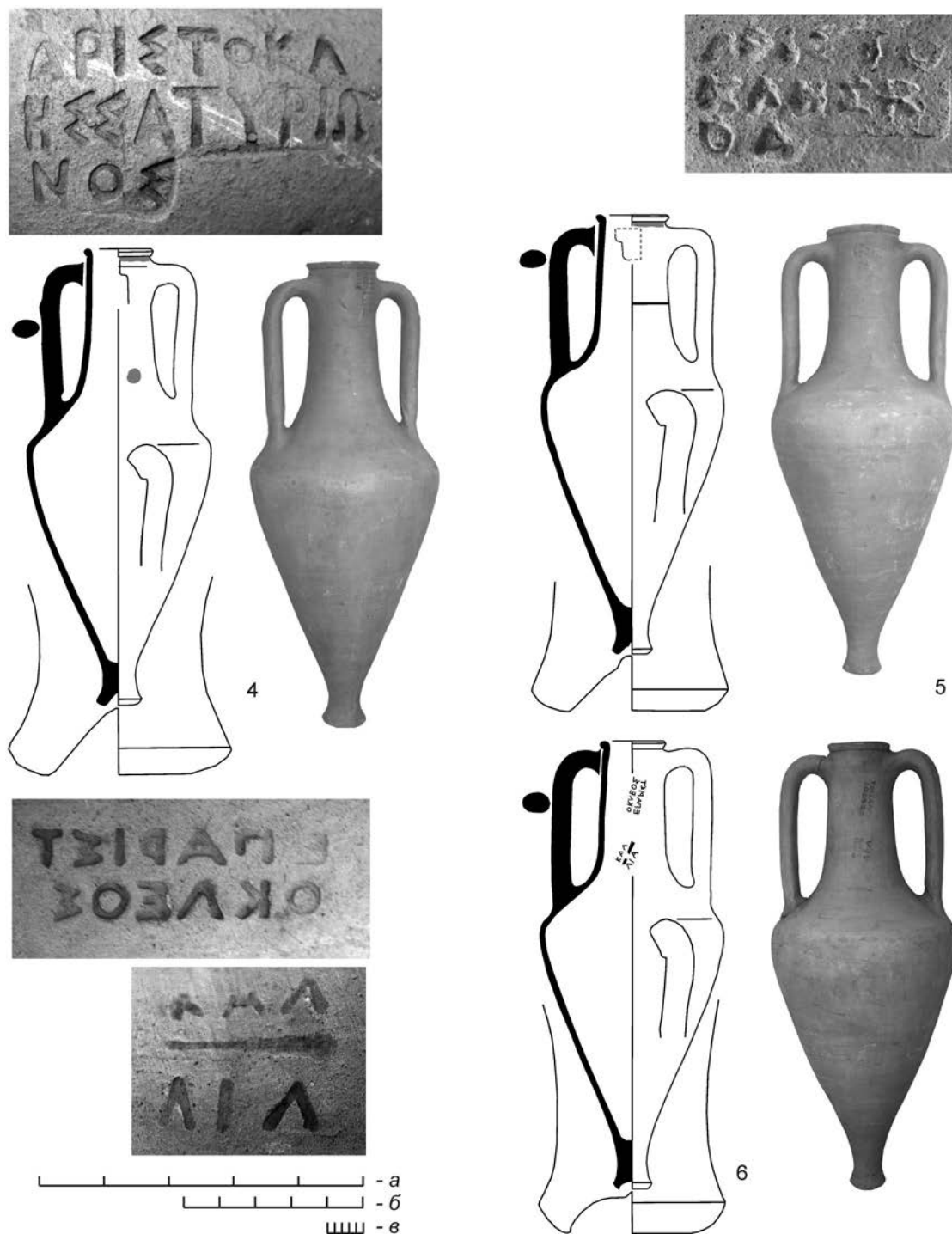

Рис. 2. Гераклеийские амфоры из ямы № 41 на о. Березань, магистрат Аристокл:
4 — Б.68-124; 5 — Б.68-125; 6 — Б.68-129

Fig. 2. Heracleian amphorae from pit No. 41 on Berezan island, magistrate Aristokles:
4 — Б.68-124; 5 — Б.68-125; 6 — Б.68-129

части горла присутствует желобок (рис. 2, 5). Под венцом оттиснуто трехстрочное английское клеймо того же магистрата Аристокла в сочетании с именем фабриканта Коаса (табл. 2, 5). Первоначально Коас был внесен В. И. Кацем в список эпонимов I магистратской хронологической группы (Кац 2007: 429). Однако впоследствии детальный анализ, проведенный Н. А. Павличенко, поставил под сомнение правомерность отнесения его к магистратам (Павличенко 2009: 186–190), с чем совсем недавно согласился и В. И. Кац (Кац 2017: 200–201). Таким образом, и в данном случае речь идет о фабриканте Коасе, работавшем в рамках I магистратской хронологической группы в 390-х гг. Похожее клеймо присутствует в своде Н. Ф. Федосеева (Федосеев 2016: № 1063, с аналогиями). Однако автор восстанавливает в нем эмблему — «палица». С сомнением такую же эмблему восстанавливают и авторы публикации клейм из Кастодин Чешма (Balabanov et al. 2016: Cat. 4A). На экземпляре из березанской ямы-склада оттиск очень четкий, эмблемы не содержит. Такой же четкий, хотя и фрагментированный, штамп происходит из засыпи помещения 42а (1989 г.) в III квартале Херсонеса (Монахов и др. 2017: 29, рис. 5, 13).

Следующая, *шестая* амфора (Б.68-129) имеет высокое цилиндрическое, слабо расширяющееся книзу горло. Венец небольшой, острореберный, выделен горизонтальной подрезкой. Ножка острореберная, с полусферической выемкой. Следы краски на сосуде отсутствуют (рис. 2, б). На горле оттиснуто двустрочное ретроградное английское клеймо магистрата Аристокла, предваренное эпонимным предлогом ЕП. Ниже него, на расстоянии 3 см, помещено двустрочное английское клеймо фабриканта Каллия, между строками помещена эмблема — «палица» (табл. 2, б). Аналогичное сочетание штампов со схожим расположением обоих клейм найдено при раскопках объекта «Костадин Чешма» (Balabanov et al. 2016: Cat. 3A). Оттиск того же штампа опубликован Н. Ф. Федосеевым (Федосеев 2016: № 212). Однако фабрикантское клеймо Каллия (иного штампа) оттиснуто перпендикулярно магистратскому. Фабрикант известен по большому количеству клейм, его деятельность приходится на период ранней фабрикантской группы и I магистратской хронологической группы (Кац 2007: 429). При этом и одиночные фабрикантские клейма, и оттиски в сочетании с магистратскими клеймами иногда оттиснуты одинаковыми штампами. Очевидно, что при обнаружении амфорного фрагмента со стоящим на нем именем Каллия нельзя определить, является ли он самостоятельным или дополняет клеймо магистратское, стоявшее рядом, но утраченное. Это хоть и незначительно, но может влиять на статистические выкладки.

Седьмая амфора (Б.68-123) из ямы № 41 отличается от предыдущих наличием желобка в нижней части горла и неглубокой полусферической выемкой на острореберной ножке. Под венцом проходит полоса красной краски, с одной стороны горла от венца вниз идет вертикальная широкая полоса красной краски (рис. 3, 7). На сосуде имеется двустрочное ретроградное английское клеймо фабриканта Дионисия (табл. 2, 7). Оттиски того же штампа обнаружены в «Костадин Чешма» (Balabanov et al. 2016: Cat. 104 C), в Пантикапее в 1966 г. (ГМИИ, НЭ.101/яма, № 108) и Херсонесе (Монахов и др. 2017: НР.9). Клейма этого фабриканта, работавшего в период ранней фабрикантской группы и I магистратской хронологической группы, очень хорошо представлены в Северном Причерноморье. Известно несколько штампов (см.: Кац 2015: № 858–859; Федосеев 2016: № 2171–2201).

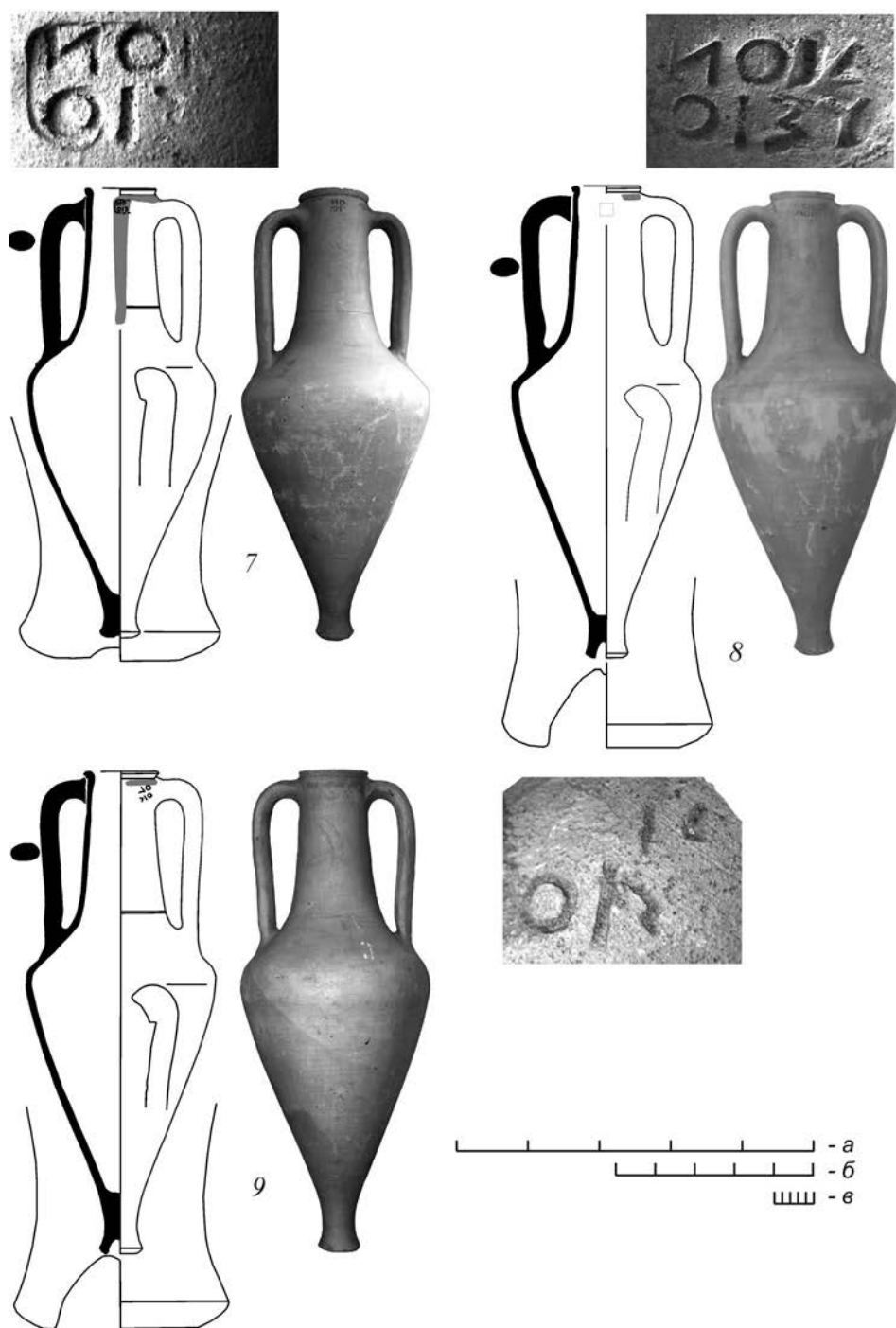

Рис. 3. Гераклейские амфоры из ямы № 41 на о. Березань, фабрикант Дионисий:
7 — Б.68-123; 8 — Б.68-126; 9 — Б.68-127

Fig. 3. Heracleian amphorae from pit No. 41 on Berezan island produced by Dionysius:
7 — Б.68-123; 8 — Б.68-126; 9 — Б.68-127

Восьмая и девятая амфоры из рассматриваемого комплекса практически идентичны. У них высокое, расширяющееся книзу горло, небольшой остросереберный венчик, выделенный горизонтальной подрезкой. Под венцом нанесена полоса красной краской. Тулово пифоидное, оканчивающееся остросереберной ножкой с глубокой конической выемкой (рис. 3, 8, 9). Правда, у одного из сосудов (Б.68-127) в нижней части горла имеется желобок. На обеих амфорах стоят двустрочные ретроградные английские клейма фабриканта Дионисия (табл. 2, 8, 9), у сосуда Б.68-127 представлено клеймо иного штампа.

Таким образом, яма № 41 на Березани содержала амфоры 390-х гг. до н. э. — начального периода клеймения в Геракле Понтийской. Об этом ярко свидетельствует сочетание разнотипных клейм — одноименных фабрикантских и клейм с двумя именами, из которых одно — магистратское, а второе — фабрикантское, оба в полном написании, или, как в одном случае — магистратское имя с эпонимным предлогом и дополнительным оттиском фабриканта. Вероятно, прав П. Балабанов, предположивший, что появившееся эпонимное клеймение какое-то время «сосуществовало с “иррегулярным” клеймением, при котором производители сами решали вопрос о форме и содержании клейма» (Балабанов 2013: 245). В этом смысле березанский комплекс является редким примером гомогенного набора керамической тары, где временная разница между отдельными амфорами минимальна, не исключено даже, что все амфоры выпущены на протяжении одного года в 390-х гг. до н. э.

Литература

Балабанов 2013 — Балабанов П. Заметки об амфорах с английскими клеймами // *Античный мир и археология*. 2013. Вып. 15. С. 240–255.

Брашинский 1984 — Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.

Горбунова 1968 — Горбунова К. С. Раскопки на Березани в 1968 г. // *Архив ИА НАНУ*. Д. № 1968/37.

Кац 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Центр археологических исследований «Деметра», 2007. 480 с. (Боспорские исследования. Вып. 18).

Кац 2015 — Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгияпия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов: Изд-во СГУ, 2015. 180 с.

Кац 2017 — Кац В. И. Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Геракле Понтийской // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 199–213.

Монахов 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. 680 с.

Монахов 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 350 с.

Монахов и др. 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов, 2017. 208 с.

Павличенко 2009 — Павличенко Н. А. Магистрат Коас? // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 286–291 (Боспорские чтения. 10)

Федосеев 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь: Соло-Рич, 2016. 320 с.

Balabanov et al. 2016 — Balabanov P., Garlan Y., Avram A. Les Timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.). Constanta: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie Constanța, 2016. 200 p.

COMPLEX OF AMPHORAE FROM HERACLEA PONTICA, PIT No. 41 (1968), BEREZAN ISLAND

S. YU. MONAKHOV, E. V. KUZNETSOVA, D. E. CHISTOV, N. B. CHUREKOVA

Keywords: *amphorae, amphora stamps, State Hermitage, Berezan island, archaeological complex.*

The publication is devoted to the complex of amphorae discovered in 1968 in the course of excavations in area “Г” of Berezan. Storing pit No. 41 contained 9 stamped amphora produced in Heraclea Pontica. The amphorae bear stamps of Archestratus, Ramphias and Dionysius, as well as earlier imprints left by magistrate Aristokles. The Berezan complex of amphorae represents a rare example of a homogeneous set of ceramic containers of the 390's BC, where time difference between individual objects is minimal.

СКИФСКИЙ КУРГАН С ДЕТСКИМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

В. С. СИНИКА, Н. П. ТЕЛЬНОВ, С. Д. ЛЫСЕНКО¹

Ключевые слова: *левобережье Нижнего Днестра, рубеж IV–III вв. до н. э., скифы, курган, детские погребения.*

В статье публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании скифского кургана 6 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра. Курган был сооружен на рубеже IV–III вв. до н. э. и содержал четыре захоронения в ямах. Основное погребение 2 было полностью ограблено в древности. Два впускных захоронения, судя по размерам ям, являлись кенотафами. Яма сохранившегося впускного погребения 1 имела деревянное перекрытие, на котором находились жертвенная пища, абразивный инструмент и кресальный кремь. В самой яме обнаружены железный нож среди костей животных от еще одной порции жертвенной пищи и бронзовый наконечник стрелы. Показательно, что под насыпью находились только детские захоронения, что является в настоящее время вторым, достоверно зафиксированным случаем в Северо-Западном Причерноморье. Сооружение кургана было обусловлено высокой детской смертностью у скифского населения второй половины IV–II вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье, что подтверждается большим количеством детских погребений в курганах групп «Водовод» и «Сад».

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-69-79

Раскопки могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра можно причислить к важным достижениям в скифской археологии Северного Причерноморья за последние десятилетия. Полевые исследования проведены в 1995–2012 гг.² сотрудниками НИЛ «Археология» ПГУ. Стало очевидно, что в Северо-Западном Причерноморье скифская степная культура в конце IV — первой четверти/трети III в. до н. э. не прекратила существование, а развивалась непрерывно, по крайней мере до конца II в. до н. э. (Тельнов и др. 2016б: 1001). В III–II вв. до н. э. основные виды вооружения, конского снаряжения, орудий труда, посуды, украшений, аксессуаров костюма, предметов туалета

---

¹ В. С. Синика — НИЛ «Археология», ПГУ, г. Тирасполь, 3300, Республика Молдова; НИЛ историографии и полевых методов археологии, Нижневартовский ГУ, г. Нижневартовск, 628605, Россия; Н. П. Тельнов — Отдел античной и средневековой археологии, Институт культурного наследия АН Республики Молдова, г. Кишинев, 2001, Республика Молдова; С. Д. Лысенко — Отдел энеолита — бронзового века, ИА НАНУ, г. Киев, 04210, Украина.

² Еще один курган этого могильника был исследован в 2017 г.

и культура не претерпели существенных изменений по сравнению с материальной культурой скифов предшествующего времени (V–IV вв. до н. э.). В то же время с рубежа IV–III вв. до н. э. наблюдаются серьезные изменения в погребальном обряде и материальной культуре скифов Нижнего Поднестровья. В частности, с первой половины III в. до н. э. на смену ямам и катакомбам I типа (подбои) приходят T-образные катакомбы III типа, а вместо широтной ориентировки погребенных стала доминировать меридиональная. Достаточно заметны и некоторые изменения в материальной культуре скифов III–II вв. до н. э., ставшие следствием греческого, фракийского и латенского влияний. Последние, в свою очередь, были обусловлены переходом скифов от кочевого и полукочевого образа жизни к преимущественно оседлому (Там же: 967–985).

Вместе с тем проблема трансформации классической скифской культуры в позднескифскую в Северо-Западном Причерноморье далеко не раскрыта. В этой связи интерес вызывают скифские погребальные памятники — курганы и погребения, в том числе впущенные в насыпи раннего бронзового века, исследованные в 2015–2017 гг. в курганных группах «Водовод» и «Сад». Они расположены в непосредственной близости друг от друга (группа «Водовод» севернее), причем южная оконечность группы «Сад» находится в 1,8 км к северу от северной оконечности скифского могильника Глиное. Всего в курганных группах «Сад» и «Водовод» исследованы 18 насыпей, из которых 15 были сооружены скифами и содержали 48 скифских погребений. Кроме того, еще семь скифских захоронений были впущены в насыпи трех курганов, возведенных в раннем бронзовом веке. Отдельные элементы погребального обряда (сочетание под одной насыпью ям и катакомб различных типов; асинхронное захоронение в катакомбе I типа; погребение собаки во входной яме катакомбы I типа; промежуточная ориентировка погребенных, и др.) и ряд вещевых находок (деревянная чашка с обожженными гальками внутри; железная конская узда; фибулы фракийского типа; гривна фракийского облика; железные ножи с деревянными рукоятями, и др.) из этих захоронений свидетельствуют о трансформации скифской культуры в конце IV — начале III в. до н. э. Только курган 1 группы «Водовод» (с двумя скифскими погребениями) был возведен в третьей четверти IV в. до н. э. (Синика, Тельнов 2016а: 48). Все остальные скифские погребения были совершены в последней четверти IV — первой трети III в. до н. э. Часть скифских комплексов введена в научный оборот (Синика, Тельнов 2016а; 2016б; 2016в; 2017а; 2017б; 2017в; Панковский, Синика 2017; Синика и др. 2017), материалы других готовятся к печати.

В настоящей работе публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании скифского кургана 6 группы «Водовод» — даны описание кургана, исследованные в нем скифские погребения, а также сопровождающий инвентарь³.

Курган 6 в рельефе не прослеживался. Он исследован параллельными траншеями, с одной центральной бровкой (20 × 0,6 м) в направлении С–Ю. В кургане обнаружены четыре скифских захоронения (рис. 1, 1–3).

³ Чертежи плана кургана и профилей бровки, планы погребений и их разрезы, а также рисунок кресального кремня выполнены к. и. н. С. Н. Разумовым, за что выражаем ему благодарность.

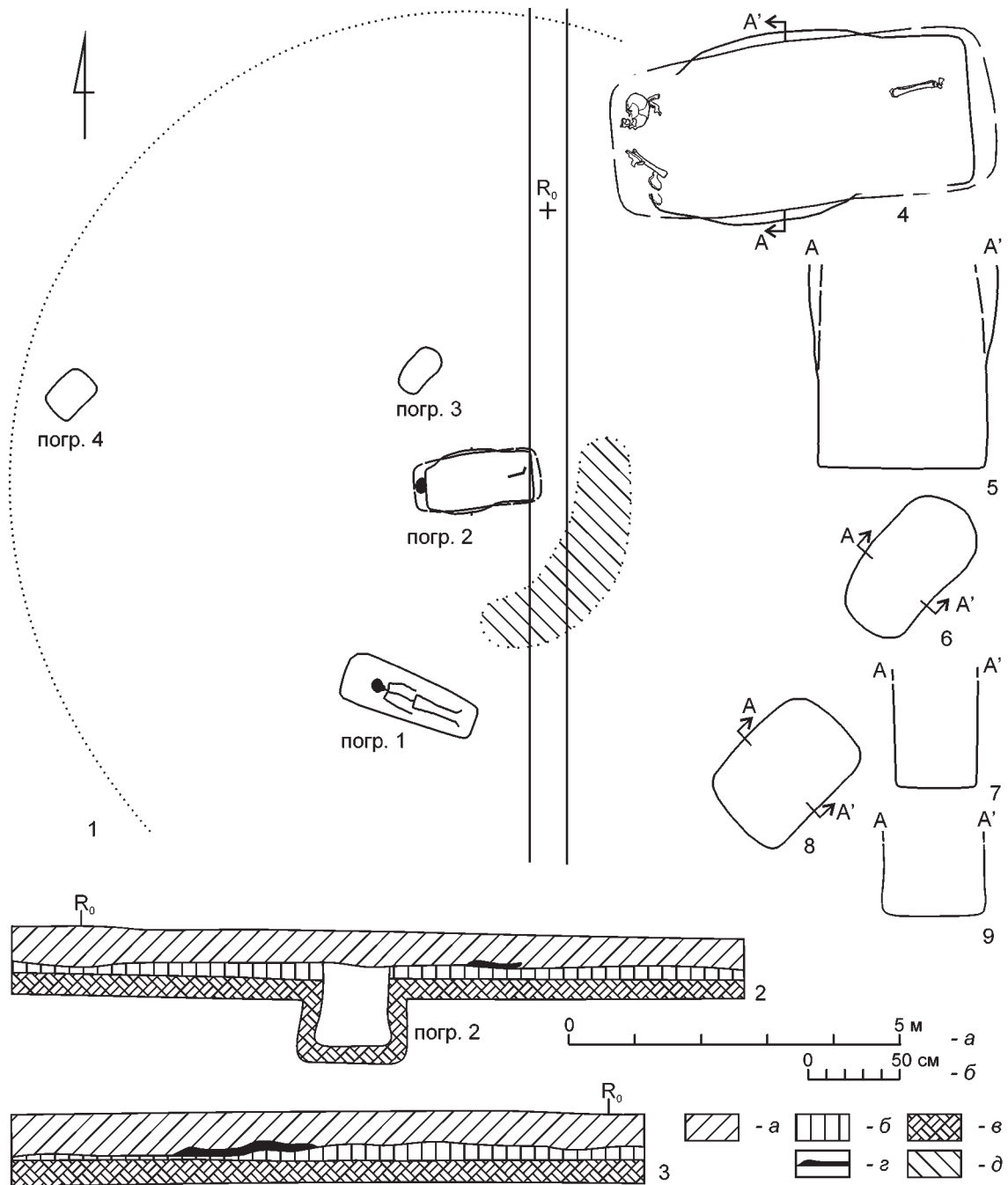

Рис. 1. Курган 6 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра: 1 — план; 2 — западный профиль бровки; 3 — восточный профиль бровки (а — пахотный слой; б — погребенная почва и предматериковый суглинок; в — материковый суглинок; г — выкид материкового суглинка в профиле; д — выкид материкового суглинка в плане); 4-5 — погр. 2; 6-7 — погр. 3; 8-9 — погр. 4. Масштабы: а — для № 1-3; б — для № 4-9

Fig. 1. Barrow No. 6 of the Vodovod» group near the village of Glinoe on the left bank of the Dniester: 1 — plan; 2 — western balk stratigraphy, 3 — eastern balk stratigraphy (a — ploughed layer; б — buried soil and loam; в — native loam; г — spoil of native loam in profile; д — spoil of native loam in plan); 4-5 — burial 2; 6-7 — burial 3; 8-9 — burial 4. Scales: a — for Nos. 1-3; б — for Nos. 4-9

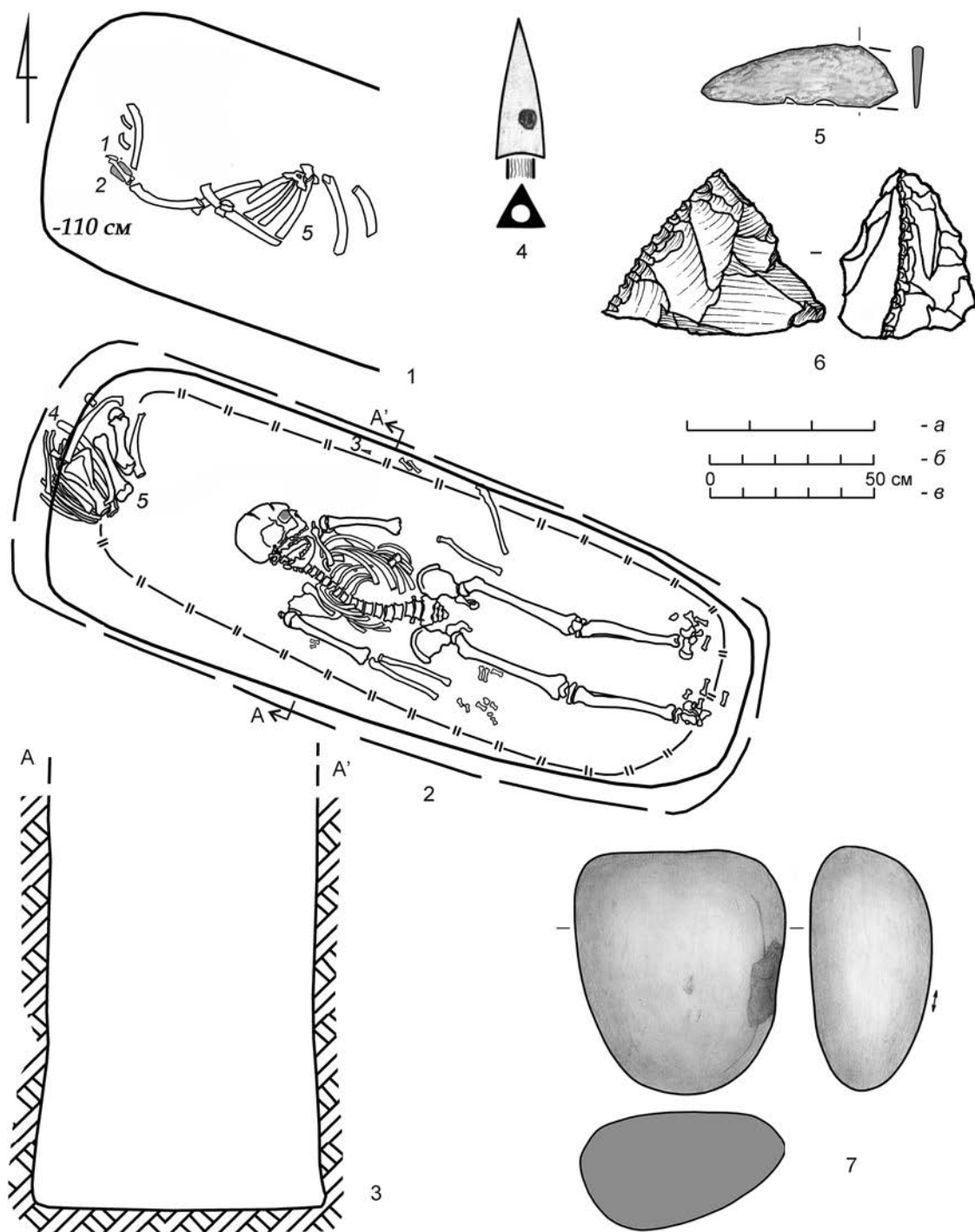

Рис. 2. Группа «Водовод», курган 6, погребение 1: 1, 2 — планы (1 — кресальный кремль; 2 — абразив; 3 — наконечник стрелы; 4 — нож; 5 — кости животного); 3 — разрез; 4-7 — инвентарь. Масштабы: а — для № 4, 6; б — для № 5, 7; в — для № 1-3

Fig. 2. Vodovod» group, barrow 6, burial 1: 1, 2 — plans (1 — fire-making flint; 2 — abrasive; 3 — arrowhead; 4 — knife; 5 — animal bones); 3 — cross section; 4-7 — inventory. Scales: a — for Nos. 4, 6; b — for Nos. 5, 7; v — for Nos. 1-3

Погребение 1 (впускное) находилось в южной части кургана, в 7,5 м к югу и в 1,1 м к западу от R₀.⁴ Совершено в яме (рис. 2, 1–3). Контуры прямоугольной ямы с закругленными углами (2,2 × 0,8 м) зафиксированы на глубине –0,75 м от R₀. За счет расширения всех стен ко дну размеры ямы, ориентированной по линии З–СЗ — В–ЮВ, составили 2,35 × 0,9 м. Дно ямы зафиксировано на глубине –2,02 м. Яма была перекрыта деревом, характер перекрытия установить не удалось. На перекрытие в западной части ямы была положена жертвенная пища (мясо лошади), от которой сохранились кости, зафиксированные на глубине –0,79 м. Под западной частью скопления костей на глубине –1,10 м найдены абразив и кресальный кремьень.

Находки на перекрытии: 1. Абразив из желтовато-серого, местами розоватого песчаника размерами 7,4 × 6,3 × 3,7 см (рис. 2, 7); 2. Кресальный кремьень на фрагменте речной гальки размерами 3,3 × 1,6 × 2,3 см. Кремьень темно-серый непрозрачный, часть поверхностей окатана, на гранях — забитость (рис. 2, 4).

Скелет ребенка 10–11 лет (Łukasik 2018b: 8–9) лежал по центру камеры, занимая ее восточную часть. Умерший был положен головой на запад, в вытянутом положении на спине, руки были вытянуты вдоль тела, ноги лежали прямо. Под скелетом и на дне большей части камеры зафиксирован светло-серый тлен от органической подстилки (1,95 × 0,65 м).

Состав и расположение находок. На краю подстилки, у западной стенки ямы за головой погребенного, лежали кости мелкого рогатого скота (остатки жертвенной пищи) и нож. Слева от погребенного, около левой плечевой кости и северной стенки, найден бронзовый наконечник стрелы острием на СЗ.

Инвентарь: 1. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (длина наконечника — 2,1 см, диаметр втулки — 0,4 см; рис. 2, 4). На одной грани расположено отверстие диаметром 0,25 см (дефект литья?). 2. От железного ножа с горбатой спинкой сохранился фрагмент лезвия (5,9 × 1,9 см, толщиной до 0,4 мм; рис. 2, 5). Деревянная рукоять (?) истлела.

Погребение 2 (основное) обнаружено в центре кургана, в 4 м к Ю от R₀. Совершено в прямоугольной яме (1,75 × 0,85 м, глубина от уровня древнего горизонта — 1,35 м; рис. 1, 4, 5), ориентированной по линии З–В с незначительным отклонением к Ю. Контуры ямы обнаружены на глубине –0,73 м. К ЮВ от ямы на глубине –0,5 м зафиксирован сегментовидный в плане материковый выкид (длина по линии ССВ–ЮЮЗ — до 3,7 м, ширина — до 1 м и толщина — до 0,1 м). За счет расширения стен ко дну размеры ямы по дну составили 2,1 × 0,9 м. Дно ямы зафиксировано на глубине –1,85 м.

Погребение ограблено в древности. Череп и нижняя челюсть ребенка 8–9 лет (Łukasik 2018b: 9) обнаружены в перемещенном состоянии под западной стенкой ямы. У восточной стенки ямы *in situ* находились берцовые кости левой ноги, судя по их размещению, погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Инвентарь в погребении не найден.

Погребение 3 (впускное) обнаружено в центральной части кургана, в 2,5 м к Ю и в 1,7 м к З от R₀. Совершено в подпрямоугольной яме (0,85 × 0,45 м), ориентированной по линии ЮЗ–СВ (рис. 1, 6, 7). Контуры ямы отмечены на глубине –0,75 м, дно — на глубине –1,32 м. Стенки ямы отвесные.

⁴ Здесь и далее в тексте все глубины приведены от R₀.

Кости человека отсутствовали. Судя по размерам ямы, погребение являлось детским кенотафом.

Погребение 4 (впускное) обнаружено в центральной части кургана, в 2,7 м к югу и в 6,8 м к западу от R₀. Совершено в подпрямоугольной яме (0,8 × 0,55 м), ориентированной по линии ЮЗ–СВ (рис. 1, 8, 9). Контуры ямы отмечены на глубине –0,77 м, дно — на глубине –1,20 м. Стенки ямы отвесные.

Кости человека отсутствовали. Судя по размерам ямы, погребение являлось детским кенотафом.

Анализ материалов из кургана 6 группы «Водовод» у с. Глиное свидетельствует, что он был сооружен для погребений рядовых общинников. Ямы захоронений являются наиболее распространенным видом погребального сооружения у скифов Северо-Западного Причерноморья конца VII — начала III в. до н. э. (Синика 2007: 12).

Все четыре ямы рассматриваемого кургана, скорее всего, имели деревянное перекрытие, которое не сохранилось в основном погребении 6/2⁵ из-за ограбления, а в трех впускных захоронениях (6/1, 6/3 и 6/4), вероятно, из-за небольшой толщины плах. Наличие перекрытия в комплексе 6/1 подтверждается костями животных, зафиксированными на глубинах от –0,79 м до –1,10 м в западной части ямы. По всей вероятности, жертвенная пища была положена на перекрытие. Такое же размещение жертвенной пищи известно еще в одном погребальном комплексе из курганной группы «Водовод». На поперечное перекрытие впускного (в скифскую насыпь) погр. 5/5 была положена жертвенная пища, от которой сохранилась часть тазовой кости крупного копытного животного, возможно, лошади (Синика, Тельнов 2017б: 7). Важно отметить, что на перекрытия в обоих захоронениях («Водовод» 5/5 и 6/1) были положены дополнительные порции жертвенной пищи, поскольку на дне ям были зафиксированы кости от жертвенной пищи, размещенной в изголовье погребенных. В Северо-Западном Причерноморье — это два достоверно зафиксированных случая.

Абразивный инструмент и кресальный кремь в погр. 6/1 относятся к достаточно редким находкам в скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья. Брусочки для правки лезвий известны только в двух скифских захоронениях второй половины IV в. до н. э. на левобережье Нижнего Дуная: погр. 9/2 могильника Чауш (Гудкова и др. 1982: табл. LVIII, 5) и погр. 22/1 могильника Плавни I (Суничук, Фокеев 1984: 112, рис. 2, 25). В последней четверти IV в. до н. э. было совершено погр. 7/4 группы «Водовод», на перекрытии которого так же, как и в погр. 6/1 соседнего кургана, находился абразивный инструмент. На рубеже третьей — последней четверти IV в. до н. э. был сооружен курган 9 группы «Сад», во рву которого лежала плита из ракушечника, возможно, использовавшаяся в качестве абразивного инструмента⁶. Еще один брусочек для правки лезвий найден в погр. 43 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского

⁵ Здесь и далее при сокращении 6/2 — первая цифра обозначает номер кургана, вторая цифра через косую черту — номер погребения.

⁶ Курган 7 группы «Водовод» и курган 9 группы «Сад» исследованы авторами в 2017 г. Материалы находятся в печати.

лимана (Мелюкова 1975: 91, рис. 51, 7). На основании находок гончарных канфара (Там же: 160, рис. 42, 2) и лекифа (Там же: 163, рис. 45, 3; Rotroff 1997: fig. 69, pl. 81, cat. 1110) комплекс следует датировать не ранее рубежа IV–III вв. до н. э.

Восемь абразивных инструментов известны на могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Универсальные точильные камни были найдены в погр. 6/3 (вторая — третья четверть III в. до н. э.), погр. 28/1 (первая половина III в. до н. э.), погр. 59/1 (узкая дата не устанавливается), погр. 86/1 (последняя четверть III — первая четверть II в. до н. э.) и погр. 98/1 (последняя четверть III — первая четверть II в. до н. э.), а также во рву кургана 116 (конец второй — начало третьей четверти III в. до н. э.), а бруски для правки лезвий — в погр. 20/1 (третья четверть III в. до н. э.) и погр. 60/1 (последняя четверть III в. до н. э.) (Тельнов и др. 2016а: рис. 1; 2016б: 805–806, 965–966, рис. 418, 19–25; Синника, Тельнов 2018: рис. 2, 4).

Кресальный кремь из погр. 6/1 группы «Водовод» увеличивает количество подобных находок в скифских погребениях Северного Причерноморья. Ранее отмечалось, что кремни, которые можно достоверно определить как кресальные, были найдены в погр. 4 и 26 могильника V–IV вв. до н. э. Дугино X в дельте Дона (Прокофьев 2014: 174, 202, рис. 74, 44, 81, 37), а также в захоронениях IV — начала III в. до н. э. 4/9, 16/1, 110/2 и 114/1 могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье (Андрух, Тощев 1999: 36, 101, рис. 8, 3; Андрух 2001: 174, 183, рис. 72, 10, 76, 2; Тельнов и др. 2016а: 135; 2016б: 822). Еще один кресальный кремь обнаружен в заполнении входной ямы комплекса «Водовод» 7/5 (IV — первая треть III в. до н. э.), располагавшегося к югу от публикуемого в настоящей работе кургана 6. На могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное кресальные кремни обнаружены в восьми захоронениях (19/2, 21/1, 54/3, 81/1, 82/1, 94/1, 94/2, 112/1) и использовались в погребальном обряде вне зависимости от пола и возраста погребенных (Тельнов и др. 2016а: 131–133, рис. 1; 2016б: 819–820). Стоит отметить, что находки кресальных кремней в погребениях курганной группы «Водовод» и скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное делают более очевидной преемственность позднескифской культуры степного Поднепровья III–II вв. до н. э. и скифской степной культуры Северного Причерноморья предшествующего времени.

Нож и наконечник стрелы из погр. 6/1 являются типичными находками в скифских погребальных комплексах. Ножи — распространенное орудие труда у скифов (Синника 2007: 18). Однако в VII–IV вв. до н. э. значительная часть ножей была снабжена роговыми рукоятями, в то время как деревянные получили широчайшее распространение только с самого конца IV до н. э., о чем свидетельствуют материалы могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Тельнов и др. 2016б: 800). Стрела с бронзовым наконечником представляет собой самый распространенный вид скифского вооружения (Синника 2007: 18–19). Однако размещение самого наконечника (к северу от левого плеча погребенного, острием вверх — в сторону головы) указывает, что стрела была положена вдоль тела. Подобное «нетрадиционное» размещение стрел известно в некоторых детских погребениях левобережья Нижнего Днестра. В упомянутом выше комплексе «Водовод» 7/5 группы на тело ребенка 7–15 лет были положены две стрелы, обе остриями вправо: одна — поперек таза, вторая — поперек коленей. В катакомбе «Водовод» 8/2 (не ранее рубежа IV–III вв. до н. э.)⁷

⁷ Раскопки авторов 2017 г. Материалы находятся в печати.

в захоронении ребенка 7–15 лет были найдены три наконечника стрел: один лежал острием на Ю, перпендикулярно телу ребенка (стрела положена по линии С–Ю за головой ребенка, под деревянное блюдо с жертвенной пищей и ножом); второй найден у левого локтя, острием на В (стрела положена у правого плеча или возле него); третий — находился на правом крыле таза, под фалангами правой кисти, острием на ЮЗ (верхняя часть стрелы зажата в кисти правой руки). В комплексе Глиное 12/2 (ребенок 4 лет) одна стрела была положена острием влево поперек грудной клетки таким образом, что ее наконечник был зафиксирован у левого плеча; вторая — лежала острием вправо, поперек бедер (Тельнов и др. 2016: 121). Также поперек бедер, острием вправо, лежала стрела (от которой сохранились наконечник и часть древка), найденная на скелете 2 (девочка 7–15 лет) в северной погребальной камере катакомбы Глиное 116/1. Все эти случаи, по нашему мнению, указывают на существование у скифов какой-то специальной нормы погребального обряда, регламентировавшей размещение стрел поверх тел детей или возле них. Что лежало в основе этой практики, в настоящее время установить невозможно. Очевидно только, что эта норма не фиксировала принадлежность детей к воинскому сословию.

При датировке кургана 6 группы «Водовод» необходимо учитывать ряд важных обстоятельств и деталей. Размещение дополнительной порции жертвенной пищи на перекрытии захоронения 6/1 аналогично ситуации, зафиксированной в погр. 5/5 этой же курганной группы, при этом последнее датируется рубежом IV–III вв. до н. э. (Синика, Тельнов 2017б: 10). Размещение стрел поверх/возле тел детей находит аналогии в комплексах «Водовод» 7/5 и 8/2, Глиное 12/2 и 116/1, которые датируются от рубежа IV–III вв. до н. э. Вероятное наличие у обломка ножа деревянной рукоятки, по нашему мнению, также указывает, что захоронение 6/1 было совершено не ранее конца IV в. до н. э. Все эти данные не противоречат датировке на основании трехгранного бронзового наконечника стрелы со скрытой втулкой, поскольку самое широкое распространение подобные наконечники получили во второй половине IV до н. э. (Мелюкова 1964: 25). Таким образом, кург. 6 группы «Водовод» мы датируем рубежом IV–III вв. до н. э. Скорее всего, все захоронения в нем были совершены за короткий промежуток времени.

Однако самым примечательным является тот факт, что курган 6 группы «Водовод» содержал только детские погребения. В захоронениях 6/1 и 6/2 были погребены дети возрастом от 7 до 15 лет. Погребения-кенотафы 6/3 и 6/4, судя по размерам могильных ям (0,85 × 0,45 м и 0,80 × 0,55 м), предназначались для детей⁸, возраст которых, скорее всего, мог быть еще меньше. Отметим, что наличие под насыпью исключительно детских погребений было достоверно зафиксировано только второй раз в скифских курганах Северо-Западного Причерноморья. Первый подобный случай был отмечен в кург. 90 скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное, где под насыпью было выявлено единственное захоронение ребенка (младше 15 лет) в катакомбе I типа (подбой) (Тельнов и др. 2016б: 531–532, рис. 300).

Отмеченная в кургане 6 группы «Водовод» ситуация не вызывает особого удивления, поскольку при исследованиях курганов в группах «Водовод» и «Сад»

⁸ Редакция не разделяет мнение авторов о принадлежности небольших ям к детским кенотафам (Редколлегия).

выявлено наибольшее количество детских захоронений по сравнению с другими скифскими могильниками региона (см.: Łukasik 2016a; 2016b; 2017; 2018a; 2018b). В группе «Водовод» изучено шесть одиночных детских захоронений (5/3, 6/1, 6/2, 7/2, 7/5, 8/2), а также в могиле 5/5 одним из двух погребенных был ребенок. При этом количество детских кенотафов (7) равно количеству детских скелетов на могильнике: 5/1 (яма 1,6 × 0,47 м), 5/2 (яма 1,65 × 0,55 м), 5/6 (яма 1,48 × 0,63 м), 6/3 (яма 0,85 × 0,45 м), 6/4 (яма 0,8 × 0,55 м), 8/1 (яма 0,73 × 0,35–0,45 м) и 8/4 (яма 1,25 × 0,65 м). В группе «Сад» исследовано 12 одиночных детских погребений (2/1, 3/3, 3/4, 4/3, 4/18, 7/1, 7/2, 7/4, 8/1, 8/2, 8/3, 8/4), а также в двух комплексах скелеты детей зафиксированы вместе со скелетами взрослых: в коллективном (6/1 — взрослый и двое детей) и двойном (8/5 — взрослый и ребенок) захоронениях. Кроме того, для погребения-кенотафа 7/3 была вырыта яма размерами 1,05 × 0,48 м.

Таким образом, из 55 скифских захоронений, раскопанных в настоящее время в соседних группах «Сад» и «Водовод», 29 или более 50 % содержали скелеты детей, 18 из них были одиночными детскими погребениями. В трех погребениях находились детские скелеты, а восемь, будучи кенотафами, — предназначались для символических захоронений детей. Если будущие исследования позволят скорректировать соотношение погребений взрослых и детей, в любом случае очевиден высокий уровень детской смертности. Именно он и стал причиной сооружения кургана 6 группы «Водовод», под насыпью которого находились только детские погребения.

Литература

- Андрух 2001 — *Андрух С. И.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье: ИА НАНУ; Запорожский ГУ, 2001. Кн. 2. 282 с.
- Андрух, Тощев 1999 — *Андрух С. И., Тощев Г. Н.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье: ИА НАНУ; Запорожский ГУ, 1999. Кн. 1. 232 с.
- Гудкова и др. 1982 — *Гудкова А. В., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., Фокеев М. М.* Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. // ИА НАНУ. № 1981/1. 94 с. + 79 табл.
- Мелюкова 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 92 с. + 23 табл. (САИ. Вып. Д1-4).
- Мелюкова 1975 — *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975. 260 с.
- Панковский, Синика 2017 — *Панковский В. Б., Синика В. С.* Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 343–359.
- Прокофьев 2014 — *Прокофьев Р. В.* Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов н/Д: Альтаир, 2014. 398 с.
- Синика 2007 — *Синика В. С.* Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III вв. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.
- Синика и др. 2017 — *Синика В. С., Тельнов Н. П., Закордонец О. А.* Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 108–113.

Синика, Тельнов 2016а — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Емінак*. 2016. № 4 [16]. С. 45–53.

Синика, Тельнов 2016б — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // *Новое прошлое*. 2016. № 4. С. 258–272.

Синика, Тельнов 2016в — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Немченко І. В. (голов. ред.) *Стародавнє Причорномор'я*. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016. Вип. XI. С. 488–499.

Синика, Тельнов 2017а — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 286–306.

Синика, Тельнов 2017б — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология*. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 5–12.

Синика, Тельнов 2017в — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 131–152.

Синика, Тельнов 2018 — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // Синика В. С., Рабинович Р. А. (отв. ред.). *Древности. Исследования и проблемы: Сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинэу: Stratum Plus; Тирасполь, 2018. С. 223–266 (Библиотека «Stratum»).

Суничук, Фокеев 1984 — Суничук Е. Ф., Фокеев М. М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Черняков И. Т. (ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 1984. С. 103–120.

Тельнов и др. 2016а — Тельнов Н. П., Разумов С. Н., Синика В. С. Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре) // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 129–141.

Тельнов и др. 2016б — Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное Тирасполь: *Stratum plus*, 2016. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья. Вып. 3).

Łukasik 2016a — Łukasik S. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 10 p.

Łukasik 2016b — Łukasik S. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 2 p.

Łukasik 2017 — Łukasik S. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrow 7. Poznań, 30 September 2017. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 4 p.

Łukasik 2018a — Łukasik S. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 5–10. Poznań, 2 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 11 p.

Łukasik 2018b — Łukasik S. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 2–6 and 8. Poznań, 8 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 11 p.

Rotroff 1997 — Rotroff S. *Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material*. Princeton, New Jersey: Princeton Academic Press, 1997. 575 p. (The Athenian Agora. 29).

SCYTHIAN BARROW WITH CHILDREN'S BURIALS ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

V. S. SINICA, N. P. TELNOV, S. D. LYSENKO

Keywords: *left bank of the Lower Dniester, late IV — early III cc. BC, Scythians, barrow, children's burials.*

The paper presents and analyzes materials from Scythian barrow No. 6 of the "Vodovod" group, situated near the village of Glinoe (Slobodzeya district) on the left bank of the Lower Dniester. The barrow was erected at the turn of the IV–III cc. BC and contained four burials in pits. The main burial (No. 2) was completely ransacked by ancient grave robbers. Two inlet burials, judging by their size, were cenotaphs. The pit of well preserved inlet burial No. 1 had wood covering, placed on which were abrasive tools, sacrificial food and a fire-making flint. The pit itself contained an iron knife, accompanied by animal bones from another portion of sacrificial food, and a bronze arrowhead. Remarkably, only children's burials were under the mound, which for the time being is just the second such case documented in the Northwestern Black Sea region. The building of the barrow was caused by the high child mortality among the Scythians of the second half of the IV–II cc. BC in the Lower Dniester region, as is confirmed by numerous children's burials in the barrows of the "Vodovod" and "Sad" groups.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ В ТУВЕ¹

Т. Р. САДЫКОВ²

Ключевые слова: *наконечник стрелы, костяной наконечник стрелы, черешковый костяной наконечник стрелы, Тува, городище, Катылыг 5, кокэль, сюнну, сяньби.*

Статья посвящена наконечникам стрел кокэльской археологической культуры, распространенной в сюнну-сяньбийское время на территории Тувы (рис. 1). В работе рассмотрена история изучения памятников, анализируются попытки выделения их хронологических горизонтов и территориальных вариантов. В публикации в научный оборот вводятся новые материалы: наконечники стрел из культурного слоя городища Катылыг 5, датированного радиоуглеродным методом второй половиной III — первой половиной IV в. н. э. Этот памятник, расположенный на правом берегу Улуг-Хема (Енисей) в верховьях р. Ээрбек, является первым исследуемым поселением данной культуры. Основные отличия наконечников стрел городища (рис. 2) заключаются в преобладании костяных изделий над железными, причем последние представлены очень редким типом. Два из четырнадцати костяных наконечников имеют форму, не встречающуюся ранее в Туве (рис. 2, 13, 14). Способ изготовления костяных наконечников первой половины I тыс. н. э. в Туве (рис. 3, 7–14) не связан ни с предыдущей (скифская или сюннская), ни с последующей (тюркская) традициями. В кокэльских погребениях костяные наконечники не входят в состав погребального инвентаря. Они попали в могилы вместе с телами умерших, вероятно, убитых этими стрелами. Видимо, в рассматриваемое время территорию Тувы населяли различные группы населения, обитавшие в неодинаковых экологических нишах, и племена, освоившие степную зону, не использовали в быту костяные наконечники стрел, в отличие от жителей тайги (памятники Катылыг 5 и Усть-Хадынных 3).

DOI: 0.31600/2310-6557-2018-18-80-88

Введение

Вопросы хронологии кокэльской археологической культуры в Туве до сих пор остаются неразрешенными (Савинов 2010: 10). Это связано как с минимумом датированных импортов, так и с полным отсутствием естественно-научных определений. Дискуссионной остается и возможность сосуществования кокэльцев с сюнну и сяньби для раннего и с тюрками для позднего периодов. В III–IV вв. кокэльцы

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

являются единственным известным населением в Туве, другие памятники этого времени здесь отсутствуют.

Попытки проследить эволюцию кокельской культуры предпринимались неоднократно. Л. Р. Кызласов на заре изучения тогда еще крайне ограниченного материала предположил постепенное появление трупосожжения и увеличение со временем доли неорнаментированной керамики (Кызласов 1979: 80). В дальнейшем эти выводы не подтвердились.

В работах Д. Г. Савинова деление кокельской культуры на хронологические этапы произведено по общеисторическим соображениям (Савинов 2003), причем исследователь не разделял, за отдельными исключениями, погребальный инвентарь на хронологические горизонты, в том числе и наконечники стрел. Ученый привел также аргументы в пользу более поздней даты могильника Кокэль (Западная Тува) относительно большинства исследованных памятников Центральной Тувы.

В диссертации Н. Н. Николаева (2001) материалы Кокэля полностью пересмотрены, аргументировано время возникновения могильника не ранее рубежа III–IV вв. н. э. Памятники Центрально-Тувинской котловины археолог также рассматривает как более ранние. Однако здесь возможно замещение локальных отличий хронологическими. Нет никаких археологических следов вытеснения кокельцев из Центральной в Западную Туву. Памятники нового типа в Центральной Туве не появляются.

К настоящему моменту кокельская культура Тувы может быть определена как большая общность, в которой в общих чертах выделены территориальные (иногда

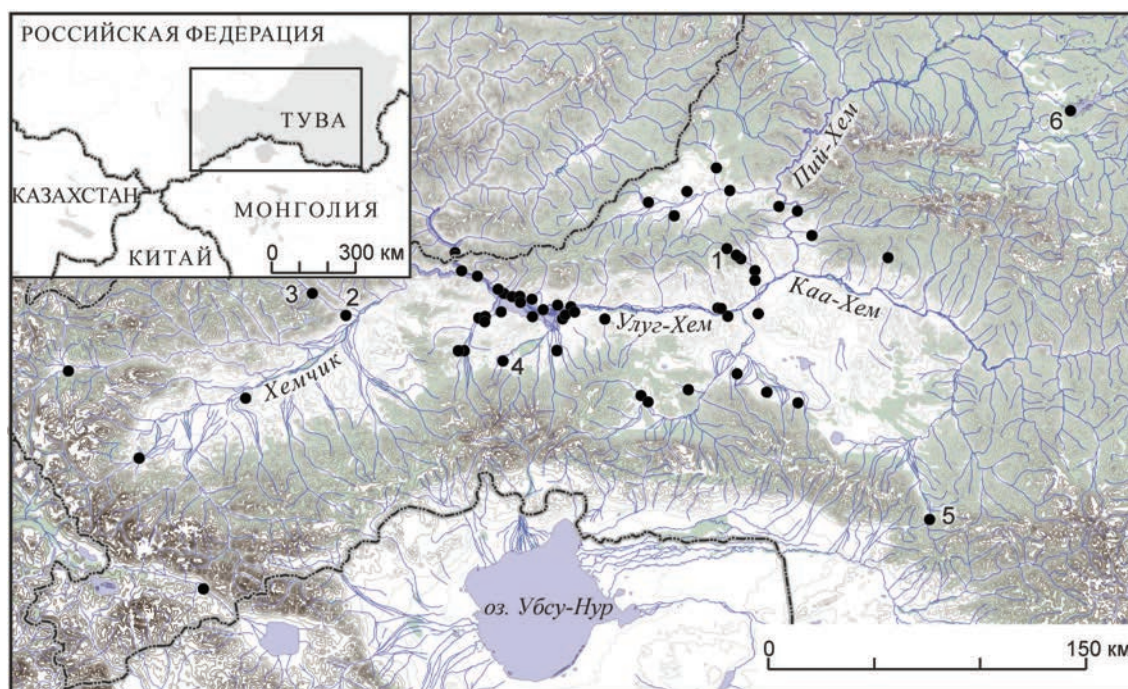

Рис. 1. Памятники первой половины I тыс. н. э. в Туве: 1 — Катылыг 5; 2 — Кокэль; 3 — Усть-Хадынных; 4 — Сьын-Чурек; 5 — Шурмак; 6 — Азас; 7 — Терезин 1; 8 — Чааты 1

Fig. 1. Sites of the first half of the I millennium AD in Tuva: 1 — Katylyg 5; 2 — Kokel; 3 — Ust-Khadynnykh; 4 — Syyn-Churek; 5 — Shurmak; 6 — Azas; 7 — Terezin 1; 8 — Chaaty 1

рассматриваемые и как хронологические) варианты — центрально-тувинский и западно-тувинский (Савинов 2010: 14), при этом могильник Азас (как возможный пример северо-восточного, тоджинского варианта) и могильник Шурмак с трупосожжениями (как возможный пример юго-восточного варианта) являются исключениями. Карта памятников первой половины I тыс. н. э. (Садыков 2018б: рис. 1) показывает скорее археологическую изученность того или иного района Тувы, чем ареал культуры.

Наконечники стрел кокэльской культуры

Полная классификация наконечников стрел кокэльской культуры предложена Ю. С. Худяковым (1986: 68–78). Она использовалась и другими исследователями (Николаев, 2001). На нее сделаны ссылки и в настоящей работе. Классификация Ю. С. Худякова, вследствие общей неопределенности хронологии кокэльской культуры, включает в себя материал всех известных на момент ее публикации памятников без выделения ранних и поздних типов стрел.

Перейдем к рассмотрению костяных наконечников стрел из раскопок городища кокэльской культуры Катылыг 5, которое расположено в Центрально-Тувинской котловине, в верховьях р. Ээрбек (правый приток Улуг-Хема — Енисея). Серия радиоуглеродных анализов датирует памятник второй половиной III — первой половиной IV в. Оно существовало, судя по всему, недолго и может, таким образом, рассматриваться почти как закрытый комплекс, имеющий к тому же привязку к абсолютной хронологии. Эта статья продолжает серию публикаций, где весь изученный материал будет представлен по категориям (Садыков 2018а, там же ссылки на литературу).

На городище Катылыг 5 к настоящему времени зафиксировано 16 наконечников стрел, включая их фрагменты. Только три из них (рис. 2, 1–3) найдены в одной яме, вместе с еще несколькими продуктами косторезного производства, остальные обнаружены в культурном слое по одному, вне каких-либо комплексов.

Из всех найденных на городище наконечников стрел только два (рис. 2, 15, 16) изготовлены из железа, 14 выполнены из рога или кости. Далее, если это не оговорено особо, используется определение «костяные», в том числе и для роговых наконечников, поскольку терминологическая традиция сложилась так, что для большей части находок подобного рода различие не проводилось.

Соотношение железных и костяных наконечников на городище Катылыг 5 не типично для погребальных памятников кокэльской культуры (например, в эпонимном памятнике на 13 костяных наконечников приходится более 200 железных). Тем более это неожиданно, учитывая, что на поселении найдены следы железодельного производства и, следовательно, с сырьем проблем не было.

Железные наконечники плохой сохранности представлены типом I-7 (Худяков 1986: 75), известным до этого в кокэльских материалах только двумя экземплярами, что составляет около 0,7 % от общей выборки.

Все костяные наконечники черешковые, причем 12 из 14 имеют ромбическое сечение, как и все известные в кокэльской культуре изделия такого рода. Следует подчеркнуть, что все костяные/роговые наконечники в классификации Ю. С. Худякова представлены одним типом. Их размеры и формы изменчивы, длина составляет 5–10 см (рис. 2, 1–12). Костяные наконечники, вероятно, являются результатом личного кустарного труда каждого обладателя лука. При общей технологической

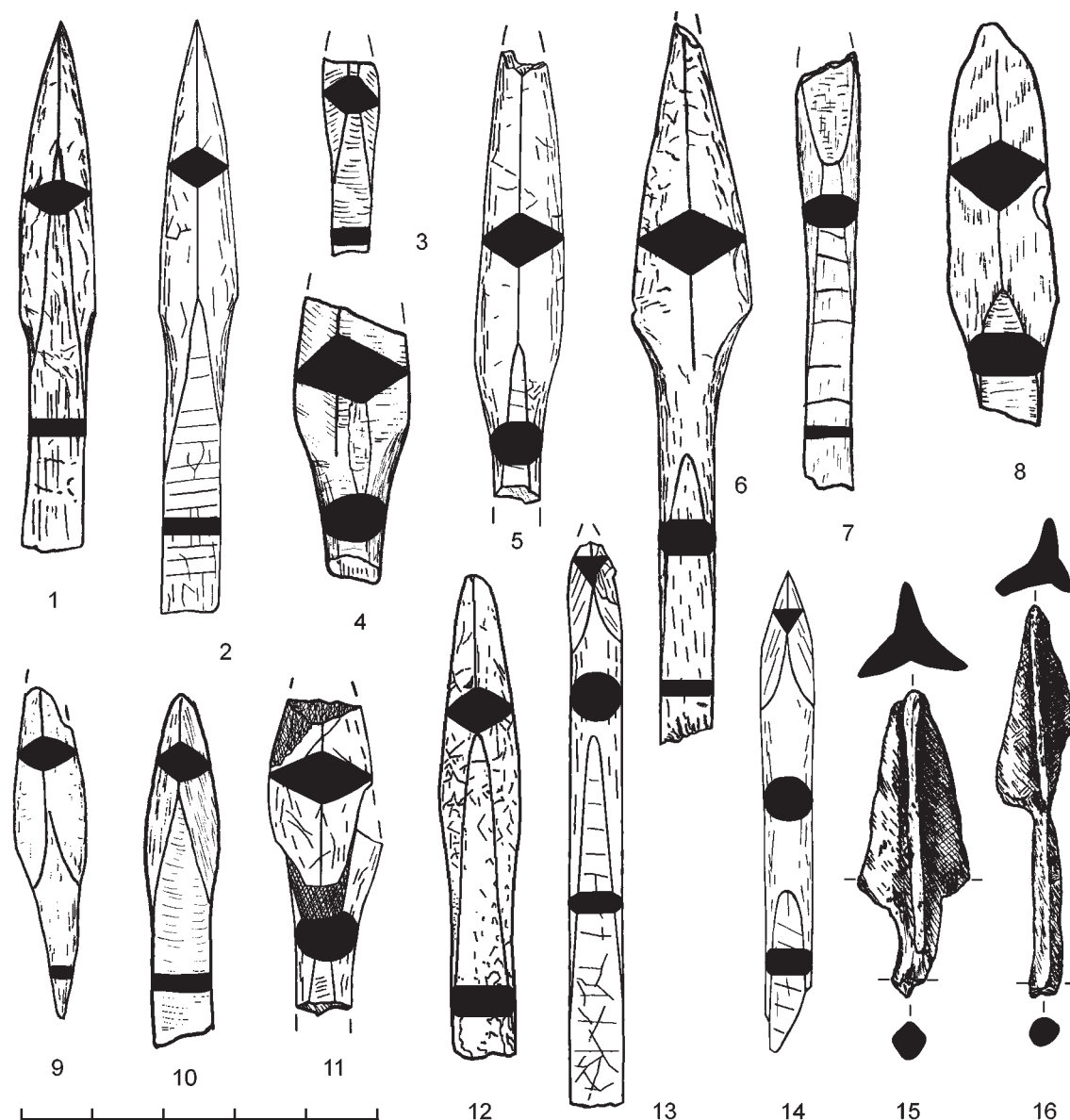

Рис. 2. Наконечники стрел из культурного слоя городища Катлыгы 5: 1–14 — кость или рог; 15, 16 — железо

Fig. 2. Arrowheads from the cultural layer of the Katylyg 5 settlement: 1–14 — bone or antler; 15, 16 — iron

традиции вариации форм и размеров, видимо, индивидуальны и не требуют более дробной классификации.

Два наконечника имеют круглое сечение, переходящее в области острия в треугольное. Их длина составляет 7–8 см (рис. 2, 13–14). Такие изделия отсутствуют в кокельских погребальных комплексах. Похожие наконечники есть в таштыкской культуре (Худяков 1986: 94), но делать какие-либо выводы на основании отсутствия или наличия этих простых по форме изделий не следует. Тем не менее наличие второго типа кокельских костяных стрел, даже вне рассмотрения таштыкско-кокельских параллелей, является важным фактом.

Следует обратить внимание на отсутствие наконечников «с расщепленным насадом» и втульчатых стрел, столь характерных для суннуских памятников. Их нет и в погребальных комплексах кокэльской культуры, то есть можно уверенно сказать, что эта традиция исчезает в Туве вместе с самими сунну.

На городище также найдены два целых «свистунка» и один фрагмент (рис. 3, 1–2) — надеваемые на стрелу перед наконечником полые шарики с тремя отверстиями. Они встречаются в погребальных памятниках вместе с железными наконечниками.

Обитатели городища Катылыг 5 использовали сложносоставные луки с костяными накладками. Обнаружены три концевые накладки одного размера 24 × 1,8 см (Садыков 2017: 24, рис. 3, 9–11). Поскольку упомянутые находки сделаны на поселении, ничего нельзя сказать о полном комплекте накладок. На имеющемся материале он не реконструируется.

Если рассматривать традицию использования костяных наконечников стрел в более широком хронологическом контексте, можно отметить, что черешковые наконечники были широко распространены в Туве в скифское время, но они были представлены абсолютно другой формой — треугольными в сечении «с опущенными ниже основания черешка жальцами» (Савинов 1969: 106).

В суннуское время традиция радикально меняется, и основные формы характеризуются втульчатыми стрелами и наконечниками с расщепленным насадом. Из этого правила имеются отдельные исключения. При описании впускного погребения кургана 1 могильника Урбюн 3 упоминаются «плоские черешковые» костяные наконечники в комплекте с втульчатым, с расщепленным насадом и позднескифским (Там же: 104). Три черешковых наконечника, форма которых несколько отличается от более поздних (рис. 3, 3–4), представлены в колчанном наборе погребения 2 могильника Терезин 1 в Центральной Туве (Леус, Бельский 2016: 97) наряду с наконечниками других типов.

Такая же ситуация характерна и для суннуских памятников Бурятии. На Иволгинском городище, например, из 90 найденных наконечников обнаружено только два черешковых (Давыдова 1995: 31).

В кокэльское время в Туве встречаются только черешковые костяные наконечники, причем хуннские традиции для этой категории материальной культуры не прослеживаются. Все данные находки подробнее рассмотрены ниже.

Позднее в древнетюркскую эпоху костяные наконечники используются крайне редко. В Туве нам известен только один такой экземпляр — в погребении с конем в могильнике Кокэль (кург. 23), где в колчане среди железных стрел встречен костяной (не роговой) черешковый наконечник (Вайнштейн 1966: 303).

Таким образом, ни в более ранних, чем кокэльская культура, ни в более поздних, чем она, памятниках традиция использования черешковых костяных наконечников стрел широко не представлена. В памятниках же кокэльской культуры основная масса стрел изготовлена из железа, а костяные наконечники представлены черешковыми стрелами, хотя можно отметить, что их набор не самая обязательная находка в кокэльских погребениях. В двух синхронных nepотревоженных захоронениях, выявленных на городище Катылыг 5, в погребальном инвентаре нет наконечников.

Можно допустить, что на поселении в большей степени представлены стрелы для охоты, а не для боя, и поэтому здесь преобладают костяные, а не железные

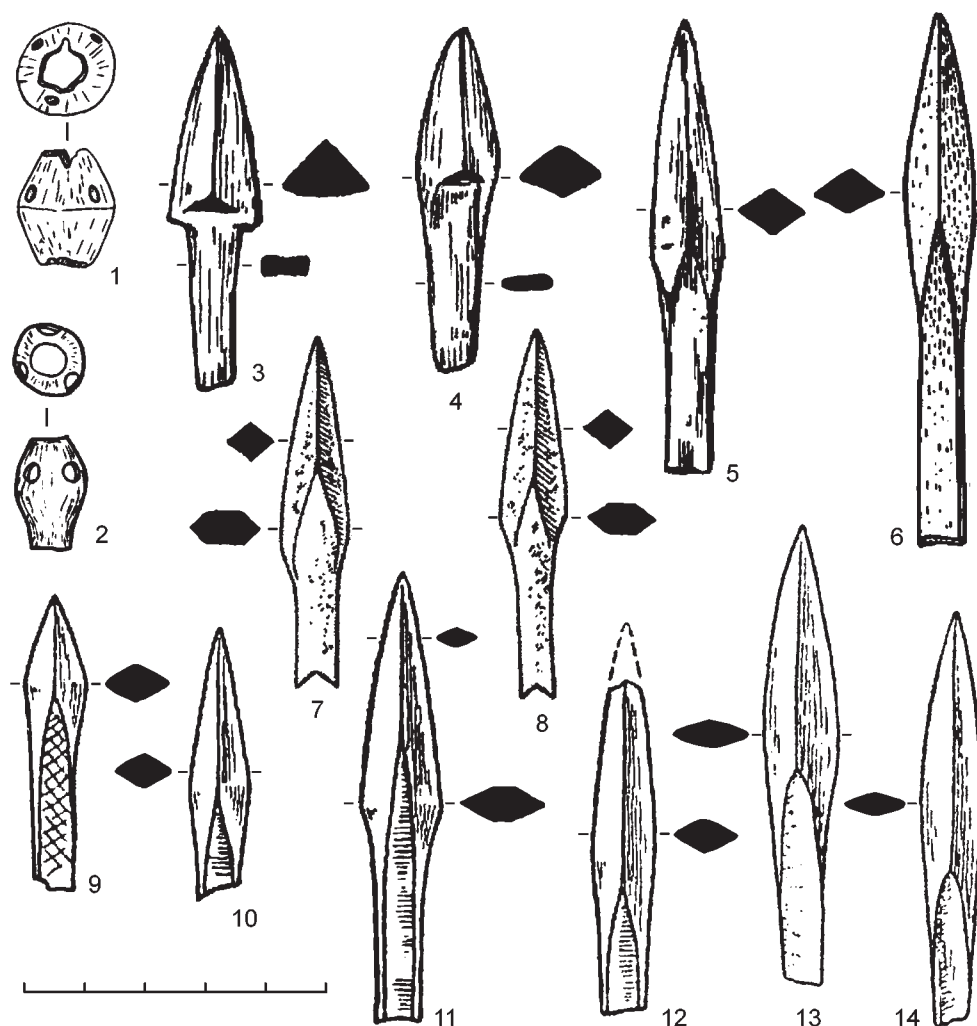

Рис. 3. Костяные «свистунки» (1, 2) и наконечники стрел:

1, 2 — городище Катылыг 5; 3, 4 — Терезин 1 (по: Леус, Бельский 2016);
5, 6 — Чааты 1 (по: Кызласов 1979); 7, 8 — Усть-Хадынных 3 (по: Панкова 2003);
9–14 — Кокэль (по: Вайнштейн, Дьяконова 1966; Дьяконова 1970)

Fig. 3. Bone «whistlers» (1, 2) and arrowheads: 1, 2 — Katylyg 5;

3, 4 — Terezin 1 (after Леус, Бельский 2016);

5, 6 — Chaaty 1 (after Кызласов 1979); 7, 8 — Ust-Khadynnykh 3 (after Панкова 2003);

9–14 — Kokel (after Вайнштейн, Дьяконова 1966; Дьяконова 1970)

экземпляры. Но такому предположению противоречат находки костяных наконечников в кокэльских погребениях.

В могильнике Кокэль они (рис. 3, 9–14) «найлены в таких положениях, которые позволяют предположить, что они были причиной смерти погребенных <...> в колчанах костяные стрелы не найдены» (Вайнштейн 1970: 78). Единственный костяной наконечник из кокэльского могильника Сыын-Чурек (кург. 34) также обнаружен «между ребер» (Вайнштейн 1958: 225). Если в кокэльских памятниках и есть другие такие находки, то они не опубликованы.

В материалах могильника Чааты, датировка которого до сих пор дискуссионна, также встречены два черешковых костяных наконечника (рис. 3, 5–6), один из

которых (Чааты 1, кург. 13) стал причиной смерти похороненного (Кызласов 1979: 171), а второй (Чааты 1, кург. 1) также происходит не из колчана, а найден отдельно «у правого бедра» умершего (Там же: 161).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для кокэльской культуры традиция использования костяных наконечников нехарактерна. Все вышеперечисленные находки являются оружием врагов носителей этой культуры.

Кроме городища Катылыг 5 этими «врагами», возможно, оставлен кург. 21 могильника Усть-Хадынных 3, расположенный всего в 20 км от Кокэля, но уже в таежной зоне. При раскопках этого необычного кургана керамика не найдена, что нехарактерно для кокэльских погребальных памятников. Именно в данном кургане костяные черешковые наконечники (рис. 3, 7–8) встречены в колчанном наборе вместе с железной стрелой. Допускается «иная хозяйственная или даже этническая принадлежность погребенных в нем людей» (Панкова 2003: 105), и с этим доводом можно согласиться.

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, весьма вероятно предположение о том, что кроме общего территориального («по долинам и по взгорьям») и хронологического разделения кокэльской культуры для нее характерны и «территориально-вертикальные» различия. Памятники Усть-Хадынных 3 и Катылыг 5, где используются костяные наконечники, в отличие от всех остальных, находятся высоко в горах, в таежной зоне, где обитают косули и олени, из рога которых, по всей видимости, и вырезали наконечники.

Для захоронений кокэльской культуры высок процент погребенных с явными признаками насильственной смерти (Савинов 2010: 23–24). Это может быть связано не только с нашествиями с юга или севера, не только с вторжениями армий кочевых империй, но и с отношениями между племенами на территории нынешней Тувы, где в одной долине степь и тайгу могли одновременно заселять разные социумы.

Костяные наконечники стрел, быть может, не самый информативный и не самый типологически яркий источник, но для рассматриваемых периода и региона эта категория (или ее отсутствие) может оказаться значимой. Видимо, какие-то закономерности проявятся и при рассмотрении этой категории в более широком территориальном контексте.

Литература

Вайнштейн 1958 — *Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1958. № 6. С. 217–237.

Вайнштейн 1966 — *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Поляков Л. П. (отв. ред.). Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–347 (Тр. ТКАЭЭ. Т. 2).

Вайнштейн 1970 — *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сын-чюрекской культур) // Поляков Л. П. (отв. ред.). Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. М.; Л.: Наука, 1970. С. 7–79 (Тр. ТКАЭЭ. Т. 3).

Вайнштейн, Дьяконова 1966 — *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э. — первых веков н. э. // Поляков Л. П. (отв. ред.). Материалы

по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М.; Л.: Наука, 1966. С. 185–291 (Тр. ТКАЭЭ. Т. 2).

Давыдова 1995 — *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 97 с. + 188 табл. + вклейка (Археологические памятники сюнну. Вып. 1).

Дьяконова 1970 — *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Поляков Л. П. (отв. ред.). Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. М.; Л.: Наука, 1970. С. 80–209 (Тр. ТКАЭЭ. Т. 3).

Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.

Леус, Бельский 2016 — *Леус П. М., Бельский С. В.* Терезин 1 — могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–107.

Николаев 2001 — *Николаев Н. Н.* Культура населения Тувы первой половины I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 26 с.

Панкова 2003 — *Панкова С. В.* Погребения середины I тыс. н. э. в Западной Туве // Древности Алтая. 2003. № 11. С. 92–106.

Савинов 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.

Савинов 2003 — *Савинов Д. Г.* Проблема хронологии кокэльской культуры в историческом контексте // Проблемы истории России. 2003. № 5. С. 49–59.

Савинов 2010 — *Савинов Д. Г.* История открытия и проблемы изучения памятников кокэльской культуры // Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Лазаревская Н. А. (ред.). Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 10–30.

Садыков 2017 — *Садыков Т. Р.* Следы бытовых и хозяйственных практик на городище Катылыг 5 в Центральной Туве // ИЛДТ. 2017. Т. 13, № 3. С. 19–29.

Садыков 2018a — *Садыков Т. Р.* Керамика городища Катылыг 5 и кокэльской археологической культуры // ИЛДТ. 2018. Т. 14, № 1. С. 70–86.

Садыков 2018b — *Садыков Т. Р.* «Сюнну-сяньбийское время» в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. Т. 21. С. 95–106.

Худяков 1986 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

BONE ARROWHEADS OF THE FIRST HALF OF THE I MILLENNIUM AD IN TUVA

T. R. SADYKOV

Keywords: *bone arrowheads, tanged bone arrowheads, Tuva, Katylyg 5 settlement, Kokel culture, Xiongnu, Xianbei.*

The paper is devoted to the arrowheads of the Kokel archaeological culture, which existed in the Xiongnu-Xianbei time on the territory of the present-day Tuva (Fig. 1). The author considers

the history of the study of the Kokel culture sites and analyzes the attempts to distinguish their chronological horizons and territorial variants. The publication introduces new materials: arrowheads from the cultural layer of the Katylyg 5 settlement, radiocarbon-dated to the second half of the III — the first half of the IV c. AD. This site, situated on the right bank of the Ulug-Khem (Yenisei) in the upper reaches of the Eerbek river, is the first of the Kokel culture settlements that has become an object of archaeological excavations. Worthy of note is the fact that bone arrowheads numerically dominate over those made of iron (Fig. 2), and the latter are represented by a very rare type. Two of fourteen bone arrowheads show a form that has never been found in Tuva before (Fig. 2, 13, 14). The method of manufacture of bone arrowheads which was in use in Tuva during the first half of the I millennium AD (Fig. 3, 7–14) has links with neither the previous (Scythian or Xiongnu) nor subsequent (Turkic) traditions. The bone arrowheads found in the Kokel burials are not burial goods. They came into the graves in the bodies of people who were probably killed by these arrows. It appears that in the period under discussion the territory of Tuva was inhabited by different groups of people, who occupied variable ecological niches. The tribes living in the steppe zone did not use bone arrowheads, differing in this respect from the inhabitants of taiga (Katylyg 5 and Ust-Khadynnykh 3 sites).

НАЧАЛО ГОТСКОГО ПУТИ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

В. И. КУЛАКОВ¹

Ключевые слова: *германцы, Балтия, переселение.*

К середине I в. н. э. группы германцев (условно — готы и, быть может, гепиды) заселяют участки запада Самбии. На фазе B₂/C₁ часть носителей вельбарских традиций переходит пограничную р. Passarge/Pasłęk и заселяет «зону страха», разделявшую ареалы готов и эстиев. Одновременно на Янтарный берег прибывает группа скандинавов, явно заинтересованных в янтарной торговле. Скорее всего, именно их прибытие не позволило «вельбарцам» воссоединиться с потомками своих родичей, оказавшихся на западе Самбии в раннеримское время. Этнокультурная ситуация на Янтарном берегу вынудила группы носителей вельбарских древностей начать на фазе B₂/C₁ движение в юго-восточном направлении, используя часть сложившегося еще в эпоху бронзы Черноморского торгового пути.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-89-98

Проблему переселения части восточных германцев, носителей вельбарских древностей, в юго-восточном от Балтии направлении в свое время основательно исследовал М. Б. Щукин. Не обозначив причины этой миграции, он определил территорию (совр. Волынь на Припятском правобережье), занятую готами² на первом этапе их переселения, как зону страха между племенами, «заселенную слабо или заселенную слабыми» (Щукин 2005: 95). Начало первой, «брест-тришинской волны вельбарского проникновения» М. Б. Щукин вслед за К. Годловским (Godłowski 1994: 116, Abb. 7) датирует временем около 170–180 гг. н. э. (Щукин 2005: 104). Доказано, что эта волна миграции состояла преимущественно из военных отрядов (Левада 2009: 257). Ранее, в I в. н. э., часть носителей пшеворских древностей, очевидно, этим же путем проникает на территорию совр. Западной Украины (Szczukin 1992: 327). Согласно Йордану, переселение готов в юго-восточном направлении произошло, «когда там выросло великое множество люда» (Йордан 1997: 66). В. П. Буданова считала, что причинами для их (в том числе готов) переселения были «необходимость освоения новых земель для занятий земледелием и скотоводством, изменение климата и потребность переселения в более благоприятные в этом отношении регионы и т. д.» (Буданова 1999: 27). Адам Чешлиньски, являющийся в польской археологии основным специалистом по изучению вельбарских древностей в восточной части зоны Wołagiewicz A (Эльблонгская и Илавская возвышенности,

---

¹ Отдел археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, Институт археологии РАН, г. Москва, 117036, Россия.

² Этнокон для переселяющихся носителей вельбарской культуры условен.

заняты готами на фазе B_2 , см.: Bitner-Wróblewska 1989: 162), полагает, что готы переходят германо-балтское пограничье по р. Passarge/Pasłęk на фазах B_2/C_1 — C_1 (Cieśliński 2010: 153), на несколько десятков километров внедряясь в территорию, занятую эстиями. На этапе C_3 – D «вельбарцы» вновь возвращаются на левый берег р. Passarge/Pasłęk (Cieśliński, Nowakowski 2005: 261). Как видим, даты начала готского переселения в юго-восточном направлении и переход обитателями готской зоны Wołągiewicz A западной границы расселения балтов совпадают. Попытаемся интерпретировать это совпадение.

Как показывают данные археологии центрального отрезка Великого Янтарного пути (земли совр. Словакии), этот путь начал действовать уже в первой половине I в. н. э. (Motyková-Šneidrová 1963: 8). Германцы контактировали с романизованными кельтскими торговцами и даже основали в Zohor'e своеобразный таможенный пункт (Elschek 2009: 240). Не исключено, что Янтарным путем могли следовать караваны не только с драгоценным самоцветом, но и с пушным товаром (Шувалов 2009: 82). Задолго до упомянутого выше проникновения готов на земли эстиев, в I в. н. э. в западную часть п-ова Самбия, с востока ограниченную холмистой грядой Kalkgebirge, начинают прибывать отдельные представители германской этнокультурной общности. Наиболее явно это иллюстрируется специфическим составом женского убора (включавшим фибулы типа АII,42) на нескольких грунтовых могильниках, расположенных в указанной части полуострова. Эти женщины-германки, относившиеся, не исключено, к племени ульмеругов Йордана, захоронены на Самбии на фазе B_{2a} (Кулаков 2016в: 31, 32). Масса других германских по происхождению черт материальной культуры Самбии, а также прямые свидетельства внедрения в местный погребальный обряд древних традиций свидетельствуют о пребывании германцев на Янтарном берегу уже в I в. н. э. (Там же: 21, 22). Здесь, в непосредственной близости к береговому бросу янтаря (результат разрушения подводных жил), действующему по сей день, в XIX в. были обнаружены погребения, по всем признакам содержавшие останки германцев фазы B_2/C_1 (Кулаков 2016г: 76). Вельбарские традиции в материальной культуре западной оконечности Самбии прослеживаются минимум до фазы C_2 (Кулаков 2016б: 23). Таким образом, на фазе B_{2a} можно предполагать перемещение на западную оконечность Самбии, то есть собственно на Янтарный берег и его ближайшие окрестности, части носителей вельбарской культуры. Этот германский прессинг на западных балтов мог вызвать миграцию их части в раннеримское время в восточном направлении (Кулаков 2004: 101). Контакты населения Самбии, включавшего германские этнокультурные группы, с жителями вельбарского ареала продолжались до позднеримского времени. Эти, в первую очередь матримониальные, контакты подразумевали стремление потомков германских переселенцев на Янтарный берег сохранить свою этническую идентичность. Приведенные выше специфические особенности материальной культуры населения Янтарного берега раннеримской эпохи являются результатом реализации стремления части германцев, носителей вельбарских традиций, принять участие в добыче янтаря и янтарной торговле.

На фазах B_2/C_1 — C_1 часть «вельбарцев» переходит речной рубеж Passarge/Pasłęk и занимает незначительную часть балтской территории. Слабое влияние вельбарских традиций в указанном временном отрезке на эстиев засвидетельствовано минимальным распространением в их среде грибовидных янтарных подвесок типа

Mączyńska 471h (Tempelmann-Mączyńska 1985: Taf. 18). Они являются маркером вельбарских древностей фаз C_{1b} и C_2 (Мастыкова 2015: 58) и восходят к стеклянным вазообразным подвескам, изготавливавшимся к Средиземноморью на позднем этапе эллинистической эпохи (Schönfelder 2007: 307). Более того, в недавно опубликованной сводке памятников римского времени, изученных в последние годы в юго-западной части ареала эстиев (ныне — Багратионовский и Гурьевский р-ны Калининградской обл.), влияние вельбарских традиций на погребальном материале на фазах B_2/C_1 — C_1 не отмечено (Скворцов 2012: 5). Таким образом, можно с уверенностью полагать весьма ограниченные масштабы вельбарского проникновения на землю эстиев.

Одновременно с этим проникновением начиналось продвижение части восточных германцев в юго-восточном направлении. Другая их часть (гепиды Йордана) остаются в прежнем ареале своего обитания на землях, примыкающих к дельте р. Вислы. При этом эльблонгская группа памятников археологии, расположенная на «острове Гепедойос» в восточной части указанной дельты, отличается на фазе C_1 обилием римских импортов и дорогостоящих элитных изделий местных мастеров, в том числе — грибовидных янтарных подвесок. Последние на фазе C_{1b} начинают изготавливаться в провинциально-римских мастерских по рейнскому лимесу и становятся социальным маркером германской знати горизонта *Haßleben-Leuna* (Lund Hansen 1991: 190). Потрясающие своей роскошью материалы эльблонгской группы вельбарских могильников позволили Е. Окуличу сделать вывод о существовании на «острове Гепедойос» центра янтарной торговли позднеимского времени (Okulicz-Kozaryn 1992: 94–97, 103). Поразителен факт несравненно более скромного набора римских импортов (при практически полном отсутствии дорогостоящей пиршественной бронзовой и серебряной посуды и при весьма малом проценте римских монет из драгоценных металлов), являвшихся платой за янтарь эстиев. Складывается впечатление, что эстии не напрямую получали плату за янтарь от римских торговцев (как это было в самом начале новой эры, когда Тацит упоминал «наших купцов», торговавших с эстиями, см.: Кулаков 2016в: 8, 46), а имели дело с германскими (точнее — гепидскими, происходящими с упомянутого острова, см.: Магомедов 2007: 345) посредниками. Такая неравноправная торговля отмечена В. Новаковским на примере *terra sigillata* рубежа II–III вв. н. э. Этот важный римский импорт, поступавший в Балтию в обмен на янтарь, в своей массе оставался в вельбарском ареале, не доходя до Самбии (Nowakowski 2012: 101). Очевидно, германским поселенцам на Янтарном берегу было удобнее вести торговые операции с соплеменниками, что не мешало последним львиную долю выгоды от янтарной торговли оставлять у себя.

В результате Маркоманнских войн в юго-восточной Балтии происходят серьезные этнокультурные изменения. Часть готов (а позднее — и гепидов) покидает родные угодья и отправляется в юго-восточном направлении. Жители п-ова Ютланд создают собственный янтарный путь (правда — кратковременный) для торговли со Средиземноморьем (Kulakov 2001: 46). На рубеже II–III вв. н. э. на Самбии появляется новая группа населения, связанная со Скандинавией. Важно отметить, что юго-западная часть этого европейского региона на фазе C_1 являлась для германского мира центром межплеменной торговли (Lund-Hansen, 1988: 157) и местоположением крупной общественной структуры (дружина), ориентированной на

дальние военные походы (Ilkjær 1994: 134). В III в. н. э. истощаются янтарные прииски п-ова Ютланд, северная часть этого полуострова подвергается затоплению водами Северного моря, эта земля становится для потомков кимвров непригодной для обитания (Кулаков 2011: 31). Приход скандинавов отразился в материальной культуре Янтарного берега в виде появления массы новаций: каменные конструкции, перекрывавшие могилы с кремированными останками и нередко увенчанные памятными камнями типа Merkstein, конские захоронения, восходящие к конским жертвоприношениям на могильниках о. Готланд I в. н. э. (Кулаков 2016в: 23), урны типа Grebieten, достигавшие высоты 70 см, сосуды-приставки типа Dollkeim (правда, некоторые признаки их форм указывают на генетическую связь с местной керамикой раннего железного века), трапециевидные кресала, биконические глиняные пряслица с прорезным декором, повторяющим орнамент на сосудах типа Dollkeim (Кулаков 2014: 73). Отмечены социальные контакты (дарение оружия) пришельцев и аборигенов (Кулаков 2008: 91). Основательное скандинавское влияние, связанное с перспективой участия северян в янтарной торговле, отмечено в материальной культуре Самбии и позднее, в IV в. н. э. (Хомякова 2007: 74). Скандинавы оказали такое мощное воздействие на древности эстиев, так глубоко изменили облик их культуры, что автор этих строк посчитал необходимым эпоху конца II–IV вв. н. э. в истории Самбии поименовать «горизонтом кимвров» (условно, конечно). На базе материала этого горизонта в V в. н. э. формировалась культура пруссов (Кулаков 2003: 254). Примечательно, что на основе анализа керамического материала северного Barbaricum уже давно был сделан вывод об уходе с п-ова Ютланд герулов, оказавшихся к III в. в Ольвии (Магомедов 1997: 40). Керамические формы с выступами, появившиеся в это время на могильниках Самбии, свидетельствуют о том, что часть герулов оказалась на Янтарном берегу (Кулаков 2013: 119, 120).

Совпадение всех указанных перипетий II в. в юго-восточной Балтии вряд ли случайно и может быть интерпретировано следующим образом:

1. Группы восточных и, возможно, северных германцев (условно — готы и, может быть, гепиды) к середине I в. н. э. заселяют участки запада Самбии (не занятые эстиями, как, например, лишенные источников воды холмы Kalkgebirge) в стремлении добывать янтарь и торговать им. Это перемещение германцев из устья р. Вислы могло осуществляться, в частности, по Балтийской косе. Контакты готов и балтов могли отразиться в династической истории восточных германцев в рамках сведений о родах Амалов и Балтов (Вольфрам 2003: 56, 57).

2. На фазе B₂/C₁ часть носителей вельбарских традиций переходит пограничную р. Passarge/Pasłęk и заселяет так называемую «зону страха», разделявшую ареалы готов и эстиев (Nowakowski 1989: 145). Дальнейшее их продвижение в сторону янтарноносной Самбии в археологическом материале не отражено. Ему могли мешать как местные жители, так и непроходимые лесные массивы, в частности — леса Albena и Stablack (Šimėnas 1990: 19).

3. Одновременно на Янтарный берег морским путем (?) прибывает группа скандинавов, явно заинтересованных в янтарной торговле. Возможно, именно эта миграция положила начало сложению «легенды о Видевуте», в основном включающая в свой состав информацию о событиях V в. н. э. (Кулаков 2016а: 87, 88). К IV в. н. э. даны, как считает П. В. Шувалов, полностью контролировали «выходы на основные торговые пути (... Янтарный)» (Шувалов 2012: 177). Скорее всего, именно прибытие

этих «кимвров» и не позволило воссоединиться «вельбарцам» с потомками своих родичей, оказавшихся на западе Самбии в раннеримское время. Археологический материал дембчинской группы (Центральное Поморье) на фазах C_1 – C_2 также показывает заметное скандинавское влияние (Przybyła 2007: 579).

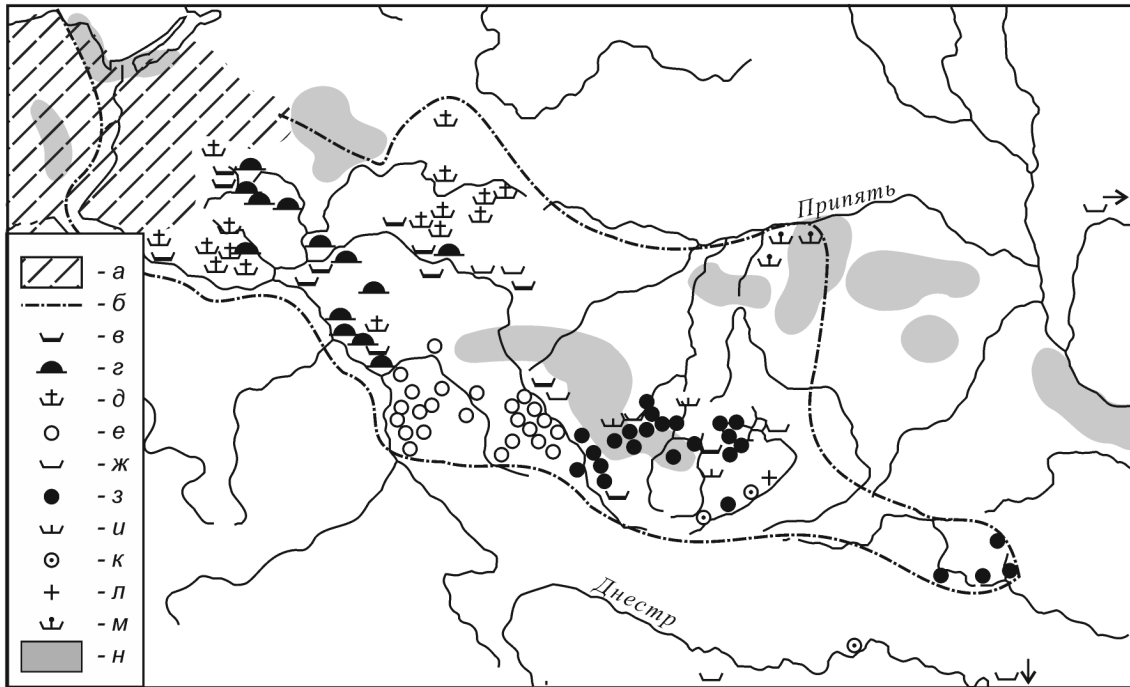
Важно отметить, что в позднееримское время в материальной культуре населения Самбии вельбарское влияние прослеживается слабо (Nowakowski 1989: 153). С другой стороны, в III–V вв. н. э. обитатели Янтарного берега, раньше поставлявшие римским купцам лишь янтарное сырье (Тацит Корнелий 1969: 372), начинают самостоятельную обработку янтаря (Кулаков 2010: 164), очевидно, стремясь получить максимум выгоды от принадлежащих им янтарных месторождений.

4. Указанные выше аспекты этнокультурной ситуации на Янтарном берегу вынудили часть носителей вельбарских древностей (Х. Вольфрам называет их «гутонями» — Вольфрам 2003: 70) начать на фазе B_2/C_1 движение в юго-восточном направлении, используя участок сложившегося еще в эпоху бронзы Черноморского торгового пути (Domański 1999: 180). М. Б. Щукин считал, что данный отрезок Черноморского пути был сформирован именно на фазе B_2/C_1 . По этому пути, как считал Щукин, могли поступать из Балтии на юго-восток, в частности, 8-видные янтарные подвески (Щукин 1994: 246, 247). Правда, о балтийском происхождении таких подвесок, не обладая анализом их химического состава, говорить преждевременно. Доказано, что с появлением в Причерноморье германских пришельцев из Балтии торговля с указанным регионом оживилась (Шаров 2013: 144).

Германцам, контролировавшим посредством торгового центра в районе «острова Гепедойос» янтарную торговлю путем посредничества в контактах эстиев и южноевропейских купцов и получавших грандиозные прибыли, что отражено в местном археологическом материале наличием многочисленных импортных изделий (Pietrzak, Tuszynska 1988: Taf. I–XX), с приходом на Самбию «кимвров» следовало искать новые пути к благополучному существованию. Количество янтарных изделий в вельбарских погребениях на фазе B_2/C_1 уменьшается (Reszcuńska 1998: 99).

Стабильное процветание для варварских племен *Barbaricum* римского времени заключалось в возможности постоянного получения средств для существования. Такая стабильность была гарантирована, в частности, обладанием месторождениями янтаря, к чему стремились различные группы германцев в I–IV вв. н. э. У германцев, обитавших на «острове Гепедойос», процветание, вызванное невероятной прибылью от участия в янтарной торговле, началось, как показывают находки на могильнике Weklitz/Weklize (pow. elbląskie), на фазе B_2/C_1 – C_{1a} (Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2007: 70), хотя в целом в ареале этой культуры количество янтарных изделий на фазе B_2/C_1 уменьшается (Reszcuńska 1998: 99).

Для «вельбарцев» сухопутный поход к самбийским месторождениям не смог быть реализован. Но были и другие месторождения, расположенные, в частности, в Мазурском Поозерье, в Мазовии (отличающейся плотным скоплением вельбарских поселений, см.: Kokowski 2007: 75) и на Куявах. Последние пункты активно разрабатывались носителями пшеворской культуры (Wielowiejski 1997: 221, 222). Именно в северной части Мазовии в вельбарском ареале сосредоточен крупный массив римских металлических сосудов и монет (Возняк 2014: 5). Как показывает

Рис. 1. Начало готского пути и янтарные месторождения на территории современной Польши и Украины (по: Щукин 2005: рис. 26 с добавлениями автора): *а* — вельбарский ареал любовидзской фазы; *б* — вельбарский ареал цецельской фазы; *в* — максимально исследованные могильники; *г* — курганы с каменными конструкциями; *д* — пшеворские могильники, продолжавшие существовать на цецельской фазе как вельбарские; *е* — вельбарские памятники на Люблинщине; *ж* — могильники на территории современной Украины и Белоруссии; *з* — поселения на территории современной Украины; *и* — вельбарско-черняховские могильники; *к* — вельбарско-черняховские поселения; *л* — клад вельбарско-черняховский (?); *м* — вельбарские погребения на зарубинецких могильниках; *н* — зоны месторождений янтаря

Fig. 1. Beginning of the Gothic movement and amber deposits on the territory of the present-day Poland and Ukraine (after Щукин 2005: Fig. 26, with modifications): *a* — Wielbark area at the Lubovidz phase; *b* — Wielbark area at the Zezel phase; *v* — best studied cemeteries; *g* — barrows with stone constructions; *d* — Przeworsk culture cemeteries, which continued to exist during the Zezel phase as Wielbark cemeteries; *e* — Wielbark culture sites in the Lublin region; *zh* — cemeteries on the territory of the present-day Ukraine and Byelorussia; *z* — settlements on the territory of the present-day Ukraine; *i* — Wielbark-Chernyakhovo cemeteries; *k* — Wielbark-Chernyakhovo settlements; *l* — Wielbark-Chernyakhovo hoard (?); *m* — Wielbark burials on the Zarubinc culture cemeteries; *n* — zones of amber deposits

карта первого этапа движения части носителей вельбарских традиций, пути их миграции в конце II — начале III в. н. э. пересекли зоны указанных месторождений, расположенных в восточной и юго-восточной частях современной Польши (рис. 1). Результатом освоения «вельбарцами» месторождений янтаря в Южной Польше и на Волыни стал рост роли янтарной торговли у носителей черняховской культуры, включавших в свой состав готский этнокультурный элемент (Магомедов 2001: 110). При этом значительная часть «балтийских» янтарных находок, характерных для позднего вельбарского и черняховского ареалов, может иметь на самом деле волынское, а не балтийское происхождение (ср.: Мастыкова 1999: 176).

Итак, кроме двух давно известных целей германцев-мигрантов (добыча римских импортов, в том числе — для жертвоприношений на общегерманских святилищах в западной части Балтики, и поиски плодородных земель, см.: Kulakov 2001: 51, 52) перед переселенцами стояла задача найти «свободные» от использования другими варварами янтарные месторождения. И на Волыни они были найдены. Следствием этого стало усиление Черноморского торгового пути. Благодаря созданию варварской «рокады» германцы, не используя перекрытый X римским легионом Великий Янтарный путь, получили через территорию современной Добруджи доступ к провинциально-римским торжищам на Нижнем Дунае (Ibid.: 53, 54).

Литература

Буданова 1999 — Буданова В. П. Германцы в эпоху Великого переселения народов // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 7–155.

Возняк 2014 — Возняк М. Между севером и югом. Связи населения вельбарской культуры с балтийской и причерноморской зонами в конце римского периода и начале эпохи переселения народов в свете материалов восточной Мазовии и Подляшья // Матэрыялы па археологіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2014. Вып. 25. С. 5–16.

Вольфрам 2003 — Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). М.: Ювента, 2003. 653 с.

Йордан 1997 — Йордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». СПб.: Алетейя, 1997. 505 с.

Кулаков 2003 — Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2004 — Кулаков В. И. Эстии, веныды и германсы на Самбии // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 100–108.

Кулаков, 2008 — Кулаков В. И. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I–VI вв. н. э.) // РА. 2008. № 1. С. 88–100.

Кулаков 2010 — Кулаков В. И. Свидетельства обработки и торговли янтарем в археологии эстиев (I–V вв. н. э.) // Добыча и обработка янтаря на Самбии: ТД Междунар. симпозиума. Калининград, 12–14 мая 2010 г. Калининград: Изд-во Российского ГУ им. И. Канта, 2010. С. 160–165.

Кулаков 2011 — Кулаков В. И. Пути янтарной торговли и миграция племен в I–V вв. н. э. в Южной Балтии // Костяшова З. В. (ред.). Торговые пути янтаря. Калининград: Изд-во Российского ГУ им. И. Канта, 2011. С. 25–34.

Кулаков 2013 — Кулаков В. И. Сосуды с налестями в древностях эстиев на материале могильника Lauth/Б. Исаково // *Slavia Antiqua*. Poznań, 2013. Т. 54. С. 117–141.

Кулаков 2014 — Кулаков В. И. Янтарь — экономический и культурный феномен в истории эстиев и пруссов // Слово.ру. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. Вып. 1. С. 69–79.

Кулаков 2016a — Кулаков В. И. Археологический комментарий к легенде о Видевуте // Историко-археологические записки. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. Вып. 3. С. 86–98.

Кулаков 2016b — Кулаков В. И. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал. СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2016. № 20. С. 15–27.

Кулаков 2016в — *Кулаков В. И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н. э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 359 с.

Кулаков 2016г — *Кулаков В. И.* Kirrehnen/Поваровка-1 и Kirrehnen-II/Поваровка-2: данные раскопок // Исторический формат. 2016. № 4. С. 66–88.

Левада 2009 — *Левада М. Е.* От моря до моря (готы между Балтийским и Черным морями) // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 257–260 (Боспорские чтения. 10).

Магомедов 1997 — *Магомедов Б.* К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Gurba J., Kokowski A. (eds.). Kultura przeworska: Materiały z konferencji. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1997. Т. 3. С. 39–44.

Магомедов 2001 — *Магомедов Б.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2001. 276 с.

Магомедов 2007 — *Магомедов Б. В.* Готы и гепиды в вельбарской и черняховской культурах // Fudzinski M., Paner H. (eds.). Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2007. С. 345–351.

Мастыкова 1999 — *Мастыкова А. В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеимского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Левада М. Е. (ред.). 100 лет черняховской культуры. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 171–176.

Мастыкова 2015 — *Мастыкова А. В.* Стекланные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Гавригухин И. О., Воронцов А. М. (ред.). Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов. Конференция 4, ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный заповедник «Куликово поле», 2015. С. 57–67.

Скворцов 2012 — *Скворцов К. Н.* Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // Stratum plus. 2012. № 4. С. 1–18.

Тацит Корнелий 1969 — *Тацит Корнелий.* Сочинения. Л.: Наука, 1969. Т. 1. 643 с.

Хомякова 2007 — *Хомякова О. А.* Комплекс женских украшений из могильника Большое Исаково-Lauth // РА. 2007. № 3. С. 69–75.

Шаров 2013 — *Шаров О. В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность // Берлизов Н. Е., Пьянков А. В. (ред.). Древности Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, 2013. Т. 1. С. 118–155.

Шувалов 2009 — *Шувалов П. В.* Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиции // Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 75–88.

Шувалов 2012 — *Шувалов П. В.* Тюринги, герулы и бубегены (еще раз о *pelles sappherinae*) // Мачинский Д. А. (ред.). Истоки славянства и Руси. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 175–200.

Шукин 1994 — *Шукин М. Б.* О трех путях балто-черноморских связей в первые века нашей эры // Яровой Е. В. (ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 1994. С. 245–247.

Шукин 2005 — *Шукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 575 с.

Bitner-Wróblewska 1989 — *Bitner-Wróblewska A.* Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Gurba J. (red.). Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Drukarnia UMCS, 1989. Т. 2. С. 161–177.

Cieśliński 2010 — *Cieśliński A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drzwęca. Berlin; Warszawa: Staatliche Museen zu Berlin, 2010. 325 S.

Cieśliński, Nowakowski 2005 — *Cieśliński A., Nowakowski W.* Die Passarge — ein barbarisches Rubikon. Entwurf einer Forschungsproblematik // Carnap-Bornheim C., Friesinger H. (Hrsg.). Wasserwege-Lebensadeln-Trennungslinien. Neumünster: Wachholtz-Verlag, 2005. S. 260–264.

Domański 1999 — *Domański G.* Szlak czarnomorski // Andrzejowski J. (red.). COMH-LAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin. Warszawa: Ossolineum, 1999. S. 179–187.

Elschek 2009 — *Elschek K.* Der slowakische Abschnitt der Bernsteinstraße im 1. Jahrhundert n. Chr. Nördlich von Carnuntum und neue Grabfunde von Zoho // Salač V., Bemann J. (Hrsg.). Mitteleuropa zur Zeit Marobods. Praha; Bonn: Archeologický ústav AVČR, 2009. S. 239–250.

Godłowski 1994 — *Godłowski K.* Die Synchronisierung der Chronologie der germanischen Fundstoffes zur Zeit der Markomannenkriege // Kovacs P. (ed.). Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 1994. S. 112–120.

Ilkjær 1994 — *Ilkjær J.* Skandinavien zur Zeit der Markomannenkriege // Ibid. S. 131–136.

Kokowski 2007 — *Kokowski A.* Goci. Od Skandzy do Campi Gothorum. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007. 456 s.

Kulakov 2001 — *Kulakov V. I.* Jütland-Dobrudscha: die Rocade der «Barbaren» vom 2. Bis 4. Jh. N. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*. 2001. Vol. 2. S. 45–57.

Lund Hansen 1988 — *Lund Hansen U.* Handelzentren der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Dänemark // Ekengren Kr. (ed.). Trade and Exchange in Prehistory. Studies in Honour of Berta Stjernqvist. Lund: Lunds Universitet and Historiska Museum, 1988. S. 155–166 (AAL. Series in 8, Nr. 16).

Lund Hansen 1991 — *Lund Hansen U.* Berlockformige Bernsteinperlen — die europäischen Kontakte eines ostdänischen Zentrums der jüngeren Kaiserzeit // Jennbert Kr. (ed.). Regions and Reflections. In Honour of Marta Strömberg. Lund: Lunds Universitet and Historiska Museum, 1991. S. 177–192 (AAL. Series in 8, Nr. 20).

Motyková-Šneidrová 1963 — *Motyková-Šneidrová K.* Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Pragenses. Praeae, 1963. 81 S. (Fontes Archaeologici Pragenses. 6).

Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2007 — *Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J.* Wybrane groby z importami rzymskimi z cmentarzyska w Wieklicach, pow. elbląskie, stan. 7 // *Wiadomości Archeologiczne*. 2007. T. 59. S. 45–75.

Nowakowski 1989 — *Nowakowski W.* Kultura wielbarska a zachodniobałtycki krąg kulturowy // Gurba J. (ed.). Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Drukarnia UMCS, 1989. T. 2. S. 143–158.

Nowakowski 2012 — *Nowakowski W.* Aus der Suche nach dem «Gold des Nordens». Rom, die Barbaren und die Bernsteinstraße // *Swiatowit*. 2012. T. 7 (2006–2008), fasc. B. S. 95–107.

Okulicz-Kozaryn 1992 — *Okulicz-Kozaryn J.* Ett Kulturcentrum vid Weichsels mynning under de första århundradena av vår tideräkning // *Götiska Minnen*. Lidköping: Olof Skötkonungslogen av Götiska förbundet, 1992. Nr. 113. P. 83–109.

Pietrzak, Tuszyńska 1988 — *Pietrzak M., Tuszyńska M.* Période Romaine tardive (Pruszcz Gdański 7) // *Inventaria Archaeologica*. Warszawa; Łódź: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1988. 40. S. 369–373.

Przybyła 2007 — *Przybyła M.* Die nordeuropäischen Elemente in der Dębczyno-Gruppe der jüngeren römischen Kaiserzeit // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*, 2007. Bd 54. S. 573–609.

Reszczyńska 1998 — *Reszczyńska A.* Zabytki bursztyniowe w kulturze wielbarskiej I w grupie masłomęskiej // *Studia Gothica*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998. T. 2. S. 89–126.

Schönfelder 2007 — *Schönfelder M.* Zurück aus Griechenland — Spuren keltischer Söldnernin Mitteleuropa // *Germania*. 2007. Jg. 85, 2. S. 307–311.

Szczukin 1992 — *Szczukin M. B.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1992. P. 323–333 (Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. T. 5).

Šimėnas 1990 — *Šimėnas V.* Dykros — tai gencių neapgyventi plotai // *Mūsų gamta*. Vilnius, 1990. No. 5. P. 18–20.

Tempelmann-Mączyńska 1985 — *Tempelmann-Mączyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz: Philip von Zabern, 1985. 339 S. (Römisch-Germanischen Forschungen. Bd 43).

Wielowiejski 1997 — *Wielowiejski J.* Bernstein in der Przeworsk-Kultur // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1997. Bd 77. S. 220–251.

THE BEGINNING OF THE GOTHIC MOVEMENT TO EASTERN EUROPE

V. I. KULAKOV

Keywords: *Germans, Baltic area, migration.*

By the middle of the I c. AD groups of Germans (Goths and, perhaps, Gepids) colonized some lands in the west of Sambia. During phase B₂/C₁ a part of the Wielbark culture people crosses the frontier Passarge/Pasłęk river and populates the “zone of fear” between the areas occupied by Goths and Aestii. Simultaneously, the Amber coast witnesses the arrival of a group of Scandinavians, interested in amber trade. In all likelihood, it was their arrival that prevented the Wielbark people from rejoining the descendants of their relatives, who came to the west of Sambia in the Early Roman time. During phase B₂/C₁ the ethno-cultural situation on the Amber coast forced groups of the Wielbark people to start their movement towards the southeast, partly following the Black Sea trade route that formed as early as the Bronze Age.

ПОЧВООБРАЗОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СТАРОЙ ЛАДОГИ В НЕОЛИТЕ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

А. Л. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. А. ЛАПШИН, Н. В. ГРИГОРЬЕВА,
Е. И. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ, В. В. СКРИПКИН²

Ключевые слова: *Старая Ладога, неолит, раннее средневековье, палеопочвы.*

В статье прослеживается история формирования погребенных почв на территории поселения в Старой Ладоге от эпохи неолита до возникновения Ладожского поселения в середине VIII в. н. э. Следы распашки погребенной почвы позволяют поставить вопрос об освоении человеком террасы р. Волхов не только в эпоху неолита, но и в третьей четверти I тыс. н. э., ранее возникновения раннесредневекового поселения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-99-104

Средневековое Ладожское поселение расположено на левом берегу р. Волхов в устье р. Ладожки. Наиболее ранняя его часть находится на правом берегу Ладожки в основании так называемого Земляного городища — укреплений XVI–XVII вв., примыкающих с юга к Староладожской каменной крепости. Открытое поселение было основано здесь не позднее середины VIII в. (Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988). Возникновение второй части поселения на противоположном, левом берегу Ладожки по результатам исследований, проведенных в 1972–1977 гг. В. П. Петренко, датируется временем не позднее 842 г. (Петренко 1985; Черных 1985). Вблизи раскопа В. П. Петренко в 2014–2015 гг. были проведены охранные раскопки на месте установки памятника Рюрику и Олегу на Варяжской улице (Лапшин 2018).

Изучение погребенных почв проводилось в 2005–2013 гг. на раскопах в южной части Земляного городища (раскопы 3, 4, 5, раскопки А. Н. Кирпичникова), а также в 2014–2015 гг. на левом берегу р. Ладожки, на ул. Варяжской (раскопки В. А. Лапшина). Цель работ — по материалам исследования погребенных почв и культурного слоя с помощью методов естественных наук реконструировать ранние этапы истории поселения и его предысторию. Основные методы — палеопочвенный, антропохимический и радиоуглеродное датирование.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² А. Л. Александровский и Е. И. Александровская — Отдел географии почв, Институт географии РАН, г. Москва, 119017, Россия; В. А. Лапшин и Н. В. Григорьева — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; В. В. Скрипкин — Отдел ядерной геохимии и космохимии, Институт геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев, 03680, Украина.

На Земляном городище под культурным слоем мощностью до 4–5 м обнаружены две погребенные почвы, верхняя основная и лежащая ниже, с менее развитым профилем. Почвы разделяются отложениями Ладожской трансгрессии, которые представлены сапропелем. Нижняя почва, залегающая под сапропелем, обнаружена на всей площади раскопов 3, 4 и 5. Местами она сформирована на водно-ледниковых песчаных отложениях и имеет признаки оподзоливания (раскоп 3), местами — на отложениях карбонатной морены, и поэтому ее гумусовый горизонт развит здесь сильнее (раскоп 5).

Сапропелевые отложения ладожской трансгрессии глинистые, характеризуются высоким содержанием фосфора (до 1,4 % P_2O_5), в верхней части они существенно обогащены гумусом (до 5–7 %). Это и влияние вышележащего культурного слоя, в котором содержание указанных субстанций еще выше, привели к тому, что сформированная на сапропелях основная, верхняя погребенная почва обогащена фосфором (до 1,5 % P_2O_5), темноокрашенная, сильно гумусированная (15–20 %). По этим показателям палеопочва резко отличается от доминирующих в почвенном покрове лесных подзолистых почв. Несомненно, она обладала высоким плодородием, и в большинстве случаев в ее верхней части прослеживается пахотный горизонт мощностью от 12 до 15 см, признаком которого является гомогенность и ровная нижняя граница с резким переходом к подпахотному горизонту — плужная подошва (Александровский и др. 2010). В раскопе 5 (2013 г.) на горизонтальной зачистке по нижней границе пахотного горизонта обнаружены борозды пахотного орудия. Наличие борозд представляет собой важный аргумент, более определенно подтверждающий существование распашки, нежели признаки пахотного горизонта в стенках раскопов. Следует отметить, что выявление борозд здесь было сложной задачей, так как в Старой Ладоге на всей площади раскопов цветовой контраст между пахотным горизонтом и подстилающим слоем темных озерных глин слабый, и в данном случае обнаружению борозд способствовала несколько более светлая окраска подстилающего слоя.

По уголькам из пахотного горизонта получены даты, основная часть которых помещается в интервале 1415 ± 90 — 1480 ± 140 л. н. (Ki-17316, Ki-18445) (Александровский 2012). По гумусу пахотного горизонта получена дата 1600 ± 80 л. н. (Ki-16931), более древняя, что связано с участием гумуса доантропогенной стадии развития почвы.

Полученные ^{14}C даты показывают, что освоение территории на месте Земляного городища Старой Ладогы началось в VI в. н. э. Застройка на северном участке городища рядом с крепостью возникла в середине VIII в. (Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988). На удаленной от крепости части городища, по материалам из раскопа 3, даты на 100 лет моложе: по данным А. Н. Кирпичникова, наиболее древние дендродаты приходятся здесь на 857–862 гг. (Кирпичников 2006).

До начала освоения почва долго развивалась в естественных условиях. Начало ее образования относится ко времени после прорыва Невы (около 3000 л. н.), в результате которого уровень озера резко понизился и произошло врезание Волхова и осушение днища долины реки. После этого поверхность образовавшейся низкой террасы, сложенной сапропелями и глинами, долгое время оставалась стабильной. Почва развивалась на ней более 1500 лет в основном под естественной растительностью, но на последнем этапе развития она испытала воздействие распашки и около 1200 лет назад была погребена под культурным слоем.

Отметки поверхности Земляного городища составляют в основном 14–16 м над уровнем Балтики, современный урез Волхова — около 6 м. Мощность культурного слоя в раскопах 3–5 составляет около 4 м, высота исходной поверхности террасы (подшвы культурного слоя) составляет 11–11,5 м БС, превышение этого уровня над урезом Волхова — 5–5,5 м. Таким образом, высота террасы за счет накопления культурного слоя выросла с 5–5,5 м до 9 м, что полностью исключило возможность затопления города в паводки. Подтверждение этому — отсутствие следов накопления аллювия на озерных осадках и под культурным слоем.

По данным палинологического исследования (палинолог Е. С. Малясова), во всех палинокомплексах погребенной почвы пыльцы древесных пород во много раз больше, чем пыльцы травянистых растений, стабильно высок процент спор, в первую очередь папоротников и мхов. Для нижней почвы (почва 2) и отложений последовавшей Ладожской трансгрессии реконструируются хвойные леса с участием широколиственных пород. В прибрежных условиях, в частности, в пойме, доминировала сосна. Среди хвойных сначала доминировала сосна, а затем — ель. Во время Ладожской трансгрессии возросла роль березы. Гумусовый горизонт нижней почвы содержит пыльцу рудеральных трав (маревые), что может указывать на частичное нарушение естественных условий в результате деятельности человека (Александровский и др. 2010). В пахотном горизонте пыльцевой спектр нарушен, пыльца трав представлена единичными зернами растений, в основном характерных для нарушенных условий местообитания (маревые, астровые, полынь).

В левобережье р. Ладожки, в раскопе на Варяжской улице стратиграфия отложений во многом сходна с таковой на Земляном городище. Под культурным слоем, который здесь оказался не таким мощным (100–130 см), располагается почва с пахотным горизонтом, под нею — отложения Ладожской трансгрессии (сапропель), нижняя погребенная почва и водно-ледниковые отложения. Почва под культурным слоем имеет такой же темный, сильно гумусированный профиль, как и в правобережье р. Ладожки.

Отложения Ладожской трансгрессии в разрезах на Варяжской улице (раскопки 2014–2015 гг.) значительно мощнее. Так, толщина светлого (белесо-серого) сапропеля составляет здесь 60–80 см, тогда как на Земляном городище — 10–18 см. Мощность вышележащего гумусированного сапропеля — 23–27 см, что сходно с Земляным городищем. Верхняя часть темного сапропеля переработана почвообразованием и превратилась в гумусовый горизонт почвы и затем вошла в состав пахотного горизонта. В раскопе 2015 г. под сапропелем в нижней погребенной почве были открыты остатки культурного слоя неолита (Мурашкин 2018). По остаткам карбонизированного дерева, найденного в одной из ям, были получены даты: 4670 ± 90 — 5100 ± 70 л. н. (Le-11283, Le-11284, Le-11285). Сходная дата получена по тому же материалу из нижней почвы: 4560 ± 70 л. н. (Ki-19100). Повышенная мощность серовато-белесого сапропеля, а также залегающие под ним находки неолита были отмечены в крепости у Стрелочной башни во время раскопок Н. К. Стеценко (Тимофеев, Стеценко 1997). Расположение неолитических стоянок в приустьевой части реки объясняется занятием людей того времени рыболовством. Для таких мест также характерна повышенная мощность сапропеля, так как уровень поверхности террасы здесь несколько опускается.

Для нижней погребенной почвы характерно повышенное содержание фосфора. Это обусловлено влиянием культурного слоя и, в частности, наличием большого

количества фрагментов кости, основу которой составляет фосфат кальция. Накапливается в ней и медь. В сапропеле содержание фосфора снижается, а затем снова возрастает в верхней погребенной почве и поднимается еще выше в культурном слое. Для сапропеля характерны повышенные содержания калия, железа и алюминия. Много в нем цинка, меди. Вместе с тем перечисленные элементы (цинк, медь), а также сера накапливаются в культурном слое в еще больших количествах.

Историю формирования изученных отложений и почв можно представить следующим образом. В течение длительного времени, с финала плейстоцена до начала суббореального периода голоцена, формируются слоистые песчано-суглинистые отложения, занимающие нижнюю часть разреза. Они представляют собой аллювий и прослой перемытой морены (валунного суглинка). В целом эту толщу отложений можно связать с формированием долины р. Волхов и колебаниями уровня Ладожского озера в первой половине голоцена (Долуханов и др. 2006; 2008).

В конце атлантического периода в днище долины Волхова поселяется лесная растительность и формируется нижняя погребенная почва. Длительность ее формирования невелика, так как вскоре начинается Ладожская трансгрессия. Данная почва по времени формирования — 4560 ± 70 л. н. (Ki-19100) несколько моложе, чем аналогичная по стратиграфии почва, залегающая под валом Ладожской трансгрессии в северо-восточной части озера, в районе р. Уукса: там по углям с поверхности погребенного подзола получена дата 5350 ± 90 л. н. (Александровский, Александровская 2005: 61). Это может указывать на различный возраст максимума Ладожской трансгрессии в северной и южной частях озера.

Вследствие врезания Волхова в озерные отложения образовалась низкая надпойменная терраса, на поверхности которой началось формирование почвы. Она содержит пыльцу лесной растительности, но по морфологии и аналитическим данным отличается от типичных лесных подзолистых почв региона и может быть отнесена к темно-гумусовым. С почвой связаны вертикальные трещины усыхания (или мерзлотные), заполненные материалом темно-гумусового горизонта и разбивающие сапропелевые отложения на небольшие полигоны.

В раскопе 4 (2010 г.) были обнаружены новые факты, свидетельствующие о сложной истории развития почвы в результате деятельности человека в данном месте до начала накопления культурного слоя. Выявлены участки с повышенной мощностью пахотного горизонта, что указывает на длительность распашки. С ними соседствуют участки со спеханным профилем почвы, откуда материал поступал на участки с нарощим профилем. На одном из участков в стенке раскопа по нижней границе пахотного горизонта видны углубления характерной формы (тычки лопаты), позволяющие предполагать существование здесь огорода по пашне. Также здесь и в раскопе 5 обнаружены ранние постройки в виде ям, заполненных темным культурным слоем, которые существовали на данном участке городища в VII или VIII вв., до появления здесь плотной городской застройки. Яма в раскопе 4 прорезала первый пахотный горизонт (VI в.). Ее перекрывает пахотный горизонт следующей стадии распашки.

Затем в VIII в. рядом с крепостью и в IX в. — на удаленной от крепости части Земляного городища начинается накопление типичного городского культурного слоя, характерного для городов лесной зоны, а именно влажного органического слоя, по нашей классификации — городских урбоседиментов: торфообразного,

представленного преимущественно остатками слаборазложившегося органического вещества (Александровский и др. 2015).

На основании всей полученной суммы данных история формирования стратиграфии догородской толщи представляется следующей:

- накопление ледниковых отложений, более 12 000 cal BP;
- формирование долины Волхова, накопление слоистого аллювия с прослоями перекрытой морены, 12 000–6000 cal BP;
- образование нижней почвы, проходившее до начала Ладожской трансгрессии, около 5500 cal BP;
- накопление озерных глин (Ладожская трансгрессия), 5000–3200 cal BP, их верхний слой обогащен гумусом и фосфором, на месте долины Волхова тогда существовал залив;
- прорыв Невы 3200 cal BP, снижение уровня озера, осушение террасы и начало образования основной верхней почвы;
- развитие почвы на озерных глинах, 3200–1200 cal BP;
- на последнем этапе развития почвы, 1400–1200 л. н., верхняя ее часть была вовлечена в распашку (дата 1600 ± 80 л. по гумусу из пахотного горизонта не показывает ни времени распашки, ни времени ее погребения, а только mgt — среднее время пребывания углерода в почве);
- чередование стадий распашки и заселения на Земляном городище, на участке, удаленном от крепости (VI–IX вв.);
- погребение почвы под городским культурным слоем 1200 л. н.;
- подъем уровня грунтовых вод и появление в погребенной почве признаков оглеения (1200–0 л. н.).

Следы распашки погребенной почвы позволяют поставить вопрос об освоении человеком террасы р. Волхов не только в эпоху неолита, но и в третьей четверти I тыс. н. э., ранее возникновения раннесредневекового поселения в середине VIII в.

Литература

Александровский 2012 — Александровский А. Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Кирпичников А. Н. (отв. ред.), Белецкий С. В., Лапшин В. А. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 3. С. 58–61.

Александровский, Александровская 2005 — Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.

Александровский и др. 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С. Исследования почв и отложений под культурным слоем земляного городища Старой Ладogi // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 43–61.

Александровский и др. 2015 — Александровский А. Л., Александровская Е. И., Долгих А. В., Замотаев И. В., Курбатова А. Н. Почвы и культурные слои древних городов юга Европейской России // Почвоведение. 2015. № 11. С. 121–131.

Долуханов и др. 2006 — Долуханов П. М., Болтримович С. Ф., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Тимофеев В. И. К палеогеографии и геохронологии поселений каменного века — эпохи раннего металла Балтийско-Ладожского региона // Черных И. Н. (ред.). ТАС. 2006. Вып. 6, т. 1. С. 144–147.

Долуханов и др. 2008 — Долуханов П. М., Субетто Д. А., Арсланов Х. А., Александровский А. Л. Эволюция водных систем и земледельческая колонизация Северо-Западной России // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 351–353.

Кирпичников 1985 — Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Кирпичников А. Н. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 3–26.

Кирпичников 2006 — Кирпичников А. Н. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Кирпичников А. Н. (ред.). Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет, 2006. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 222–262.

Лапшин 2018 — Лапшин В. А. Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладогe (2014–2015 гг.) // Платонова Н. И. (ред.). Новое в археологии Ладоги. СПб.: ИИМК РАН (в печати).

Мурашкин 2018 — Мурашкин А. И. Инвентарь неолитического слоя в раскопе на Варяжской улице // Платонова Н. И. (ред.). Новое в археологии Ладоги. СПб.: ИИМК РАН (в печати).

Петренко 1985 — Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Кирпичников А. Н. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.

Рябинин 1985 — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладогe (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Там же. С. 27–75.

Рябинин, Черных 1988 — Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Тимофеев, Стеценко 1997 — Тимофеев В. И., Стеценко Н. К. Староладожская неолитическая стоянка // Кирпичников А. Н. (ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1997. Т. 2. С. 331–334.

Черных 1985 — Черных Н. Б. Дендрохронология Ладоги (Раскоп в районе Варяжской улицы) // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 117–122.

SOIL FORMATION AT STARAYA LADOGA IN THE NEOLITHIC AND EARLY MEDIEVAL TIME

A. L. ALEKSANDROVSKY, V. A. LAPSHIN, N. V. GRIGORIEVA,
E. I. ALEKSANDROVSKAYA, V. V. SKRIPKIN

Keywords: *Staraya Ladoga, Neolithic, Early Medieval Period, paleosoils.*

The paper tracks the history of formation of buried soils at Staraya Ladoga from the Neolithic through the appearance of the Ladoga settlement in the middle of the VIII c. AD. The traces of ploughing recorded in buried soils indicate that the terrace of the Volkhov river might have been developed not only during the Neolithic, but also in the third quarter of the I millennium AD, prior to the emergence of the Early Medieval settlement.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЛОМБЫ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ¹

С. В. БЕЛЕЦКИЙ²

Ключевые слова: *пломбы, княжеские знаки, Ладога, Древняя Русь.*

В статье публикуются 52 пломбы и 11 заготовок для пломб домонгольского времени, найденные во время раскопок и при случайных обстоятельствах на территории с. Старая Ладога (Волховский р-н, Ленинградская обл.). Массовые находки пломб разряда II/2 свидетельствуют о широком распространении в Ладоге меховых денег — шкурок, утвержденных великокняжеской пломбой. Наиболее ранними являются пломбы с изображением двузубца Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха. Среди княжеских знаков на публикуемых пломбах решительно преобладает группа близкородственных знаков, принадлежавших смоленским князьям второй половины XII — первой четверти XIII в. Найденны также пломбы с изображениями знаков, принадлежавших князьям других ветвей потомков Владимира Святого.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-105-132

На территории с. Старая Ладога в разные годы найдено не менее 52 древнерусских свинцовых пломб и 11 заготовок для пломб. Большинство из них было в разные годы опубликовано (Белецкий, Петренко 1994; Белецкий 1997; Кирпичников, Белецкий 1997; 2006; 2008; 2009; 2014; Белецкий, Мусин 1998). Сводная публикация находок не предпринималась³.

КАТАЛОГ

Разряд II/2. Крест — святой

№ 1 (рис. 1, 1). *Av:* изображение шестиконечного процветшего креста. *Rv:* изображение головы святого.

Д.: 7–9 мм. *В.:* 0,96 г. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.:* частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.:* Белецкий, Петренко 1994: 230, рис. 53.

Пломба чрезвычайно близка пломбе из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, 25), однако оттиснута иной парой матриц.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Описания ладожских пломб сведены в каталог. Используются следующие сокращения: *Av:* аверс; *Rv:* реверс; *Д.:* размеры; *В.:* вес. *М. н.:* место находки; *гл.:* — глубина; *Хр.:* место хранения; *Инв. №:* музейный инвентарный номер или полевой шифр. *Изд.:* издание (с воспроизведением предмета); *Уп.:* упоминание (без воспроизведения предмета).

№ 2 (рис. 1, 2). *Av*: изображение четырехконечного креста с расширяющимися концами, в средокрестии — точки. *Rv*: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе св. Федора).

Д.: 10–14 мм. *В.*: 1,64 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 230–231, рис. 54.

Пломба оттиснута теми же матрицами, что и пломбы из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, 11; LIV, 14).

№ 3 (рис. 1, 3). *Av*: изображение шестиконечного креста, концы оформлены трехточечными завершениями. Следы точечного ободка. *Rv*: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе св. Федора). В левой части поля буллы прослежены остатки линейного нимба, в правой — слабые следы точечного нимба.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 3,28 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 1993 г. *Хр.*: ИИМК РАН. *Инв. №*: 55-303/В-306. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 55; Кирпичников, Белецкий 1994: 132, рис. 1, I.

Пломбы, оттиснутые этими же матрицами, происходят из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, 17; Янин 1956: № 55, рис. V, 40), Белоозера (Захаров 2005: 34, 35, рис. 3, 21) и из Ратминского поселения на Верхней Волге (Петров, Пантелеева 2014: 8–9, рис. 3, 5, 8). Судя по находке пломбы от этой пары матриц в слое 19-го яруса Неревского раскопа в Новгороде (Янин 1956: 162, табл. 2), сфрагистический тип может быть отнесен ко времени не позднее 30-х гг. XII в.

№ 4 (рис. 1, 4). *Av*: изображение шестиконечного (?) процветшего креста, в средокрестии (при пересечении мачты верхней перекладиной) — точки, справа — буквы СХ под титлом. Ободок точечный. *Rv*: изображение кудрявого святого, нимб точечный.

Д.: 12–13 мм. *В.*: 1,63 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 56.

Пломба от этих матриц найдена на Ратминском поселении (Петров, Пантелеева 2014: 8, 9, рис. 3, 4). Возможно, пломба, оттиснутая теми же (или чрезвычайно близкими) матрицами, происходит из Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, 13).

№ 5 (рис. 1, 5). *Av*: изображение процветшего четырехконечного креста, по сторонам от него над перекладиной — остатки надписи (I) ХС. *Rv*: изображение длинноволосого святого, с длинной острой бородой, над правым плечом — крест (в типе св. Иоанна Предтечи). Нимб линейный. Ободок из крупных точек.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 3,18 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 57.

№ 6 (рис. 1, 6). *Av*: изображение шестиконечного процветшего креста. *Rv*: изображение головы кудрявого святого. Нимб линейный.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 1,46 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 58.

Пломба оттиснута теми же матрицами, что и пломба из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, 25). Она чрезвычайно близка пломбе № 1, возможно, матрицы изготовлены одним мастером.

№ 7 (рис. 1, 7). *Av*: изображение четырехконечного процветшего креста. *Rv*: погрудное изображение святого в княжеской шапке, у щек — подвески (?).

Рис. 1. Старая Ладога, свинцовые пломбы. Номера на рис. 1–5 соответствуют номерам Каталога

Fig. 1. Staraya Ladoga, lead seals. Numbers on Figs. 1–7 correspond to those in the Catalogue

Д.: 11–12 мм. В.: 2,31 г. М. н.: Старая Ладога. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 59. Пломба оттиснута на толстой заготовке, изображения сильно стерты.

№ 8 (рис. 1, 8). Ав: изображение четырехконечного креста, под ним — фигура полумесяца (вариант процветшего креста, при котором мачта не соединяется с основанием). Рv: погрудное изображение кудрявого безбородого святого в точечном нимбе, над правым плечом — плохо читаемое копье или жезл.

Д.: 9–14 мм. *В.*: 1,66 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 60.

№ 9 (рис. 1, 9). *Ав.*: изображение шестиконечного креста, в средокрестиях — точки. *Рв.*: схематичное изображение головы святого.

Д.: 12–13 мм. *В.*: 1,38 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 61.

№ 10 (рис. 1, 10). *Ав.*: изображение четырехконечного креста, концы имеют точечные завершения. Следы точечного ободка. *Рв.*: погрудное изображение св. Георгия. Нимб линейный. Справа — фрагмент колончатой надписи ГЕО(РГ).

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,26 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 232, рис. 62.

№ 11 (рис. 1, 11). *Ав.*: изображение четырехконечного процветшего (?) креста с расширяющимися концами. Ободок линейный. *Рв.*: схематичное изображение головы святого. Нимб линейный.

Д.: 7–11 мм. *В.*: 1,19 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: КП-94129/А-17721. *Изд.*: Белецкий 1997: 16, рис. 3.

№ 12 (рис. 1, 12). *Ав.*: изображение шестиконечного (?) креста, в средокрестии — точки. *Рв.*: голова кудрявого святого с короткой бородой. Нимб и ободок точечные.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2,21 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: КП-85246/А-17055. *Изд.*: Белецкий 1997: 16, рис. 4.

№ 13 (рис. 1, 13). *Ав.*: четырехконечный крест на Голгофе. *Рв.*: погрудное изображение святого.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2,21 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 1986 г., гл.: –295. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: КП-95554/А-1/211. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 1997: 73, рис. 2. *Уп.*: Белецкий 1997: 17.

В первой публикации пломбы крест на аверсе был истолкован как изображение Этимасии (Кирпичников, Белецкий 1997: 73–76; см. также: Белецкий 1997: 17). Однако вывод был поспешным: схематичность оформления аверса не позволяет уверенно истолковывать изображение в качестве Престола Уготованного. Осторожнее признать изображение на аверсе пломбы четырехконечным крестом на Голгофе.

№ 14 (рис. 1, 14). *Ав.*: четырехконечный крест, обозначенный точками, с трехточечными завершениями концов (?). Ободок точечный. *Рв.*: святой с большой окладистой бородой погрудно. Нимб и ободок точечные.

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,31 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. К-ХІХ; гл.: +30. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: САЭ-2007/975. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 228; 2009: 36.

Б. Д. Ершевский был убежден в том, что пломбы разряда II/2 по происхождению являются новгородскими, вне зависимости от того, где они обнаружены (Ершевский 1982: 173–177). Действительно, в черте Новгорода на начало 1980-х гг. было обнаружено более 100 пломб данного разряда. Однако представляется, что вывод о новгородском происхождении рассматриваемых памятников все-таки преждевременный. По чисто сфрагистическим признакам пломбы разряда II/2 соответствуют печатям того же разряда, которые Н. П. Лихачёв связывал с деятельностью князей (Лихачёв 1928: 51, 52). Адресуя пломбам с изображениями креста и святого ту же

принципиальную атрибуцию, что и аналогично оформленным печатям, мы вправе полагать, что пломбы, как и печати, являются сфрагистическими регалиями общерусскими, а отнюдь не локально новгородскими. Именно на это указывает факт распространения оттисков от одной и той же пары матриц в городах, находящихся на значительном удалении друг от друга. И, следовательно, памятники, обнаруженные в этих городах, совершенно не обязательно связаны своим происхождением именно с теми местами, где они были найдены.

Отметим одну важную особенность рассматриваемого разряда пломб, принципиально отличающую их от аналогично оформленных печатей. Если печати с изображением креста и святого известны в единичных экземплярах (в Корпусе учтено немногим более 40 булл от 29 пар матриц, см.: Янин 1970, т. 1: № 324–341; Янин, Гайдуков 1998: 155–157), то пломб рассматриваемого разряда зафиксировано в настоящее время не менее чем 150 экз. Количество пар матриц установить пока не представляется возможным. Но если печати в лучшем случае представлены двумя-тремя оттисками от одной пары матриц, то пломбы в ряде случаев уверенно фиксируются серийными оттисками. Это обстоятельство может, на наш взгляд, оказаться существенным при определении функций рассматриваемых памятников. Повторяемость пломб, принадлежащих одним и тем же матрицам, в удаленных друг от друга центрах наводит на мысль о том, что пломбы данного разряда скрепляли нечто, имевшее в пределах Руси широкое хождение.

В связи с этим обратим внимание на известное свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати об опечатывании связок « меховых денег » кусочками черного свинца, припечатанными печатью, « на которой имеется изображение царя » (Путешествие... 1971: 35, 36). А. Л. Монгайт в свое время уже высказывал мысль о том, что пломбы в домонгольской Руси использовали при эмиссионной деятельности великокняжеского правительства (Там же: 114–116). Такую возможность не исключал и В. Л. Янин (Янин 1970, т. 1: 11), а Б. Д. Ершевский даже пытался конкретизировать идею А. Л. Монгайта, связав с эмиссионной деятельностью пломбы, несущие изображения святых на обеих сторонах (Ершевский 1989: 71, 72). Последнее отождествление сомнительно: пломбы с изображением святых на обеих сторонах слишком редки, чтобы считать их материализацией денежного обращения.

Зато пломбы разряда II/2 по своим сфрагистическим признакам соответствуют тем требованиям, которые могли быть предъявлены к « печатям », придававшим ничего не стоящим кусочкам кожи функции денежных знаков — массовость находок, повторяемость оттисков и их обнаружение на значительном удалении друг от друга в пределах территории государства.

Однако из текста ал-Гарнати вовсе не следует, что зафиксированная им операция опечатывания связок « испорченных » и « рваных » меховых денег является эмиссионной деятельностью: речь идет об обмене изношенных « ассигнаций » на новые и о « подиргемном » (по 18 шкурков в связке) опечатывании связок изношенных « ассигнаций » перед их официальным выведением из обращения, то есть — об операции, соответствующей банковскому обмену негодных денежных знаков. Именно за проведение обмена изношенных ассигнаций на новые чиновники на « известном рынке » взимали плату — 1 шкурка из каждых 18 (около 5,6 %), что соответствует обычному банковскому проценту (Белецкий, Посвятенко 1994).

Разряд II/6. Крест — крест

№ 15 (рис. 2, 15-1-2). *Ав:* изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. В средокрестии — сияние. Ободок линейный. *Рв:* изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный.

1) *Д.:* 10–13 мм. *В.:* 1,27 г. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.:* частная коллекция в Санкт-Петербурге (рис. 2, 15-1). *Изд.:* Белецкий, Петренко 1994: 234, рис. 63.

2) *Д.:* 11–12 мм. *В.:* 1,33 г. *М. н.:* Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, из отвала. *Хр.:* СЛМ. *Инв. №:* САЭ-2007/72 (рис. 2, 15-2). *Изд.:* Кирпичников, Белецкий 2008: 229; 2009: 37.

Пломбы оттиснуты той же парой матриц, что и пломба из Новгорода (ЛСА: табл. XXII, 8).

№ 16 (рис. 2, 16). *Ав:* изображение шестиконечного процветшего (?) креста. *Рв:* изображение шестиконечного (процветшего?) креста.

Д.: 11–12 мм. *В.:* 1,96 г. *М. н.:* Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.:* ИИМК. *Инв. №:* САЭ-2011/117. *Изд.:* Кирпичников, Белецкий 2014: 308.

Пломбы разряда II/6 не принадлежат к числу широко распространенных. По данным Б. Д. Ершевского, в сфрагистическом собрании Новгорода таких памятников зафиксировано (на 1987 г.) всего 35, причем все они происходят из комплекса сфрагистических находок на Городище (Ершевский 1987: 52). За пределами Новгорода подобные пломбы крайне редки: одна подобная пломба происходит с Ратминского поселения (Петров, Пантелеева 2014: 11–12, рис. 5, 17), а еще две отмечены на Белоозере (Захаров 2005: 42, 53, 54, рис. 9, 97, 98).

Размещение на лицевой и оборотной сторонах двух равнозначных символов, безусловно, имело особое значение, но смысл его остается пока неясным. Отметим только, что матрицы публикуемой пломбы почти наверняка резались разными мастерами — различаются не только типы крестов, но и типы ободков. Не исключено, что для пломб разряда II/6 использовали матрицы аверсов пломб от других разрядов. В таком случае феномен сфрагистического разряда II/6, возможно, следует объяснять деятельностью смесного органа власти, использовавшего в делопроизводстве составной буллотирый, объединяющий аверсы от сфрагистических регалий двух различных институтов государственного управления. Решить этот вопрос можно только после проведения поматричного анализа новгородского собрания пломб.

Разряд II/7. Крест — эмблема

№ 17 (рис. 2, 17). *Ав:* восьмиконечный крест. *Рв:* двузубец.

Д.: 8–13 мм. *В.:* не взвеш. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.:* не установлено. *Изд.:* Белецкий, Петренко 1994: 235, рис. 64.

№ 18 (рис. 2, 18). *Ав:* четырехконечный крест, в средокрестии — точки. *Рв:* двузубец.

Д.: 9–11 мм. *В.* не взвеш. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.:* не установлено. *Изд.:* Белецкий, Петренко 1994: 235, рис. 65.

№ 19 (рис. 2, 19). *Ав:* изображение четырехконечного (?) креста. *Рв:* двузубец.

Д.: 9–11 мм. *В.:* 1,49 г. *М. н.:* Старая Ладога, раскопки 2011 г., раскоп V, кв. Т-XVI, гл.: +106. *Хр.:* ИИМК. *Инв. №:* САЭ-2011/23. *Изд.:* Кирпичников, Белецкий 2014: 307.

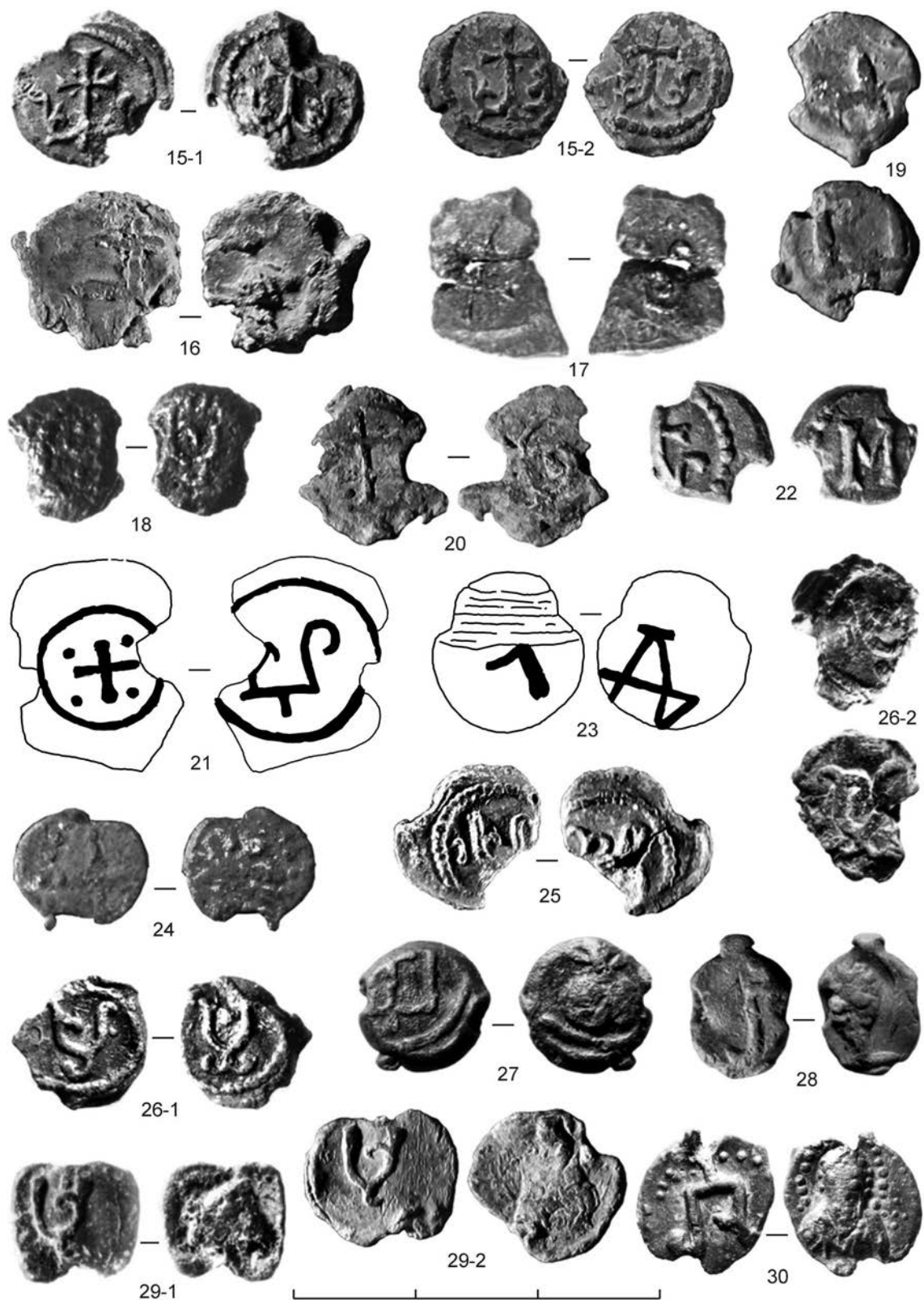

Рис. 2. Старая Ладога, свинцовые пломбы

Fig. 2. Staraya Ladoga, lead seals

№ 20 (рис. 2, 20). *Av*: изображение шестиконечного креста. *Rv*: двузубец.
Д.: 9–13 мм. *В.*: 1,40 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК,
Инв. №: САЭ-2011/52. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 308.

№ 21 (рис. 2, 21). *Av*: четырехконечный крест в линейном ободке, концы креста имеют слабо выраженные жемчужные расширения, в средокрестии — точки. *Rv*: двузубец.

Д.: 12–17 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей СПбДА. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 1.

Пломбы разряда II/7 вместе с другими разрядами пломб, несущих изображения древнерусских княжеских знаков, атрибуируются чиновникам княжеского аппарата домонгольской Руси (Белецкий 1992). Сочетание княжеского герба с изображением креста можно расценивать как свидетельство высокого ранга, усвоенного держателю буллотирия, располагавшему всей широтой полномочий, которыми обладал владделец знака. Иными словами, чиновник выступал от имени владельца знака и представлял его интересы, оставаясь в то же время анонимным. Подобного рода функции могли принадлежать главе княжеской администрации, исполнявшему при князе-суверене функции канцлера.

Разряд II/8. Крест — буква

№ 22 (рис. 2, 22). *Av*: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный. *Rv*: буква М. Фрагмент точечного ободка.

Д.: 9–10 мм. *В.*: 0,92 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 237, рис. 66.

№ 23 (рис. 2, 23). *Av*: четырехконечный крест (?), большая часть которой утрачена при разрушении поверхности пломбы. *Rv*: буква Д.

Д.: 13–14 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей СПбДА. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 4.

По наблюдениям Б. Д. Ершевского, пломбы с буквой М в коллекции дрогичинских пломб немногочисленны (Ершевский 1985: табл. II, 74, 79–81). В сочетании с изображениями креста буква М, кажется, не фиксировалась. Впрочем, и другие буквы встречаются в сочетаниях с крестом крайне редко (Там же: табл. II, 5, 39, 70, 85).

Пломбы с буквами кириллического алфавита, широко представленные в материалах из Дрогичина, но известные также и на других памятниках домонгольского времени, принадлежат к числу сфрагистических памятников, не получивших в литературе удовлетворительной атрибуции. Сказанное относится не только к пломбам разряда II/8, но и к другим пломбам, несущим на одной или обеих сторонах буквы и буквообразные знаки — разряды IV/4 (эмблема — буква), VI/3 (святой — буква), XI/1 (буква — личина), XI/2 (буква — буква), XI/3 (буква — легенда). Заметим, что пломбы с буквами представляют собой общерусское явление в сфрагистике. Гипотеза о таможенном характере пломб с буквенными знаками, несущими цифровое достоинство, связанное с единицами товара или тарифами таможенной пошлины (Ершевский 1985: 57), сколько-нибудь удовлетворительной аргументации пока не получила.

Разряд II/11. Крест — розетка

№ 24 (рис. 2, 24). *Av*: изображение четырехконечного креста с точечными завершениями концов. *Fr*: фрагмент точечного ободка. *Rv*: изображение восьмилучевой розетки.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,11 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. Л-ХІХ, гл.: +56. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/1611. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 290–291; 2009: 37.

В актовой сфрагистике изображение розетки — это наименее представительный символ: все известные в настоящее время печати с розетками принадлежали одному и тому же владельцу — князю Изяславу Ярославичу (†1078). Но считать розетку чисто орнаментальным элементом не приходится, поскольку символ на печати в принципе не мог быть случайным. Велик соблазн предположить, что розетка, расцениваемая исследователями в качестве солярного символа (Гордиенко 1989: 235–239), в дохристианский период истории Руси обозначала суверенный характер властных полномочий владельца печати. В таком случае изображение розетки на печатях следует признать синонимичным изображению Христа и стадильно предшествующим ему.

В отличие от печатей, на пломбах изображение розетки встречается достаточно часто. Так, на пломбах из Дрогичина отмечены шести- и восьмилучевые розетки (Болсуновский 1894: табл. XIV, 629, XIX, 899, XVIII, 830), в Курске найдена пломба с изображением вписанной в круг трехлучевой (?) розетки (Белецкий и др. 2017а: 351, рис. 3, 21). На пломбах из Дрогичина зафиксированы также шестилучевые розетки без центральной точки, но с точками на концах лучей, они напоминают кириллическую букву Ж (Болсуновский 1894: табл. II, 46, IV, 146, V, 209, XIII, 592–600, XIX, 915, XXI, 967). Розетка отмечена на пломбе из Киева (ЛСА: табл. XXXI, 15), а оттиск той же пары матриц опубликован В. А. Анохиным (Белецкий 2018: рис. 10, 117). Не исключено, что смысловое значение изображения розетки на пломбах соответствует смысловому значению этого изображения на печатях, однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Разряд IV/1. Эмблема — эмблема

№ 25 (рис. 2, 25). *Av*: двузубец. *Rv*: двузубец. Ободки из частых, слившихся между собой точек.

Д.: 9–13 мм. *В.*: 1,23 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК. *Инв. №*: САЭ-2011/58. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 309.

№ 26 (рис. 2, 26-1–2). *Av*: двузубец. Ободок точечный. *Rv*: двузубец. Ободок точечный.

1) *Д.*: 10–11 мм. *В.*: 1,39 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге (рис. 2, 26-1). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 237–238, рис. 67.

2) *Д.*: 7–12 мм. *В.*: 1,01 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге (рис. 2, 26-2). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 238, рис. 68.

Пломбы № 26 чрезвычайно близки пломбе № 25, однако они оттиснуты все-таки разными парами матриц. Ранее было высказано предположение, что пломбы № 26-1 и № 26-2 оттиснуты разными, хотя и очень близкими друг другу парами матриц (Белецкий, Петренко 1994: 238).

Пломбы разряда IV/1 сравнительно немногочисленны: в Новгороде их учтено немногим более двух десятков (Ершевский 1985: табл. III, 1-4а, 31, 35, 61, 62; Лихачёв 1930: рис. 191). Наличие пломб, оформленных изображениями княжеских знаков на обеих сторонах, предполагает существование чиновников, обладавших полномочиями, предоставленными им двумя князьями одновременно. Наиболее реальными претендентами на пользование такими пломбами являются высшие должностные лица в канцеляриях, существовавших при князьях-соправителях (Белецкий 1992: 7).

Разряд IV/2. Эмблема — святой

№ 27 (рис. 2, 27). *Av*: трезубец. Ободок линейный. *Rv*: погрудное изображение святого (святителя?) с длинной бородой, голова и нимб в основном не вошли в площадь заготовок. Ободок линейный.

Д.: 11 мм. *В.*: 2,08 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 239–240, рис. 69.

№ 28 (рис. 2, 28). *Av*: двузубец. *Rv*: изображение головы святого.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,08 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 70.

Ранее было высказано предположение, что ножка двузубца на аверсе раздвоенная (Белецкий, Петренко 1994: 240).

№ 29 (рис. 2, 29-1–2). *Av*: двузубец. *Rv*: погрудное изображение святителя с длинной бородой (в типе св. Григория?) и с кодексом в левой руке.

1) *Д.*: 9–10 мм. *В.*: 1,11 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге (рис. 2, 29-1). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 71.

2) *Д.*: 9–12 мм. *В.*: 1,19 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., раскоп V, кв. С-XVI, гл.: +39. *Хр.*: ИИМК, *Инв. №*: САЭ-2011/605 (рис. 2, 29-2). *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 311.

№ 30 (рис. 2, 30). *Av*: двузубец. Ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение святителя (?). Ободок точечный.

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,12 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 72.

Ранее было высказано предположение, что у двузубца на аверсе оба зубца отогнуты наружу (Белецкий, Петренко 1994: 240).

№ 31 (рис. 3, 31). *Av*: двузубец. *Rv*: изображение головы кудрявого (?) бородатого святого в линейном нимбе.

Д.: 10–12 мм. *В.*: 1,03 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 73.

№ 32 (рис. 3, 32). *Av*: знак в виде треугольника, увенчанного крестом. *Rv*: погрудное (?) изображение кудрявого безбородого святого. Фрагмент точечного ободка.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 2,27 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, отвал. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/1068. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 291; 2009: 37.

Пломбы, оттиснутые, вероятно, этими же матрицами, происходят из Новгорода (ЛСА: табл. VIII, 8, 12). Еще одна пломба, оттиснутая такими же матрицами, найдена на Ратминском поселении; авторы публикации интерпретировали фрагментарно сохранившийся знак на аверсе как четырехконечный процветший крест (Петров, Пантелеева 2014: 8, 9, рис. 3, 3).

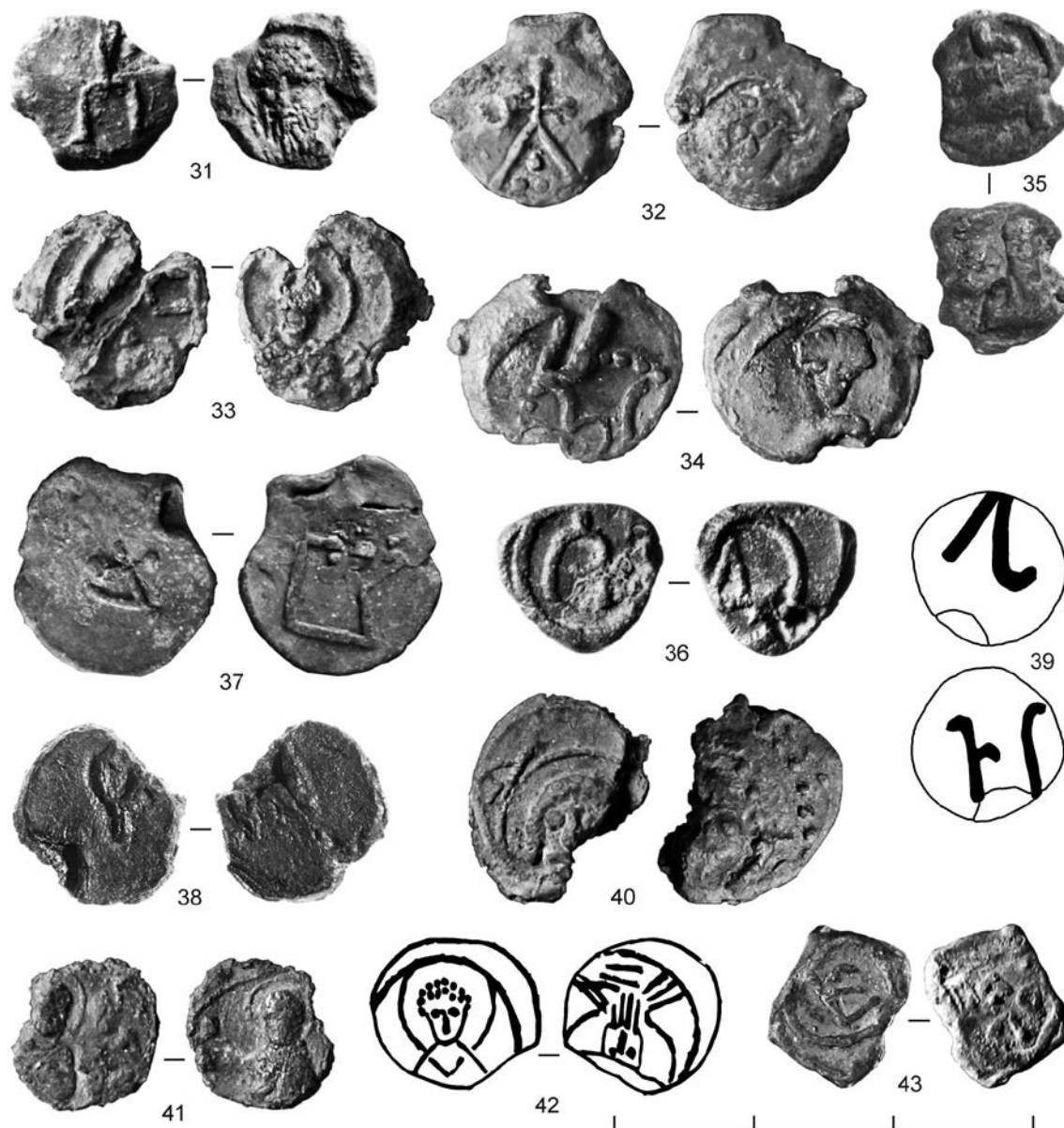

Рис. 3. Старая Ладога, свинцовые пломбы

Fig. 3. Staraya Ladoga, lead seals

№ 33 (рис. 3, 33). *Av*: поверхность разрушена вдоль канала, сохранились фрагменты двузубца (?). *Rv*: погрудное (?) изображение безбородого (?) святого. У левого плеча — фрагмент буквы М.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2,15 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. Н-XVI, гл.: +52. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/1429. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 292–293; 2009: 39–40.

№ 34 (рис. 3, 34). *Av*: двузубец. Ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение святого. Ободок из мелких, слившихся точек.

Д.: 12–16 мм. *В.*: 2,68 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. М-XVII, гл.: +55. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/45. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 229; 2009: 40.

№ 35 (рис. 3, 35). *Av*: двузубец. *Rv*: погрудное изображение святого (святителя?) с короткой окладистой бородой и большими залысынами.

Д.: 9–11 мм. *В.*: 1,51 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК. *Инв. №*: САЭ-2011/110. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 311.

В новгородском собрании домонгольских пломб буллы разряда IV/2 представлены приблизительно 50 экземплярами (Ершевский 1985: табл. III, 18–30, 36–49, 67–87). Кроме Новгорода и Ладоги такие пломбы найдены также на Белоозере (Захаров 2005: 33, рис. 2), на Ратминском поселении (Петров, Пантелеева 2014: 12, 13, рис. 5, 23), в Курске (Белецкий и др. 2017а: 350, рис. 2, 19) и Торжке (Белецкий 1996: 46, 47, рис. 1, 1, 2). Подобные пломбы также серийно представлены в публикации В. А. Анохина (Белецкий 2018: рис. 4, 38–45). Правда, пломбы разряда IV/2 не найдены в Дрогичине и в Городце на Волге, откуда происходят крупнейшие собрания древнерусских пломб.

Пломбы разряда IV/2 оформлены точно так же, как и печати того же разряда. На протяжении длительного времени печати с изображением княжеского знака и святого расценивались историками как сфрагистические регалии русских князей. Только после исследований В. Л. Янина стало очевидно, что печати принадлежали не князьям, а чиновникам княжеского аппарата (Янин 1970: 137–146), облеченным властными полномочиями, предоставленными им князем (аверс) и несшими персональную ответственность (реверс) за совершенные юридические действия. А. А. Молчанов считал, что печати разряда IV/2 принадлежали новгородским посадникам XII–XIII вв. (Молчанов 1987: 26–33). Действительно, хотя география распространения печатей разряда IV/2 охватывает всю территорию Руси, большинство находок происходит из Новгорода и Новгородской земли. Очевидно, что юрисдикция лиц, пользовавшихся печатями разряда IV/2, распространялась прежде всего на Новгород и Новгородскую землю, причем значительное число документов, скрепленных печатями разряда IV/2, попадало «на вечное хранение» в городищенский архив. Таким образом, широта полномочий, которыми располагали владельцы печатей, свидетельствует, что эти лица занимали ведущее место в структуре управления Новгородом. Такой фигурой в правительственных структурах Новгорода XII–XIII вв. являлись посадники, с деятельностью которых и следует связывать печати разряда IV/2.

Подчеркнем, однако, что печати разряда IV/2, вопреки мнению А. А. Молчанова (Там же: 26–33), выпадают из системы сфрагистических регалий новгородских республиканских чиновников. В то же время пломбы разряда IV/2 прекрасно вписываются в систему сфрагистических регалий княжеских чиновников XII–XIII вв. (Белецкий 1992: 5–8): разряды II/7 (крест — эмблема), IV/1 (эмблема — эмблема), IV/3 (эмблема — легенда), IV/4 (эмблема — буква), IV/5 (эмблема — группа точек), IV/6 (эмблема — личина), IV/7 (эмблема — розетка). Полагаю, пломбы с изображениями княжеского знака и святого, как и печати, принадлежали посадникам, но не новгородским, а княжеским. Усвоение же новгородским посадникам сфрагистической регалии, аналогичной регалии княжеских посадников, объясняется уравниванием статуса выборных новгородских посадников с княжескими чиновниками в должности посадника.

Признавая пломбы разряда IV/2 сфрагистическими регалиями княжеских посадников, то есть должностных лиц, обеспечивавших «княжеское управление городами и окружающими их волостями» (Свердлов 1983: 219), мы можем констатировать, что места находок пломб разряда IV/2 (в отличие от прочих пломб с княжескими знаками) должны, в основном, совпадать с местоположением резиденции держателя буллотиря.

Разряд IV/4. Эмблема — буква

№ 36 (рис. 3, 36). *Av*: двузубец. Ободок жгутиковый. *Rv*: буква Д. Ободок жгутиковый.

Д.: 11 мм (форма заготовки подтреугольная). *В*.: 1,51 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 74.

№ 37 (рис. 3, 37). *Av*: знак в виде треугольника. *Rv*: буква В.

Д.: 12–15 мм. *В*.: 1,97 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. К-XII, гл.: +28. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: САЭ-2006/1483. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; 2009: 42.

№ 38 (рис. 3, 38). *Av*: двузубец. *Rv*: буква М.

Д.: 10–13 мм. *В*.: 1,61 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 75; Белецкий 1997: 17, рис. 5.

№ 39 (рис. 3, 39). *Av*: двузубец. *Rv*: буква Л.

Д.: 12 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей СПбДА. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 2.

Ранее было высказано предположение, что двузубец на аверсе имел прямоугольные очертания, а буква Л была истолкована как изображение трезубца, от тиснutoго не полностью (Белецкий, Мусин 1998: 44).

Пломбы с изображениями княжеских знаков и букв кириллического алфавита достаточно широко представлены в Дрогичине (Ершевский 1985: табл. I), но известны также и в других населенных пунктах Руси. Принадлежность этих пломб к числу регалий власти чиновников княжеского аппарата очевидна, как очевиден и общерусский характер сфрагистических памятников данного разряда. Не исключен таможенный характер деятельности чиновников (Белецкий 1992: 7), но, разумеется, эта гипотеза требует специальной разработки на широком материале. Вероятность того, что эмблема на памятниках данного сфрагистического разряда указывает на «владельца товара», а буква — на «весовую единицу», требует более серьезного обоснования (ср.: Ершевский 1985: 57).

Разряд VI/1. Святой — святой

№ 40 (рис. 3, 40). *Av*: голова святого в линейном нимбе, слева от нимба — буква П. Фрагмент точечного ободка. *Rv*: фрагмент головы святого в точечном нимбе. Фрагмент двойного точечного ободка.

Д.: 15 мм. *В*.: 2,35 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. Н-XVII, гл.: +40. *Хр.*: СЛМ. *Инв.* №: САЭ-2007/669. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 230; 2009: 43.

№ 41 (рис. 3, 41). *Av*: погрудное изображение святителя (?), слева — нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок из мелких слившихся в линию точек. *Rv*: погрудное изображение святителя (?), справа — нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок линейный.

Д.: 12 мм. *В.*: 1,64 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. К-XVII, гл.: +37. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/319. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 230; 2009: 43.

№ 42 (рис. 3, 42). *Av*: погрудное изображение молодого безбородого святого. *Rv*: погрудное изображение бородатого святого (святителя?).

Д.: 10–12 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей СПбДА. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 3.

В новгородском собрании домонгольских пломб буллы разряда VI/1 представлены приблизительно 50 экз., причем подавляющее большинство находок происходит с Городища (Ершевский 1989: 71). Соответствие пломб разряда VI/1 аналогичным образом оформленным печатям позволяет предполагать, что пломбы, как и печати, принадлежали русским князьям. Принципиальная атрибуция печатей была установлена Н. П. Лихачёвым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачёв 1928: 52–53), фактически — имя и отчество владельца, то есть его личную подпись.

Нетрудно заметить, что и печати, и пломбы с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса. Принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу, мы тем самым лишь определяем начало подписи («имя»), окончание которой («отчество») перенесено на обратную сторону. Такое оформление буллы является свидетельством неофициального характера печатей. Следовательно, и печати, и пломбы разряда VI/1 не принадлежали к числу регалий власти, а являлись личными печатями князей (Белецкий 1990: 10–14), предназначенными в первую очередь для междукняжеской переписки, следы которой дошли до нас в виде скрытых цитат, включенных в погодные статьи летописи (Рыбаков 1963: 319–334).

Разряд XI/3. Буква — легенда

№ 43 (рис. 3, 43). *Av*: буква Б. *Rv*: нечитаемая надпись в две (?) строки.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,38 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК. *Инв. №*: САЭ-2011/659. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 312.

Дефектные пломбы

№ 44 (рис. 4, 44). *Av*: погрудное изображение святого (?). *Rv*: сбита.

Д.: 11–12 мм. *В.*: 1,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 76.

№ 45 (рис. 4, 45). *Av*: шестиконечный процветший крест. *Rv*: сбита.

Д.: 9–10 мм. *В.*: 1,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 77.

№ 46 (рис. 4, 46). *Av*: не читается. *Rv*: фрагмент буквы (?).

Д.: 11 мм. *В.*: 1,74 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, из отвала. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/317. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; 2009: 45.

№ 47 (рис. 4, 47). Изображения и надписи не читаются.

Д.: 13 мм. *В.*: 2,04 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. К-XVIII, гл.: +19. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/1364. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; 2009: 45.

№ 48 (рис. 4, 48). *Av*: двузубец. *Rv*: неясное изображение.

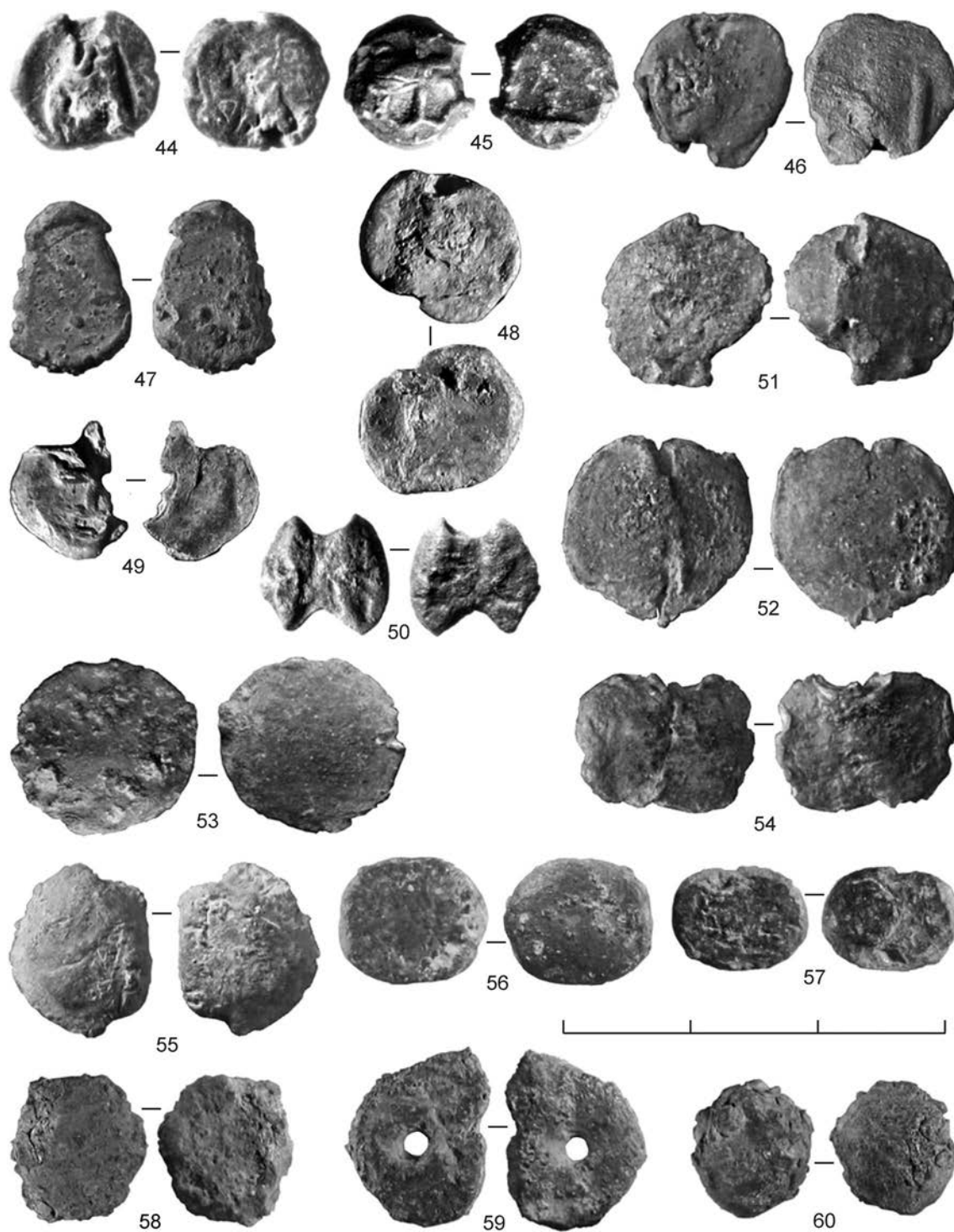

Рис. 4. Старая Ладога, дефектные свинцовые пломбы (№ 44–49) и заготовки для пломб
Fig. 4. Staraya Ladoga, defective lead seals (No. 44–49) and blanks for seals

Д.: 9–12 мм. *В.*: 2,09 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК. *Инв. №*: САЭ-2011/111. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 312.

№ 49 (рис. 4, 49). *Ав.* двузубец. *Рv*: стерта либо не оттиснулась.

Д.: 9 мм. *В.*: 0,95 г (фрагмент, вес — не менее 1,9–2 г). *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК. *Инв. №*: САЭ-2011/60. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014: 313.

Заготовки для пломб

№ 50 (рис. 4, 50). Заготовка линзовидная (литейный брак).

Д.: 9–10 мм. *В.*: 1,04 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 78.

Ранее было высказано предположение, что это дефектная пломба, изображения на обеих сторонах которой были стерты (Белецкий, Петренко 1994: 243).

№ 51 (рис. 4, 51). Заготовка линзовидная (литейный брак).

Д.: 13–14 мм (не менее 14–15 мм). Диаметр канала: 1,5 мм. *В.*: 2,88 г (не менее 3,5 г). *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. М-XVIII, гл.: +55. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/1144. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; 2009: 45.

№ 52 (рис. 4, 52). Заготовка линзовидная.

Д.: 14–15 мм. Диаметр канала: 1,5–2 мм. *В.*: 3,73 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. М-XVI, гл.: +64. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/710. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; 2009: 46.

№ 53 (рис. 4, 53). Заготовка линзовидная (литейный брак). Одно из двух отверстий канала заплавлено.

Д.: 14–15 мм. Диаметр канала: 1,5 мм. *В.*: 3,1 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, отвал. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/1384. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 294; 2009: 46.

№ 54 (рис. 4, 54). Заготовка неправильно-овальная. Отверстия канала смяты.

Д.: 10–14 мм. Диаметр канала: не менее 1,5 мм. *В.*: 3,59 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2006 г., р. IV, кв. М-XIII, гл.: +51. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2006/450. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 294; 2009: 46.

№ 55 (рис. 4, 55). Цельнолитая овальная заготовка для пломбы.

Д.: 10–13 мм. Диаметр канала 1,5 мм. *В.*: 4,14 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. О-XIX; гл.: +45. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/350. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; 2009: 46.

№ 56 (рис. 4, 56). Овальный свинцовый цельнолитой «кружок». Канал не читается. Возможно, это бракованная отливка заготовки для пломбы.

Д.: 9–11 мм. *В.*: 3,19 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. К-XIX, гл.: +36. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/949. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; 2009: 48.

№ 57 (рис. 4, 57). Овальный свинцовый цельнолитой «кружок». С одной стороны плохо читается сплюсненный выход канала, с противоположной стороны выход канала не прослежен. Вероятно, это бракованная отливка заготовки для пломбы.

Д.: 7–10 мм. *В.*: 1,46 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. К-XIX, гл.: +2. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/2615. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; 2009: 48.

№ 58 (рис. 4, 58). Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Вероятно, это бракованная составная заготовка для пломбы.

Д.: 10 мм. *В.*: 1,67 г (не менее 1,8–1,9 г). *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. Ж-ХII, гл.: +1. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/2376. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231–232 2009: 48.

№ 59 (рис. 4, 59). Половинка свинцового цельнолитого кружка, пробитого сквозным отверстием. Излом окатан, поэтому не ясно, является ли данный предмет сломанной по каналу и пробитой заготовкой, или же это фрагмент свинцовой пластинки.

Д.: 15 мм. *В.*: 2,55 г (не менее 6 г). *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. И-ХII, гл.: +7. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/1100. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 232; 2009: 48.

№ 60 (рис. 4, 60). Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Вероятно, это бракованная составная заготовка для пломбы.

Д.: 10 мм. *В.*: 1,61 г. *М. н.*: Старая Ладога, раскопки 2007 г., р. IV, кв. Е-ХIII, гл.: –12. *Хр.*: СЛМ. *Инв. №*: САЭ-2007/2175. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 232; 2009: 48.

Таким образом, в рассматриваемой коллекции представлены памятники десяти сфрагистических разрядов. Все они принадлежат (табл. 1) к уже известным разрядам (Белецкий 2003: 265, табл. 1; Beletsky 2015: 241, 242, tab. 2). Вне разрядов находятся дефектные пломбы (№ 44–49) и заготовки для пломб (№ 50–60).

Кресты

Изображения крестов выявлены на 26 пломбах, в том числе на трех пломбах изображения креста помещены на обеих сторонах (табл. 2).

Таблица 2

Кресты на ладожских пломбах

Типы крестов	№ пломб
Четырехконечный крест	10, 21, 23, 24
Четырехконечный крест с точками в средокрестии	2, 18, 19
Процветший четырехконечный крест	5, 7, 8, 11, 15-1, 15-2, 22
Четырехконечный крест, обозначенный точками	14
Шестиконечный крест	3, 9, 12, 20
Процветший шестиконечный крест	1, 4, 6, 16, 45
Четырехконечный крест на Голгофе	13
Восьмиконечный крест	17

Таблица 1
Состав коллекции пломб из Ладоги

Разряд	Количество
II/2. Крест — святой	14
II/6. Крест — крест	3
II/7. Крест — эмблема	5
II/8. Крест — буква	2
II/11. Крест — розетка	1
IV/1. Эмблема — знак	3
IV/2. Эмблема — святой	10
IV/4. Эмблема — буква	4
VI/1. Святой — святой	3
XI/3. Буква — легенда	1
Дефектные	6
Заготовки	11
Всего:	63

Аналогии для четырехконечных крестов и четырехконечных крестов с точками в средокрестии широко представлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. I–IV, XI, XII, XV, XVI, XXI). А вот процветшие кресты на дрогичинских пломбах — большая редкость (например: Там же: табл. XXI, 937). В то же время процветшие кресты широко представлены на новгородских пломбах (например: ЛСА: табл. XXI, 9, 17–22, 24, 25, 28, 29; XLII, 14; XLVII, 14). В Дрогичине как будто не встречены пломбы с изображениями крестов на обеих сторонах, в то время как в Новгороде такие пломбы известны (например: Там же: табл. XXII, 3–8).

Святые

Изображения святых отмечены на 27 пломбах, в том числе на трех пломбах такие изображения помещены на обеих сторонах. Большинство изображений, к сожалению, лишено индивидуальных признаков и надписей.

Фрагменты надписей прослежены на четырех пломбах. На пломбе № 10 помещено погрудное изображение св. Георгия, справа от которого сохранились остатки колончатой надписи геор(гii). На пломбе № 33 помещено погрудное (?) изображение безбородого (?) святого, у левого плеча которого прослежена буква М; если это фрагмент надписи [Д]М, то, вероятнее всего, на пломбе помещено изображение св. Димитрия Солунского. На лицевой стороне пломбы № 40 помещено изображение головы святого, слева от нимба сохранилась буква П (Петр? Павел?). На обеих сторонах пломбы № 41 рядом с изображениями святителей (?) сохранились нечитаемые буквы колончатых надписей.

Некоторых святых можно предположительно персонифицировать по особенностям иконографии изображений. Так, на пломбах № 2, 3, 12 и 31 помещено погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой, возможно, это изображение св. Федора. На пломбе № 5 помещено изображение длинноволосого святого с длинной острой бородой и с крестом над правым плечом, возможно, это изображение св. Иоанна Предтечи. На пломбе № 7 помещено погрудное изображение безбородого святого в княжеской шапке, у щек — подвески; весьма вероятно, что изображен св. Глеб. На пломбе № 8 помещено погрудное изображение кудрявого безбородого святого в точечном нимбе, над правым плечом жезл; возможно, это изображение архангела, у которого совершенно стерт контуры крыльев. На пломбах № 30 и № 35 помещено погрудное изображение святителя (?) с короткой окладистой бородой и большими зальсынами, это изображение напоминает св. Николая Мирликийского. На пломбе № 29 помещено погрудное изображение святителя (?) с длинной бородой, возможно — св. Григория. Подобное изображение помещено на реверсе пломбы № 43. На аверсе пломбы № 42 помещено погрудное изображение молодого безбородого святого в типе св. Георгия или св. Димитрия Солунского. Такое же изображение отмечено на пломбе № 32.

Розетка

Изображение восьмилучевой розетки зафиксировано на пломбе № 24. Аналогичные розетки отмечены на пломбах из Дрогичина (например: Болсуновский 1894: табл. III: 88; V: 201; XII: 530, 548), хотя на дрогичинских пломбах чаще встречаются шестилучевые розетки.

Буквы

Буквы встречены на семи пломбах (табл. 3). Нечертание всех букв соответствует буквам кириллического устава XI–XIII вв. (Черепнин 1956: 154, табл. 2).

Знаки

Лично-родовые знаки русских князей зафиксированы на 22 пломбах (две пломбы представлены двумя экземплярами каждая), в том числе на трех пломбах (две от одной пары матриц) они помещены на обеих сторонах. Большинство знаков принадлежит к уже известным типам, два знака встречены впервые.

Тип I/2/1⁴ (рис. 5, 31). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка вертикальная. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 31. Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, № 341; XIII, № 607; XIV, № 615, 635, 662; XV, № 765; XVII, № 811; Лихачёв 1930: рис. 64, второй сверху ряд, четвертая справа; Нанс-Маикова 1988: табл. I, № 1; II, № 4), Ратмино (Петров, Пантелеева 1914: 12, 13, 15, 16, рис. 5, 18; 6, 31), Оснувки (Musianowicz 1957: 295, рис. 4, верхний ряд, левая), Сакор-горы (Трутовский 1926: 9, рис. 6, верхний ряд, вторая справа), Городца (Лебедев, Дунин 2000: рис. 2, 21), Курск (Белецкий и др. 2017а: рис. 5, 2, 3), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 117, 212, 316)⁵. Аналогичные двухзубцы обнаружены в клейме на плитке пола из собора Рождества Богородицы в Суздале и в клеймах на кирпичях Борисоглебского собора в Чернигове (Белецкий 2017: ил. 4, 3–5), в гончарных клеймах из Владимира, Киева, Новгорода, Городца, Григоровки, Дорогобужа Канева, Кочетка и Суздаля (Белецкий 2014: рис. 3, 7, 10, 13–28, 30, 31, 33, 34, 36, 38–40, 43, 44, 46–49, 51).

Тип I/2/15 (рис. 5, 48). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка вертикальная. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 48. Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. I, № 38; XII, № 548) и Витебска (Штыхау, Цішкін 1993: 527, фото, нижний ряд, центральная), на крышке каменного саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 1), на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 11–19), на памятном камне у д. Волгино-Верховье (Ильин 1947: 181, рис. 76), а также в гончарных клеймах из Владимира, Киева и Киевской обл., Плеса, Ревутово и Тверского Поволжья (Белецкий 2014: рис. 3, 8, 9, 11, 12, 29, 32, 35, 37, 41, 42, 45, 50, 52, 53).

В литературе принято разделять знаки колоколовидной формы и знаки прямоугольных очертаний. Однако ранее было установлено, что контуры древнерусского княжеского знака не имеют геральдического значения, и двухзубцы типов I/2/1 и I/2/15 принадлежали одному и тому же лицу — Мстиславу Великому (†1132), старшему сыну Владимира Мономаха (Белецкий 1999: 326–327).

⁴ Типы знаков обозначены в соответствии с ранее предложенной типологией (Белецкий 2001), которая в самое последнее время была дополнена и уточнена (Beletsky 2018).

⁵ Здесь и далее: в скобках даются ссылки на инвентарные номера коллекции А. А. Алфёрова. Пользуемся случаем поблагодарить А. А. Алфёрова (Киев), предоставившего возможность познакомиться со своей коллекцией древнерусских пломб.

Т а б л и ц а 3

Буквы на ладожских пломбах

Буквы	№ пломбы
В	37
Д	23, 36
Л	39
М	22, 38
Ь	43

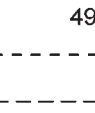

Знаки	Схемы	Фрагментированные знаки
 31	I / 2 / 1 	
 48	I / 2 / 15 	
 30	I / 2 / 23 	 19 21 35 28
 38	I / 2 / 37 	
 36	I / 2 / 46 	
 20	I / 2 / 60 	
 17	I / 3 / 7 	
 29	I / 3 / 12 	 39 25Av 33 34 25Rv 49
 26Av	I / 4 / 8 	
 18	I / 4 / 12 	 32 37
 26Rv	I / 5 / 9 	
	 II / 2 / 8 или II / 2 / 12	 27

Рис. 5. Знаки на пломбах из Старой Ладogi

Fig. 5. Symbols on seals from Staraya Ladoga

Тип I/2/23 (рис. 5, 30). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 30. Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, второй сверху ряд, правая), Новгорода (ЛСА: табл. VII, 18–21) и Пскова (Белецкий 2001: 66, табл. 53, 4), на печати № 285 по Корпусу В. Л. Янина (Янин 1970, т. 1: 217, № 285), в гончарном клейме из Ревутово (Белецкий 2014:

рис. 6, 4). Возможно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 19, 21, 28 и 35 (рис. 5, 19, 21, 28 и 35).

Тип I/2/37 (рис. 5, 38). Двухзубец колоколовидных очертаний, ножка и зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, на правом зубце перекрестие. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 38. До ладожской находки такие знаки не были известны. В первых публикациях (Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 75; Белецкий 1997: 16–17, рис. 5) знак был схематизирован неверно.

Тип I/2/46 (рис. 5, 36). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы и ножка вертикальные, на левом зубце отрог внутрь. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 36. Такие же знаки отмечены в клеймах на кирпичах из Троицкого собора на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017: ил. 5, 8, 9), а также на пломбе из коллекции А. Алфёрова в Киеве (№ 1033).

Тип I/2/60 (рис. 5, 20). № 20. Rv: изображение двухзубца колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, завершение левого зубца раздвоенное (отгиб наружу почти полностью разрушен), на правом зубце — отрог внутрь. Ножка вертикальная, нижняя ее часть оттиснулась слабо. Ранее знаки этого типа не фиксировались.

Тип I/3/7 (рис. 5, 17). Двухзубец колоколовидных очертаний. Зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута вправо. Знак зафиксирован на реверсе пломбы № 17. Такие же знаки отмечены на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIX, № 879) и на печати № 299-2 по Корпусу В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова (Янин, Гайдуков 1998: 151, № 299-2).

Тип I/3/12 (рис. 5, 29). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце отрог внутрь, ножка отогнута вправо. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 29. Такие же знаки отмечены на пломбах из Пскова (Белецкий 2001: 76, табл. 55, 4).

Тип I/4/8 (рис. 5, 26Av). Двухзубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. Знак зафиксирован на аверсе пломбы № 26. Такие же знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIV, № 631 и 640; Авенариус 1890: № 41; ЛСА: табл. XXV, 24), Новгорода (Лихачёв 1930: рис. 69, четвертый сверху ряд, третья слева), Старой Руссы (Матюшкина 1976: 66–67, табл. I, 2б; включена в корпус актовых печатей Древней Руси, см.: Янин, Гайдуков 1998: 151, № 299а), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 996).

Тип I/4/12 (рис. 5, 18). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. Знак зафиксирован на реверсе пломбы № 18. Такие же знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, вторая слева), Новгорода (ЛСА: табл. VIII, 3), Торжка (Белецкий 1996: 46, рис. 1, 1) и на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 831), на печатях № 297–298 Корпуса В. Л. Янина (Янин 1970, т. 1: 219–220, № 297, 298), на памятном камне из Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017: ил. 5, 12). Такой же знак выбит на камне постамента Боголюбовского кивория (Там же: ил. 5, 10) и на камне кладки Золотых ворот во Владимире (Там же: ил. 5, 11).

Этот двухзубец неоднократно становился предметом обсуждения. Большинство исследователей сходилось в том, что знаки на постаменте Боголюбовского кивория и

на камне Золотых ворот принадлежали Андрею Боголюбскому или его ближайшим родственникам (Рыбаков 1940: 232–233; Воронин 1961: 258; Янин 1970, т. 1: 145–146; Молчанов 1985: 82, табл. II). Только после открытия памятного камня в Троицком монастыре на Кловке удалось установить (Белецкий 2000: 216–225; Торшин 2005: 42–49), что двузубец принадлежал князю Ростиславу Рюриковичу смоленскому (†1218).

Тип I/5/9 (рис. 5, 26Rv). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Знак зафиксирован на реверсе пломбы № 26. Такие же знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, правая, пятый сверху ряд, вторая слева), на пломбах, опубликованных В. А. Анохиным (Белецкий 2018: рис. 16, 7, 8), и на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1086), а также на деревянном цилиндре № 1 из Новгорода (Янин 2001: 93, 110; там же см. основную литературу).

Несколько двузубцев (рис. 5, 25Av, 25Rv, 33, 34, 39, 49) сохранились фрагментарно и не могут быть отнесены к тому или иному типу.

Единственный трезубец, зафиксированный на ладожских пломбах, сохранился фрагментарно (рис. 5, 27). Уверенно можно определить прямоугольные очертания знака, вертикальную ножку и крестовидное завершение центрального зубца. Такие признаки встречены у трезубцев только двух типов — II/1/8 и II/2/12. Знаки типа II/1/8 отмечены на пломбах из Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, 14; Лихачёв 1930: рис. 69, четвертый сверху ряд, правая), на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (1000 років ... 2013: 75, № 42), на щитке перстня из клада, найденного в 1908 г. в уроч. Святое озеро (Макарова 1986: 130, № 64; см. там же основную библиографию), а также на плинфе из собора Спасо-Евфросиньевского монастыря (Белецкий 2017: ил. 8, 16, 17) и из храма на Рву (Там же: ил. 8, 15) в Полоцке. Знак типа II/2/12 зафиксирован на щитке перстня (Рыбаков 1940: 237, рис. 21; Макарова 1986: 131, № 79), место находки которого неизвестно. Весьма вероятно, что трезубец на пломбе № 27 может быть схематизирован по одному из этих двух типов. С учетом того, что расстояние между центральным и левым зубцами недостаточно для двух перекрестий, я склоняюсь к тому, что знак на пломбе № 27 следует схематизировать по типу II/2/8, однако окончательное решение вопроса следует оставить до новых находок. Замечу также, что трезубцы с крестовидным завершением центрального зубца, вероятнее всего, принадлежали князьям полоцкой ветви потомков Владимира Святого.

На двух пломбах зафиксированы знаки треугольной формы. Треугольник, увенчанный крестом (рис. 5, 32), изображен на аверсе пломбы № 32. Концы креста оформлены точками, во внутреннем пространстве треугольника — три точки. Основание треугольника осталось за пределами оттиска. Аналогичные знаки встречаются крайне редко: две пломбы из Новгорода и пломба из Ратминского поселения, несущие изображения такого знака, были как будто бы оттиснуты теми же матрицами, что и ладожская пломба.

На аверсе пломбы № 37 помещено изображение знака в виде треугольника с раздвоенной вершиной, завершения концов раздвоенной части оформлены точками, одна из которых оттиснута нечетко (рис. 5, 37). Изображение такого же знака было помещено на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XII, № 555). Знаки в форме треугольника с раздвоенной вершиной и загнутыми завершениями концов фиксируются на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: 81, 82, на рис. 64 и 65 третий ряд сверху, пятая пломба справа).

Заметим, что на новгородских пломбах серийно представлены близкородственные знаки, которые Б. Д. Ершевский обозначил как знаки «в виде двузубца с перечеркнутым отрогом внизу и перекладиной, соединяющей во внутренней части» зубцы (Ершевский 1978: 242–243). Исследователь полагал, что такие знаки принадлежали князю Мстиславу Владимировичу (Там же: 243–247). Однако знаки, приписанные Б. Д. Ершевским Мстиславу Великому, не имеют никакого отношения к знакам Рюриковичей — это особая группа лично-родовых знаков, обозначенная Н. П. Лихачёвым как знаки в форме буквы Д, увенчанной крестом (ЛСА: 78–81, табл. VIII, 7–20). Ранее (Белецкий 1993: 6–8) было высказано предположение, что знаки в форме треугольника, увенчанного крестом, могли принадлежать князю Довмунту-Тимофею (†1299). В настоящее время я не стану настаивать на этой персонализации, однако связь знаков рассматриваемой группы с литовскими князьями представляется достаточно вероятной — подобный знак, в частности, зафиксирован на буллотии для пломб, найденном при раскопках Новогрудка — древней столицы Литвы (Гуревич 1981: 99, рис. 77, б); правда, на опубликованной прорисовке линия основания треугольника не обозначена (разрушена коррозией?).

Заключение

Серия древнерусских пломб, происходящих из Ладоги, сравнительно невелика. Тем не менее эти находки позволяют сделать ряд наблюдений, дополняющих сведения письменных источников по истории города в домонгольское время.

Прежде всего, массовые находки пломб разряда II/2 свидетельствуют о широком распространении в Ладоге меховых денег — шкурок, утвержденных великокняжеской пломбой.

Среди ладожских пломб наиболее ранними являются пломбы № 31 и 48, на которых было помещено изображение двузубца, принадлежавшего старшему сыну Владимира Мономаха Мстиславу Великому (†1132). С учетом того, что пломба № 31 принадлежала княжескому посаднику, можно определенно утверждать, что интересы Мстислава Великого в Ладоге представлял чиновник в ранге посадника. Ранее высказывалось предположение, что владельцем пломбы № 31 мог быть ладожский посадник Павел, принимавший активное участие в строительстве каменной крепости в Ладоге в 1114 г. (Белецкий, Петренко 1994: 248).

Среди двузубцев на ладожских пломбах преобладает группа знаков с отрогом внутри на левом зубце. Такие знаки отмечены на пломбах № 17, 18, 26Av, 26Rv, 30, 36, 38, а также на фрагментарно сохранившихся пломбах № 19, 21, 25Av, 25Rv, 34, 35, 39. Благодаря находке памятного камня в Троицком на Кловке монастыре в Смоленске было установлено, что знак типа I/4/12, помещенный на пломбе № 18, принадлежал князю Ростиславу II Рюриковичу (†1218). Попутно были атрибутированы знак типа I/2/23, помещенный на пломбе № 30, и знак типа I/2/57, на ладожских пломбах пока не фиксировавшийся: первый из них принадлежал Ростиславу Мстиславичу (†1167), а второй — Рюрику Ростиславичу (†1212). Остальные двузубцы с отрогом внутри на левом зубце также принадлежали князьям смоленской ветви потомков Мстислава Великого. При этом владельцы знаков типа I/4/8 и I/5/9, помещенных на пломбе № 26, безусловно, были не только современниками но, в какой-то момент, и соправителями-дуумвирами. Таким образом, выявляется повышенное внимание к Ладоге со стороны смоленских князей второй половины XII — первой четверти XIII в.

Кстати, среди пломб княжеских посадников одна (№ 30) наверняка и еще две (№ 34, 35) предположительно принадлежали чиновникам, представлявшим в Ладоге Ростислава I Мстиславича смоленского, трижды — в 1154, 1159–1161 и 1161–1167 гг. — занимавшего великий киевский стол (Войтович 1992: 82). По-видимому, в эти годы управление в Ладоге также осуществлялось великокняжеской администрацией.

В Ладоге в разное время были посадники, представлявшие князей других ветвей потомства Владимира Святого. Такова посадничья пломба № 27, несущая на аверсе фрагментарно сохранившийся трезубец. Не исключено, что это знак князя из рода полоцких Рюриковичей. Знак на посадничьей пломбе № 29 принадлежал одному из потомков Мстислава Великого в третьем-четвертом колене. К той же ветви рода Мстиславичей относится и владелец знака на пломбе № 20, принадлежавшей чиновнику в должности княжеского канцлера.

Завершая обзор коллекции пломб из Старой Ладоги, отмечу, что настоящая статья продолжает начатые в последние годы публикации коллекций древнерусских пломб: вышли из печати работы, посвященные пломбам Белоозера (Захаров 2005), Ратминского поселения (Петров, Пантелеева 2014), Курска (Белецкий и др. 2017а; 2017б). Надеюсь, что в обозримом будущем появятся не только публикации музейных коллекций пломб из других древнерусских городов, но и издания частных коллекций таких предметов. При этом хотелось бы пожелать авторам будущих публикаций включать в каталожные описания находок не только схематические рисунки, но прежде всего фотографии предметов, а также сведения о размерах пломб и, в тех случаях, когда это установлено, о местах их обнаружения.

Литература

1000 років ... 2013 — 1000 років української печатки / Смолій В. А. (зув.). Київ: Інститут історії України, 2013. 504 с.

Авенариус 1890 — *Авенариус Н. А.* Дрогичин Надбужский и его древности. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1890. С. 1–42 (Материалы по археологии России. Т. 4. Древности северо-западного края. Т. 1, вып. 1).

Белецкий 1990 — *Белецкий С. В.* О функциях домонгольских печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1990. С. 10–14.

Белецкий 1992 — *Белецкий С. В.* Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Новосельцев А. П. (ред.). Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 5–8.

Белецкий 1993 — *Белецкий С. В.* Лично-родовой знак князя Довмонта-Тимофея // Новосельцев А. П. (ред.). Восточные славяне в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 6–8.

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Торжка // Масон В. М. (ред.). Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы Пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 45–48.

Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Дополнение к Своду памятников сфрагистики из Старой Ладogi // Лебедев Г. С. (ред.). Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 14–18.

Белецкий 1999 — *Белецкий С. В.* Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Носов Е. Н. (ред.). Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 11–19.

Белецкий 2000 — *Белецкий С. В.* Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2000 г.: Материалы конф. М.: ИВИ РАН. 2000. С. 216–225.

Белецкий 2001 — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Ч. 2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: ИИМК РАН; СПбГУКИ, 2001. 192 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).

Белецкий 2003 — *Белецкий С. В.* Сфрагистика // Кром М. М. (ред.). Специальные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 248–367.

Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.

Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2014. С. 358–387.

Белецкий 2017 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 7–26 (Тр. ГЭ. Т. 86).

Белецкий 2018 — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 347–360.

Белецкий и др. 2017a — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 347–360.

Белецкий и др. 2017b — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // ЗИИМК. № 16. 2017. С. 146–159.

Белецкий, Мусин 1998 — *Белецкий С. В., Мусин А. Е.* Древнерусские пломбы из собрания Церковно-археологического музея Санкт-Петербургской Духовной Академии // Мусин А. Е. (ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всерос. церковно-археологической конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. СПб.: ИИМК РАН; СПбДА, 1998. С. 44–46.

Белецкий, Петренко 1994 — *Белецкий С. В., Петренко В. П.* Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 184–283.

Белецкий, Посвятенко 1994 — *Белецкий С. В., Посвятенко В. А.* Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г.: ТД. М.: ИВИ РАН, 1994. С. 3–5.

Болсуновский 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1894. Ч. 1. 132 с.

Войтович 1992 — *Войтович Л. В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ: Таурус, 1992. 199 с.

Воронин 1961 — *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. 584 с.

Гордиенко 1989 — *Гордиенко Э. А.* Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 234–239.

Гуревич 1981 — *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981. 159 с.

Ершевский 1978 — *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Т. 10. С. 38–55.

Ершевский 1982 — *Ершевский Б. Д.* Малые вислые печати посадников XII в. // Столяр А. Д. (ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 173–177.

Ершевский 1985 — *Ершевский Б. Д.* Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачёва) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 17. С. 36–57.

Ершевский 1987 — *Ершевский Б. Д.* О хронологии и общей атрибуции одной группы памятников новгородской сфрагистики // Янин В. Л. (ред.). История и археология Новгородской земли: Тез. научно-практ. конф. Новгород: НГОМЗ, 1987. С. 51–54.

Ершевский 1989 — *Ершевский Б. Д.* Письменные источники и материалы новгородской сфрагистики о безмонетном периоде // Янин В. Л. (ред.). Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. науч. конф.). Новгород: НГОМЗ, 1989. Вып. 2. С. 69–74.

Захаров 2005 — *Захаров С. Д.* Свинцовые пломбы Белоозера // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (ред.). Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 20–63.

Ильин 1947 — *Ильин С. Н.* Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // КСИИМК. 1947. Т. 17. С. 179–181.

Кирпичников, Белецкий 1994 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Старой Ладogi // АВ. 1994. № 3. С. 132–135.

Кирпичников, Белецкий 1997 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Печать и пломба из раскопок в Старой Ладoge // Лебедев Г. С. (ред.). Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 72–76.

Кирпичников, Белецкий 2006 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладoge в 2006 г. // Плешков В. Н. (ред.). Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. Реформы в России. XVI — начало XX в. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 261–303.

Кирпичников, Белецкий 2008 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладoge в 2007 г. // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. Вып. 2. С. 216–235.

Кирпичников, Белецкий 2009 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладoge // Носов Е. Н. (ред.). Археология и история Литвы и северо-запада России в раннем и позднем средневековье: Докл. Междунар. рос.-литов. семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 21–51.

Кирпичников, Белецкий 2014 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладoge в 2011 г. // Степанова Е. В. (ред.). Наследие Николая

Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 297–318 (Тр. ГЭ. Т. 71).

Лебедев, Дунин 2000 — *Лебедев В. Д., Дунин В. Н.* Рисунки свинцовых пломб из архива Городецкого краеведа Ю. К. Мятова. Первичный анализ сюжетов опубликованного комплекса городицких пломб // Ред.: Петров П. Н. (ред.). Древности Нижегородского Поволжья. Нижний Новгород; Историко-археологический центр «Регион», 2000. Вып. 3. С. 148–161 (Нумизматический сборник. Т. 2).

Лихачёв 1928 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Вып. 1. 175 с.

Лихачёв 1930 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 2. 279 с.

ЛСА — *Лихачёв Н. П.* Сфрагистический альбом. Рукопись // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.

Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Матюшкина 1976 — *Матюшкина Г. И.* Новые находки вислых печатей из раскопок 1970–1973 гг. // Вестник МГУ. 1976. № 1. С. 66–73.

Молчанов 1985 — *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 16. С. 66–83.

Молчанов 1987 — *Молчанов А. А.* Новгородская посадничья булла XI–XV вв. (к вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода) // Седов В. В. (ред.). Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М.: ИА АН СССР, 1987. Т. 3, вып. 16. С. 26–33.

Петров, Пантелеева 2014 — *Петров Ф. Н., Пантелеева Л. В.* Свинцовые пломбы древнерусской Дубны. Дубна: Фонд «Наследие», 2014. 28 с.

Путешествие... 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Большаков О. Г. (пер.), Монгайт А. Л. (коммент.). М.: Наука, 1971. 134 с.

Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. Т. 6. С. 227–257.

Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 362 с.

Свердлов 1983 — *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 239 с.

Торшин 2005 — *Торшин Е. Н.* Новая находка изображения княжеского знака в Смоленске // Сообщения ГЭ. 2005. Вып. 63. С. 42–49.

Трутовский 1926 — *Трутовский В.* Рязанские пломбы // Некрасов А. И. (ред.). Отчет этнографо-археологического музея I МГУ. М.: Изд-во I МГУ, 1926. С. 7–11.

Черепнин 1956 — *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 616 с.

Штыхау, Цішкін 1993 — *Штыхау Г. В., Цішкін І. А.* Пячатка // Багамольнікаў У. У. и др. (ред.). Археалогія I нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 527–528.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 138–163 (МИА. № 55).

Янин 1970 — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 326 с.

Янин 2001 — Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 152 с.

Янин, Гайдуков 1998 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Интрада, 1998. Т. 3. 502 с.

Beletsky 2015 — *Beletsky S. Rus' seals as text // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). Byzantine and Rus' seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv: The Cheremetievs' Family museum of Historical and Cultural Rarities. 2015. P. 235–244.*

Beletsky 2018 — *Beletskiy S. The Tamgas of Riurikids: Symbols of the Princely Power in the 10th–13th centuries // Musin A., Wołoszyn M. (eds.). The Sphinx of Slavic Sigillography — Small Lead Seals of 'Drogiczyn type' from Czermno in their East European Context. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Polska Akademia Umiejętności; Leibniz-Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa; Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2018 (Frühzeit Ostmitteleuropas. 7) (In print).*

Hanc-Maikowa 1988 — *Hanc-Maikowa E. Plomby drohiczyńskie ze zbiorów muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. 1988. Nr. 8. S. 49–66 (Seria numizmatyczna i konserwatorska).*

Musianowicz 1957 — *Musianowicz K. Wczesnosredniowieczny osrodek handlowy w Drohiczyńcu, pow. Siemiatycze // Wiadomości archeologiczne. 1957. T. 24, z. 4. S. 285–299.*

OLD RUSSIAN SEALS FROM STARAYA LADOGA

S. V. BELETSKY

Keywords: *seals, princely symbols, Ladoga, Old Rus.*

This paper publishes 52 seals and 11 blanks for seals of the pre-Mongol period, found at Staraya Ladoga (including stray finds). Numerous finds of seals belonging to section II/2 testify to a wide use of fur money — pelts marked with the grand ducal seal. The earliest seals are those bearing the image of the bident of Mstislav the Great, the eldest son of Vladimir Monomach. The princely symbols present on the seals published in this paper are overwhelmingly dominated by a group of closely related signs, which belonged to the princes who ruled in Smolensk in the second half of the XII — the first quarter of the XIII c. There are also seals with symbols belonging to other branches of St. Vladimir's descendants.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ИНВЕНТАРЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УГЛИЧСКОГО ТЕЧЕНИЯ ВОЛГИ

В. Л. ЩЕРБАКОВ¹

Ключевые слова: *средневековье, сельские поселения, кузнечные изделия, металлография, технология.*

При изучении предметов из железа и стали из коллекций древнерусских сельских поселений Яковлевское 3 и Налуцкое 1 вблизи Углича с использованием метода металлографии установлено большое технологическое разнообразие артефактов. Новые данные отличаются от результатов исследований коллекции синхронного селища Грехов Ручей в 1950-х гг. Предметы из Яковлевского 3 и Налуцкого 1 изготавливали как с использованием кузнечной сварки, так и без нее. Основными поделочными материалами были сталь с неравномерным содержанием углерода и кричное железо. Термическую обработку (закалка и другие виды) использовали сравнительно редко; термообработка сочетается со схемами наварки и многослойных лезвий. При производстве кузнечных изделий, найденных на селищах Налуцкое 1 и Яковлевское 3, часто использовали металлический лом (более 20 % предметов). На нескольких вещах зафиксировано отклонение от оптимальной производственной технологии: перегрев металла, неудачный подбор сырья. На основании особенностей проанализированной выборки выдвинуто предположение о происхождении части бытовавших у сельского населения округа Углича кузнечных изделий из неспециализированных мастерских с невысокой культурой производства.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-133-138

Первые результаты технологического изучения изделий из черного металла из раскопок угличских селищ относятся к 1958 г.: в полевом отчете М. В. Фехнер о полевых работах этого года содержатся краткие сведения о металлографическом анализе 24 ножей, найденных на селище Грехов Ручей (Фехнер 1959: 12–13) (рис. 1, 1). Как сообщает автор раскопок, 75 % ножей имели многослойное лезвие, клинок вытянутой формы, клиновидный в сечении, с широкой спинкой, черенки ножей были массивными, длинными; остальные 25 % ножей имели более широкий клинок, узкую спинку, сравнительно короткий черенок, технология изготовления — наварка (Там же). Некоторую неясность в ситуацию с металлографическим анализом ножей, найденных в конце 1950-х гг., вносит публикация М. В. Фехнер (Фехнер 1960б: 156–166): из текста явствует, что были изучены ножи, найденные в культурном слое

---

¹ Отдел археологии, Костромской государственной историко-архитектурной и художественной музей-заповедник, г. Кострома, 156000, Россия.

Рис. 1. Древнерусские селища в окрестностях Углича, коллекции которых изучались методом металлографии: 1 — Грехов Ручей; 2 — Яковлевское 3; 3 — Налуцкое 1

Fig. 1. Old Russian settlements in the vicinity of Uglich, mentioned in the present paper: 1 — Grekhov Ruchei; 2 — Yakovlevskoe 3; 3 — Nalutskoe 1

селища Грехов Ручей в 1957–1959 гг., но полевые отчеты за 1957 и 1959 гг. таких сведений, к сожалению, не содержат (Фехнер 1958; 1960а), что вполне объяснимо — металлографический анализ находок мог проводиться уже после написания отчетов. В статье автор указывает на наличие «многослойных» ножей и ножей с наваренным лезвием в комплексе жилища № 4 на селище Грехов Ручей XI–XIII вв., ссылаясь на анализы, проведенные химиком-реставратором ГИМ С. И. Скопинцевой (Фехнер 1960б: 160). Кроме того, по сведениям М. В. Фехнер, «81 % (от 47 экз. — В. Ш.) относится к типу ножей многослойных, датируемых X–XI вв., и 19 % — к типу ножей с наварным лезвием, характерных для XII–XIII вв.» (Там же: 163). Ножей с клинками целиком из железа и стали в проанализированной С. И. Скопинцевой выборке нет. Отметим однозначное соотношение технологии изготовления ножей и их формы, не встреченное нами при работе с материалами территориально близких селищ Яковлевское 3 и Налуцкое 1.

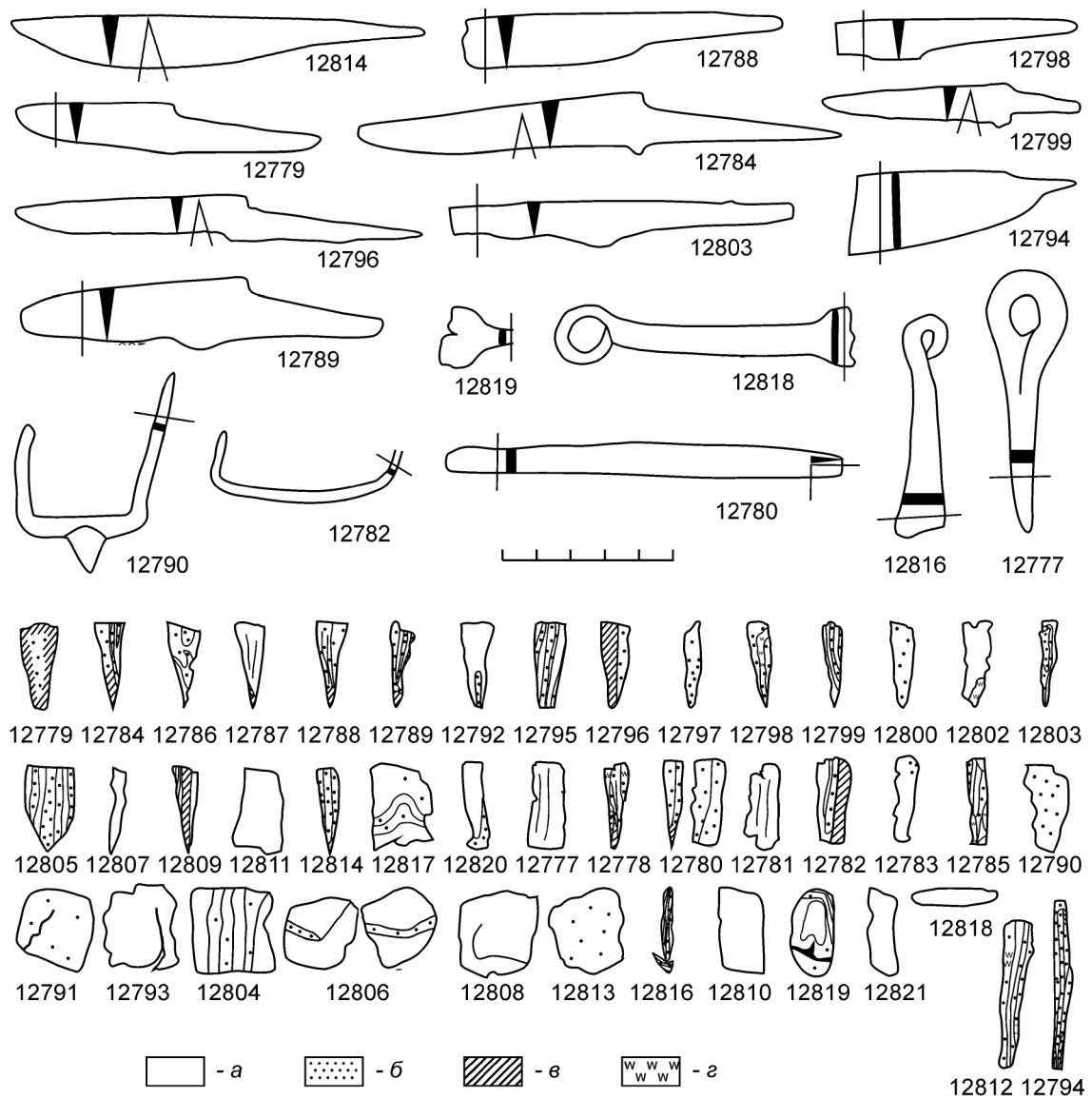
Сведения о металлографическом изучении изделий, помимо ножей, отсутствуют. После работ 1950-х гг. в технологических исследованиях железных изделий из коллекций угличских селищ наступил долгий перерыв.

Новые аналитические данные получены нами на основании изучения коллекций селищ Яковлевское 3 (рис. 1, 2; предметы XII–XIII вв.) и Налуцкое 1 (рис. 1, 3; предметы IX–XIII вв.). Археологические раскопки памятников проведены экспедицией Ярославского государственного университета (Кириченко, Спиридонова 2006; Праздников, Пакин 2014; Спиридонова, Праздников 2016). На селище Налуцкое 1 представлены не только древнерусские материалы, но и поволжско-финские (подробнее см.: Кириченко, Спиридонова 2006). Общее количество предметов, исследованных методом металлографии — 43 экз.²; выборка включает универсальные и бытовые предметы (ножи, топор, шилья, кресало, булавка), крепежные изделия (скобы, гвоздь), запорные устройства (деталь замка, дверные пробой), инструментарий (коса, стамеска), снаряжение коня (удила, ледоходные шипы), предметы неясного назначения (крюк и стержень).

Ножи представлены 20 экз. и двумя черенками ножей (рис. 2). Наиболее ранними являются пять ножей из коллекции селища Налуцкое 1 (вероятная датировка — IX–XI вв.). Зафиксированы следующие схемы: ковка целиком из сырцового стали (2 экз.; ан. 12797, 12800)³, из металлического лома (1 экз.; ан. 12803), по схеме

² Металлографический анализ проводился автором в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН и в Лаборатории физического материаловедения Костромского ГУ.

³ В тексте и на рис. 2 номера анализов приведены по базе данных Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.

Рис. 2. Внешний вид и технология изготовления (схема поперечного сечения) предметов из коллекций селищ Яковлевское 3 и Налуцкое 1, изученных методом металлографии: анализы 12779, 12784, 12786–12789, 12792, 12795–12800, 12802, 12803, 12805, 12807, 12809, 12814, 12820 — ножи; 12811, 12817 — черенки ножей; 12778 — лезвие топора; 12804, 12806 — шилья; 12816 — кресало; 12808 — фрагмент булавки; 12781, 12782, 12819 — скобы; 12793 — гвоздь; 12777, 12785, 12821 — пробои; 12794 — деталь нутряного замка; 12780 — стамеска; 12812 — фрагмент косы; 12783, 12790, 12810 — ледоходные шипы; 12813 — крюк; 12781 — стержень. Условные обозначения: *a* — железо; *b* — сталь; *v* — термообработанная сталь; *z* — структура перегретого металла

Fig. 2. Outer appearance and manufacturing technology (cross section scheme) of iron objects from the collections of Yakovlevskoe 3 and Nalutskoe 1, which were studied with the use of metallography: analyses 12779, 12784, 12786–12789, 12792, 12795–12800, 12802, 12803, 12805, 12807, 12809, 12814, 12820 — knives; 12811, 12817 — knife stems; 12778 — axe blade; 12804, 12806 — awls; 12816 — fire-making steel; 12808 — pin fragment; 12781, 12782, 12819 — clinch; 12793 — nail; 12777, 12785, 12821 — punches; 12794 — detail of a lock; 12780 — chisel; 12812 — scythe fragment; 12783, 12790, 12810 — ice traction spikes; 12813 — hook; 12781 — rod. Legend: *a* — iron; *b* — steel; *v* — heat-treated steel; *z* — overheated metal's structure

трехслойного пакета (2 экз., в том числе 1 экз. с дополнительно наваренным на неудачный трехслойный клинок стальным лезвием; ан. 12798, 12814). X–XIII вв. датируются еще семь ножей из Налуцкого 1, продемонстрировавшие пять схем изготовления: целиком из кричного железа (1 экз.; ан. 12807), пакетирование (2 экз.; ан. 12799, 12805), из двух полос металла (1 экз.; ан. 12796), трехслойный пакет (1 экз.; ан. 12809), косая боковая наварка (2 экз.; ан. 12802, 12820). К X–XIII вв. относятся оба черенка ножей из Налуцкого 1, один откован целиком из кричного железа, другой — из металлического лома (ан. 12811, 12817). Ножи из коллекции селища Яковлевское 3 датируются XII–XIII вв. Выявлено пять схем, использовавшихся при их изготовлении: косая боковая наварка (2 экз.; ан. 12787, 12789), сварка из двух полос металла (2 экз.; ан. 12784, 12788), изготовление из металлолома (2 экз.; ан. 12786, 12795), цементация и вварка стального лезвия в основу из железа (по 1 экз.; ан. 12779, 12792). У одного ножа, имеющего двухслойный клинок, одна из полос представляла собой вторичный металл (металлолом) (ан. 12784). При изучении лезвия *топора* XII–XIII вв. из Яковлевского 3 (рис. 2, ан. 12778) прослежена схема пакетирования, целесообразная с точки зрения получения массивной заготовки путем упорядоченного сочетания нескольких полос металла. *Шилья* в выборке представлены одним целым экземпляром и одним черенком (рис. 2, ан. 12804, 12806). На целом экземпляре трехслойная структура зафиксирована как на рабочей части, так и на черенке. На фрагменте другого шила (черенке) выявлена схема пакетирования. Оба шила из коллекции Налуцкого 1 относятся к X–XIII вв. Единственное представленное в выборке *кресало* относится к типу пластинчатых (рис. 2, ан. 12816), происходит из селища Налуцкое 1 и датируется IX–XI вв. Анализ выявил структуру вторичного металла. Такой способ изготовления кресала представляется нерациональным, поскольку для высекания искры значение имеет высокое содержание углерода в ударной грани, чего в данном случае не наблюдается. *Навершие булавки* (X–XIII вв., Налуцкое 1) откованы целиком из кричного железа (рис. 2, ан. 12808).

Скобы (рис. 2, ан. 12781, 12782, 12819), относящиеся к крепежным изделиям, продемонстрировали две технологические схемы, использовавшиеся при их изготовлении: из металлического лома (2 экз.) и целиком из кричного железа (1 экз.). Скоба из вторичного металла и скоба из железа датируются XII–XIII вв. (Яковлевское 3), еще одна скоба из металлолома — X–XIII вв. (Налуцкое 1). Единственный попавший в выборку *гвоздь* (XII–XIII вв., Яковлевское 3) откован целиком из кричного железа (рис. 2, ан. 12793).

Из трех дверных *пробоев* (рис. 2, ан. 12777, 12785, 12821) два выполнены из кричного железа (X–XIII вв., Налуцкое 1; XII–XIII вв., Яковлевское 3), один — из вторичного металла (XII–XIII вв., Яковлевское 3). При изучении *детали нутрянного замка* XII–XIII вв. из Яковлевского 3 прослежена схема пакетирования из полос стали (рис. 2, ан. 12794).

Технология изготовления инструментария более сложна: *стамеска* (XII–XIII вв., Яковлевское 3) сделана из двух полос металла (рис. 2, ан. 12780); у *косы* (X–XIII вв., Налуцкое 1) на пакетированную основу, вероятно, было дополнительно наварено лезвие (рис. 2, ан. 12812), раскрошившееся при извлечении образца.

Предметы, относящиеся к конскому снаряжению, характеризуются технологической простотой. Из кричного железа выкованы два *ледоходных шипа* (X–XIII вв.,

Налуцкое 1, ан. 12783; XII–XIII вв., Яковлевское 3, ан. 12810) и *удила* (X–XIII вв., Налуцкое 1, ан. 12818). Еще один ледоходный шип сделан из сырцово-стальной стали (XII–XIII вв., Яковлевское 3; рис. 2, ан. 12790).

Оба предмета неизвестного назначения, *крюк* и *стержень* (X–XIII вв., Налуцкое 1; XII–XIII вв., Яковлевское 3), изготовлены целиком из сырцово-стальной стали (рис. 2, ан. 12813 и 12791).

Вновь обратимся к технологии изготовления ножей — наиболее представительной группы качественных орудий. Очевидно преобладание технологических схем, основанных на кузнечной сварке, при обращении к ножам X–XIII вв. (в эти хронологические рамки попадают и ножи из Яковлевского 3). Из пяти более ранних ножей (IX–XI вв.) только два относятся к технологически сложным. Результаты наших исследований не соотносятся с данными М. В. Фехнер по ножам селища Грехов Ручей. Селища Яковлевское 3 и Налуцкое 1 в целом синхронны Грехову Ручью, но демонстрируют совершенно иное распределение технологических схем. В нашей выборке представительна в количественном отношении группа орудий, при изготовлении которых не использовалась технологическая сварка. Кроме того, не обнаружено преобладания трехслойного пакета над остальными схемами, что вполне объяснимо, учитывая, что XII–XIII вв. — время широкого распространения схемы наварки. В публикациях и отчетах М. В. Фехнер не упоминает о ножах с прямой спинкой («финского облика») в коллекции селища Грехов Ручей, тогда как на обоих селищах, коллекции которых изучены нами, такие ножи есть. С ножами «скандинавского облика», характеризующимися длинным черенком, узким клинком, широкой спинкой, ситуация прямо противоположная: в коллекциях Налуцкого 1 и Яковлевского 3 на момент отбора образцов такие ножи нами не отмечены, тогда как в коллекции селища Грехов Ручей, судя по публикации, такие ножи представлены. Объяснить несходство коллекций с хронологических позиций затруднительно.

Помимо указанных отличий ножей селищ Налуцкое 1 и Яковлевское 3 от ножей селища Грехов Ручей необходимо отметить еще один существенный момент. В результате новых исследований взаимосвязь формы и технологии изготовления ножей не прослеживается, в то время как из приведенных М. В. Фехнер данных явствует, что ножи из Грехова Ручья (по крайней мере из раскопок 1958 г.) демонстрируют полное соответствие формы и технологии (Фехнер 1959: 12–13).

На основании новых результатов металлографического изучения изделий из черного металла из угличских селищ можно выделить несколько особенностей, характерных для данной группы инвентаря сельских поселений. Во-первых, термическая обработка использовалась сравнительно нечасто даже при производстве качественных орудий; термообработка сочетается со схемами наварки и многослойных лезвий. Во-вторых, при производстве кузнечных изделий часто использовали металлический лом (более 1/5 предметов). Последняя особенность, с учетом следов отклонений от оптимальной производственной технологии на некоторых вещах (перегрев металла, неудачное сочетание полос металла), может свидетельствовать о происхождении части бытовавших у сельского населения региона предметов из железа и стали из неспециализированных мастерских с невысокой культурой производства.

Литература

Кириченко, Спиридонова 2006 — Кириченко А. В., Спиридонова Е. В. Многослойный памятник у деревни Налуцкое Угличского района Ярославской области // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН, 2006. С. 131–139.

Праздников, Пакин 2014 — Праздников В. В., Пакин А. А. Селище 3 у д. Яковлевское Угличского района: результаты первых исследований // Леонтьев А. Е. (ред.). Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конф.: Сб. ст. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2014. С. 59–66.

Спиридонова, Праздников 2016 — Спиридонова Е. В., Праздников В. В. Энколпионы с поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области // Леонтьев А. Е. (ред.). Археология: история и перспективы: Седьмая межрегион. конф.: Сб. ст. Ярославль: Рыбинский Дом печати, 2016. С. 166–173.

Фехнер 1958 — Фехнер М. В. Отчет об археологических работах в 1957 г. в Угличском районе Ярославской области // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1487.

Фехнер 1959 — Фехнер М. В. Отчет об археологических работах в 1958 г. в Ростовском и Угличском районах Ярославской области // Там же. Ф. 1. Р. 1. № 1734.

Фехнер 1960а — Фехнер М. В. Отчет об археологических работах в 1959 г. в Угличском районе Ярославской области // Там же. Ф. 1. Р. 1. № 1887.

Фехнер 1960б — Фехнер М. В. Раскопки селища близ Грехова Ручья // Левашова В. П. (ред.). Археологический сборник. М.: Советская Россия, 1960. С. 156–166 (Тр. ГИМ. Вып. 37).

NEW DATA ON THE MANUFACTURING TECHNOLOGY OF IRON ARTIFACTS FROM THE RURAL SETTLEMENTS OF THE UGLICH AREA

V. L. SHCHERBAKOV

Keywords: *Middle Ages, rural settlements, forged products, metallography, technology.*

The use of metallography allowed to reveal a great technological variability of iron and steel artifacts from the Old Russian rural settlements of Yakovlevskoe 3 and Nalutskoe 1 near Uglich. The new data differs from that obtained for the collection of the Grekhov Ruchei settlement in the 1950's. Iron objects from Yakovlevskoe 3 and Nalutskoe 1 were produced both with and without forge welding. Most items are made of steel with varying carbon content and ball iron. Heat treatment (thermohardening, etc.) was used relatively seldom; it is combined with built-up welding. More than 20% of forged products found at Yakovlevskoe 3 and Nalutskoe 1 are made of scrap metals. A number of objects show deviations from the optimal technology (thermal overload, bad choice of raw materials). The available evidence gives grounds to think that a part of forged items found at rural settlements of the Uglich area were produced in unspecialized workshops with low operating culture.

ВЫБОРГ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ — СЕРЕДИНЕ XVI в., ИЛИ КАКИМ БЫЛ ГОРОД ВО ВРЕМЯ МИКАЕЛЯ АГРИКОЛЫ (К 500-летию РЕФОРМАЦИИ)¹

А. И. САКСА²

Ключевые слова: *Выборг, средние века, новое время, археологическое изучение, деревянная застройка, материальная культура, Реформация, Агрикола.*

В результате планомерного археологического изучения Выборга в последние два десятилетия появились новые данные по ранней истории города и его развитию в средние века и новое время. В достигающей трех метров толще культурного слоя выделяются относящиеся к расцвету средневекового Выборга горизонты деревянной застройки первой половины — середины XVI в. К началу XVI в., когда будущий реформатор церкви и финского языка Микаель Агрикола начал учебу в школе Выборга, город уже сформировался и в нем помимо школы существовали ратуша, городская церковь, монастыри доминиканцев и францисканцев, купеческая гильдия и некоторые другие общественные организации. Сложились городские кварталы со своей застройкой отдельных участков, были проложены главные улицы. Выборг стал одним из городских центров Балтики с единой для всего региона материальной культурой.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-139-148

В результате полевых исследований археологической экспедиции ИИМК РАН с 1998 г. получен значительный объем новых данных по ранней истории Выборга от начала XV в. до 1730-х гг.³ Уже раскопки первых лет в восточной части исторического ядра города на пересечении улиц Сторожевой Башни и Титова открыли ранее неизвестные хорошо сохранившиеся горизонты средневековой деревянной застройки и показали, насколько ценен достигавший трех метров культурный слой города (Сакса 2002; 2004; 2008; 2009б; Сакса и др. 2003; Saksa 2004; 2009; 2016; Saksa et al. 2002).

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0003 «Славяне, финны и германцы в эпоху средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Археологические исследования в Выборге в 1998–2010 гг. финансировались, главным образом, Фондом изучения карельской культуры (г. Йёнессу, Финляндия). С 2011 г. существенную материальную помощь в археологическом изучении ранней истории города оказывает ПАО «Газпром нефть». Археологический надзор в местах нового строительства последнего времени проводился за счет заказчика работ. Раскопки осуществлялись Выборгской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством автора.

Дальнейшие раскопки в западной части города на ул. Южный Вал и в центральной части на ул. Выборгская расширили эту картину, продемонстрировав всю историю становления городской структуры и показав изменения в домостроительстве и материальной культуре (Сакса 2009а; 2011а; 2014а; 2015; 2017; Saksa 2016; Saksa, Taavitsainen 2008). Выявились также сохранявшиеся на протяжении всей истории города различия в развитии его частей.

В целом за 1998–2012 гг. раскопки были произведены на площади около 600 м² в исторической части Выборга (рис. 1; 2). Охранные спасательные работы затронули около 3000 м² в центральной части старого города и за его пределами. В 2010–2012 гг. проводились исследования старого кафедрального собора XV–XVIII вв. (Сакса 2013; 2014б; Saksa, Savolainen, 2015; Липатов и др. 2017).

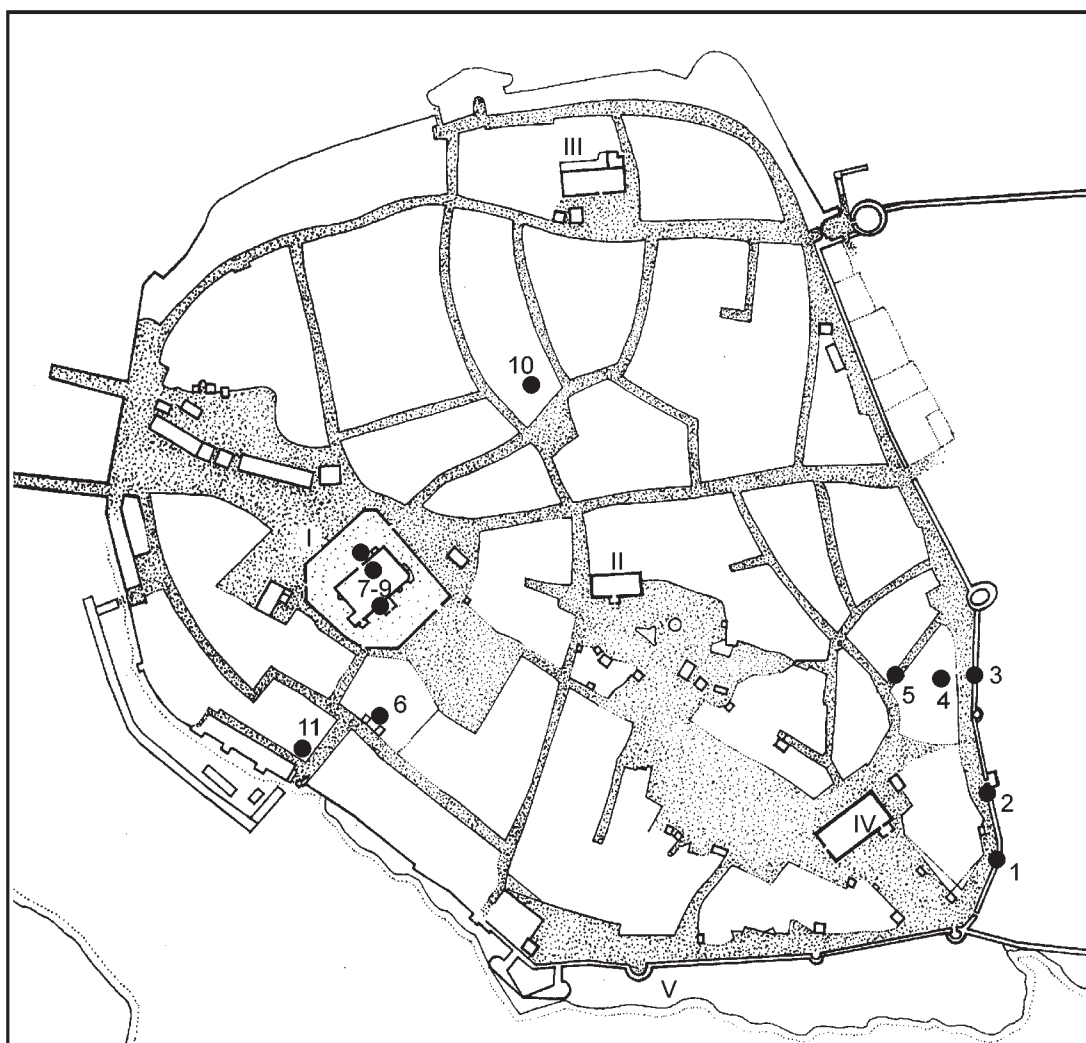

Рис. 2. Средневековый Выборг до начала регулярной застройки в 1640-х гг.: I — Кафедральный собор; II — Ратуша; III — главное здание францисканского монастыря; IV — главное здание доминиканского монастыря; 1–11 — археологические раскопки

Fig. 2. Medieval Vyborg prior to the beginning of regular housing development in the 1640's: I — Cathedral; II — town hall; III — main building of the Franciscan monastery; IV — main building of the Dominican monastery; 1–11 — excavation areas

В ходе раскопок выявилось также, что на территории будущего города до постройки шведами Выборгского замка в 1293 г. по берегам залива, вероятно, располагались карельские рыбацкие деревни. Основой их хозяйства были рыболовство и животноводство, которые были востребованы и растущим населением замкового острова. Не исключено, что на протяжении всего средневековья карелы составляли значительную часть жителей торгового поселения, возникшего в первой половине XIV в. на материковом мысу напротив замка, а затем и города Выборга.

Мы также нашли объяснение факту отсутствия в центральной части города слоев, относящихся к этому раннему этапу истории города: во всех раскопах нижние горизонты датировались 1410–1420 гг. При этом известно, что Выборг получил городские привилегии в 1403 г. Раскопки в восточной части города показали, что ранний Выборг был практически полностью сожжен во время похода новгородцев 1411 г., что подтвердили известия новгородских летописей. Город пришлось восстанавливать заново. Больших перемен при этом не произошло, речь, видимо, шла именно о восстановлении, поскольку дома строились в основном на тех же местах и по площади они были такими же небольшими. Строительную деятельность на территории городского мыса ограничивал сложный скальный рельеф с его «лбами», перепадами и неровностями поверхности. В центре города господствует возвышенность — «гора», и поэтому лишь небольшие участки у ее основания и по берегам двух заливов были пригодны для возведения домов и прочих построек. Да и они изобиловали разного рода неровностями. По этой причине Выборг изначально развивался по отличной от других исторических городов побережья Балтики схеме — без деления на кварталы с межевыми участками, а отдельными «пятнами», отчего и его части развивались по-разному, а улицы, следуя рельефу, отличались кривизной.

Несмотря на это, после периода восстановления начался быстрый рост города, характеризовавшийся строительной деятельностью на всех участках и развитием торговли. Свидетельством этого являются отчеканенные между 1424–1479 гг. в Таллине (Ревеле), Тарту и Риге монеты, найденные в нижних горизонтах 3-метрового культурного слоя. В то же время среди находок преобладают поплавки и грузила от сетей, местная сероглиняная керамика, ножи, берестяные лапти и туеса. Экономическая основа жизни большинства горожан не изменилась. По-прежнему в хозяйстве преобладающее значение имели рыболовство и животноводство. Не изменились существенно и формы построек — это были, как и ранее, небольшие простые, отапливаемые печами-каменками дома площадью около 10 м². Торговля с городами Балтики находилась в руках небольшой группы немецких и шведских купцов. Преимуществом Выборга было его географическое положение, позволявшее служить посредником в торговле Руси с Западом. Известно, что в XV в. в городе действовали два монастыря (доминиканцев и францисканцев), работала школа, первое упоминание которой относится к 1409 г. (Ruuth 1982: 56, 168–170), а городская церковь была уже каменной (Hiekkanen 2007: 544–551).

Значительные изменения в облике Выборга и в его развитии в целом произошли после разрушительного пожара 1477 г. Город к этому времени был уже окружен только что отстроенной каменной стеной. Пожар не остановил последовательное развитие города. Напротив, он дал толчок к дальнейшему строительству, которое распространилось на новые, не используемые ранее из-за особенностей рельефа

участки в центральной части города, благодаря чему его площадь значительно увеличилась. В городской церкви, от которой после пожара остались лишь стены, были возведены новые своды. В то же время на протяжении всего средневековья с юго-восточной стороны «горы» значительная территория в самом центре города, изобилующая скальными выступами и углублениями, оставалась неосвоенной.

Интенсивная строительная деятельность после пожара 1477 г. сопровождалась кардинальными изменениями в домостроительстве. На смену небольшим строениям пришли вместительные дома с каменными печами, состоявшие зачастую из двух частей (рис. 3, 1). Это же относится к хозяйственным постройкам, предназначенным для содержания домашних животных. Их площадь уже достигала 25–50 м². Начинают появляться отдельные дворы с жилыми и хозяйственными постройками и межевые участки — основа будущих кварталов города. Обычными становятся конюшни и помещения для содержания коров и более мелких домашних животных. В постройках из двух частей, по всей видимости, одно помещение было предназначено для проживания людей, а второе — для содержания домашних животных. Разница между ними состояла лишь в том, что в жилой половине находилась печь и пол был ровнее.

В результате масштабной строительной деятельности накапливался обильно содержащий щепу и навоз слой темно-коричневой земли толщиной до 20–40 см, который поднимал и выравнивал дневную поверхность, создавая тем самым дополнительное место для нового строительства.

Постоянное проживание на одних и тех же участках способствовало возникновению уличной сети, первые очевидные следы которой прослеживаются в культурных слоях последней четверти XV — первой половины XVI в. (рис. 3). Возникает развитая дренажная система. Новым для этого времени явлением становится каменное строительство, пока только общественных зданий, таких как городская церковь, церкви монастырей доминиканцев и францисканцев и, вероятно, ратуша. Согласно средневековым источникам (Ruuth 1982: 53–55, 202), в Выборге существовала и купеческая гильдия, основанная не позднее 1485 г., следы которой мы выявили при раскопках у дома № 8 по ул. Выборгская (Сакса 2011б).

В последней четверти XV в. развитие города продолжается на территории, ограниченной каменной стеной 1470-х гг. Попытка завладения Выборгом войсками великого московского князя Ивана III в 1495 г., известная также по легенде о «выборгском громе», не оставила заметных следов в культурном слое этого времени.

В торговле с городами побережья Финского залива ведущее место по-прежнему занимал Таллин (Ревель). По материалам раскопок возникает ощущение, что город в этот период искал новую, соответствующую средневековью форму. Постройки на исследованных нами участках в центральной части города могли перестраиваться и видоизменяться по несколько раз на протяжении жизни одного-двух поколений — настолько быстро менялись экономическое состояние и потребности жителей города.

На рубеже веков Выборг уже представлял собой город, который мало отличался от других городских центров Балтики. В первой половине XVI в. заметно ускорило его экономическое развитие. Быстро менялись и форма, размеры, назначение построек, и целые территории дворов. Были освоены последние ранее незастроенные, неудобные низменные участки между группами домов. Организуется уличная сеть, и место прежних временных мостовых из тонких жердей и досок

Рис. 3. Выборг, раскопки 2011 г. на ул. Выборгская, 8: 1 — горизонт 8 (вторая половина XV в.), вид с В; 2 — горизонт 5 (XVI в.), вид с ЮВ

Fig. 3. Vyborg, excavations of 2011 at Vyborgskaya street, 8: 1 — horizon 8 (second half of the XV c.), view from the East; 2 — horizon 5 (XVI c.), view from the Southeast

занимают постоянные улицы с мощением из бревен и камней. Развивается дренажная система. Складывается ситуация, которая отражена на самой ранней карте конца 1630-х гг. (рис. 2).

Радикально меняется состав находок из культурных слоев первой половины XVI столетия. Господствующими формами становятся популярные европейские импорты — керамика различных форм, бытовые вещи, обувь, одежда, украшения и прочее. Наряду с отчеканенными в Таллине монетами (7 экз.) в обиходе появляются шведские монеты (5 экз.), из которых самые ранние чеканены в 1494–1500 гг. Усиливаются различия между частями города — экономическая и общественная жизнь сосредоточивается в центральной части.

Подтверждение этому предоставили раскопки (310 м²) на участке у дома № 8 по ул. Выборгская («дом купеческой гильдии») (рис. 3). Хорошо сохранившиеся горизонты деревянной застройки и находки наглядно демонстрируют произошедшие в период с начала XV в. до 1730-х гг. изменения в использовании территории в пределах одного межевого участка, в организации жилого и хозяйственного пространства, в материальной культуре. Внутри этого временного отрезка XVI в. особенно его первая половина и середина выделяются как наиболее яркий этап во всей ранней истории Выборга.

На участке начиная с конца XV в. и до 1567 г. располагалась купеческая гильдия Святого Духа⁴. Проживающие рядом с ней бюргеры и купцы наверняка относились к высшему сословию выборгского общества. Это отразилось в находках, датированных этим временем, среди которых представлена великолепная привозная столовая посуда, ножи с бронзовыми украшениями рукоятей, замки, 8 торговых пломб и 2 счетных жетона, 8 книжных застёжек, часть кожаного книжного переплета, а также многочисленные накладки. Отметим и медные иголки с шариками на концах, перстни, наперстки. Большой пожар, случившийся в 1575 г., прервал эпоху процветания. Последовавшие затем масштабные фортификационные работы по укреплению бастионами и пушечной Круглой башней городской стены, а также по строительству двух бастионов и куртин новой «Рогатой крепости» (Горнверка) потребовали мобилизации всех городских ресурсов.

Находки на этом участке книжных застёжек (рис. 4) и украшений предстают в новом свете в связи с результатами проведенных в 2004–2005 гг. раскопок дома Лютера в Виттенберге, где были найдены подобные выборгским книжные застёжки (Meller 2008: Abb. 6). Многочисленные аналогии выборгским вещевым находкам были обнаружены на территории монастыря св. Бригитты в Пирита, а также при раскопках других монастырей Балтики (Tamm 2002: 106–109).

Период расцвета Выборга в первой половине — середине XVI в. отличается известным противоречием между высоким европейским уровнем вещей и украшений и

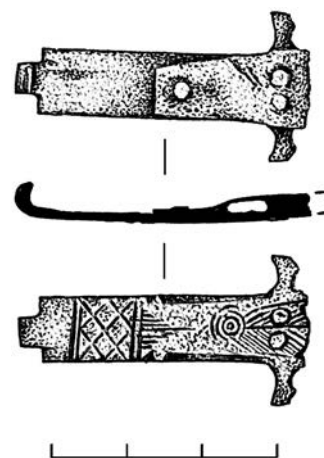

Рис. 4. Выборг, книжная застёжка середины XVI в., раскопки 2011 г.

Fig. 4. Vyborg, 2011 excavation area, book clasp of the middle of the XVI c.

⁴ В 1567 г. гильдия была закрыта в связи с Реформацией.

примитивностью бытовых условий. Жилые дома из камня начали строить в Выборге лишь после пожаров 1627–1628 гг., а массово такие дома появляются только с середины — второй половины XVII в., с началом осуществления в 1640-е гг. плана регулярной застройки Выборга.

Материалы проведенных нами раскопок в городе дают достаточно детальную и наглядную картину того, что собой представлял Выборг и какие в нем были условия жизни во времена, когда знаменитый уроженец местечка Перная Микаель сын Олави начал во второй половине 1510-х гг. учебу в выборгской школе. Можно предположить, что здесь господствовали дух быстро растущего и развивающегося торгового города и культурные влияния, которые приходили сюда из Любека, Данцига и других городов Балтики. Говоря о Выборге как о мультикультурном центре, необходимо учитывать то обстоятельство, что выборгские купцы и бюргеры занимались торговлей сначала с Новгородом, а затем начиная с 1470-х гг. с Московским великим княжеством и, что немаловажно, посреднической деятельностью между Русью и Западом.

В Выборг уже с конца XV в. стала поступать керамика — и так называемая немецкая каменная, и красноглиняная, представленная кружками, тарелками и горшками. В начале XVI в. это было новым явлением, и различные по форме, красиво украшенные кружки, миски и тарелки можно было увидеть почти в каждом доме. Эта распространившаяся по всем городам побережья Балтийского моря керамика показывает, насколько оживленной была в то время торговля на Балтике, как много иностранных торговцев одновременно могло находиться в Выборге и как быстро культурные и технологические достижения других стран доходили до Выборга. Практически все, что найдено при раскопках в Выборге из керамики, бытовых вещей, украшений, обуви и, видимо, одежды, является импортным и относится к общеевропейской культуре того времени.

Можно, следовательно, утверждать, что Микаель из Перная и его выборгские сверстники родились в «правильное время» — их окружала оживленная жизнь в интернациональном городе, который в культурном отношении соответствовал европейским городским центрам. Но если в остальных европейских городах речь шла об устоявшихся экономических и культурных традициях, то в Выборге все было вновь. Это открывало любознательным молодым людям широкие возможности проявить себя. Уровень обучения в выборгской школе был настолько высок, что позволил будущему епископу, реформатору церкви и основателю финского литературного языка Микаелю Агриколе, как и некоторым другим выпускникам школы, продолжить обучение в Виттенбергском университете в Германии. Агрикола был похоронен в 1557 г. в кафедральном соборе Выборга.

Литература

Липатов и др. 2017 — Липатов А. А., Сакса А. И., Смирнов А. М. Архитектурно-археологические загадки старого кафедрального собора в Выборге. Некоторые результаты исследований 2013 г. // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. Вып. 8 (1/2017). С. 167–189.

Сакса 2002 — Сакса А. И. Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.), Носов Е. Н., Пономарев В. С.

Культурное наследие Российского государства. 2002. СПб.: ИПК «Вести», 2002. Вып. 3. С. 150–164.

Сакса 2004 — *Сакса А. И.* Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Абдулина С. А. (сост.). Страницы выборгской истории. Выборг: Европейский дом, 2004. С. 569–584.

Сакса 2008 — *Сакса А. И.* Древний Выборг. Становление средневекового города // Дервянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 510–514.

Сакса 2009а — *Сакса А. И.* Раскоп на ул. Южный Вал в Выборге. Стратиграфия культурных напластований средневекового города // Мусин А. Е. (ред.-сост.) и др. Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 473–484.

Сакса 2009б — *Сакса А. И.* Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Носов Е. Н. (отв. ред.), Кирпичников А. Н., Платонова Н. И. (ред.). Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье: Докл. междунар. рос.-литов. семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 139–146.

Сакса 2011а — *Сакса А. И.* Развитие городской структуры средневекового Выборга (по материалам раскопок 2004–2007 гг.) // Вайтуявичюс Г. (ред.). Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Вильнюс: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2013. С. 35–41.

Сакса 2011б — *Сакса А. И.* Раскоп на ул. Выборгская, 8. К проблеме ранней истории средневекового Выборга // Гайдуков П. Г. и др. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания (7–9 апреля 2010 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 105–113.

Сакса 2014а — *Сакса А. И.* Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка на улице Выборгская, 8 («дом купеческой гильдии» начала XVII века) // Ситников А. Г. и др. (ред.). Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 3. С. 323–327.

Сакса 2014б — *Сакса А. И.* Старый кафедральный собор в Выборге — уникальный объект культурного наследия // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 261–270.

Сакса 2015 — *Сакса А. И.* Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Беляев Л. А. и др. (ред.). Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.

Сакса 2017 — *Сакса А. И.* «Дом купеческой гильдии» (Гильдия Святого Духа) в Выборге: к вопросу о локализации // Мусин А. Е. (ред.). В камне и бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2017. С. 511–524 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).

Сакса и др. 2013 — *Сакса А. И., Бельский С. В., Курбатов А. В., Полякова Н. Ю.* Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Зальцман Э. Б. и др. (ред.). Проблемы балтийской археологии: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калининградского ГУ, 2003. Вып. 1. 129–140.

Gardberg, Welin 1996 — *Gardberg C. J, Welin P. O.* Viipuri — kivistä rakennettu kaupunki. Helsinki: Otava, 1996. 143 s.

Hiekkanen 2007 — *Hiekkanen Markus.* Suomen keskiajan kivikirkot. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 1117. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. 650 s.

Meller 2008 — *Meller H.* Lutern Lebenswelten // Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. 2008. Bd I.

Ruuth 1982 — *Ruuth J. W.* Viipurin kaupungin historia, I osa. Vuoteen 1617. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistaneet R. Rosén, E. Kuujo, G. Kerkkonen, A.-V. Koskivirta, V. Nissilä, V. A. Tjulenev. Lappeenranta: Torkelin Säätiö, 1982. 364 s.

Saksa 2004 — *Saksa A. I.* Archaeological Cronology of Medieval Vyborg — preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Pirjo U. (ed.). *Fenno-Ugri et Slavi 2002. Dating and Chronology*. Saarijärvi: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004. S. 98–109.

Saksa 2009 — *Saksa A. I.* Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborgs (nach Materialien der Ausgrabungen 1998–2008) // Caune A., Ose T. (eds.). *The Hanza town Riga as mediator between east and west: Proceedings of an international scientific conference dedicated to 70 years of archaeological research in Riga held in Riga, Latvia, on 23–25 September 2008*, Riga: Institute of the History of Latvia, 2009. S. 152–162.

Saksa 2016 — *Saksa A. I.* The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012 // Uino P., Nordqist K. (eds.). *New Sites, new Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium*. Helsinki, 19–21 November, 2014. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys Rekisteriöity yhdistys; Finska Fornminnesföreningen Registrerad förening; The Finish Antiquarian Society, 2016. P. 246–261 (Iskos. 21).

Saksa et al. 2002 — *Saksa A., Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M.* New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // *Fennoscandia archaeologica*. 2002. 19. S. 37–64.

Saksa, Savolainen 2015 — *Saksa A., Savolainen P.* The Old Cathedral of Viborg. Historical Archaeology of the Easternmost Cathedral of the Swedish Empire // Andersson H. (ed.). *Papers from the conference on church archaeology in the Baltic sea region (26–30 august 2013, Turku)*. Helsinki, 2015. P. 53–70 (Mirator. 16, 1).

Saksa, Taavitsainen 2008 — *Saksa A., Taavitsainen J.-P.* Viipuri (Sw. Viborg, Ru. Vyborg) // Andersson H., Hansen G., Øye I. (eds.). *De første 200 årene — nytt blikk på 27 skandinaviske middelalderbyer*. Bergen: Universitetet i Bergen Arkeologiske Skrifter, 2008. S. 393–400 (Nordisk. 5).

Tamm 2002 — *Tamm J.* Eesti keskaegsed klostrit. Medieval monasteries of Estonia. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2002. 189 s.

VYBORG IN THE FIRST HALF AND THE MIDDLE OF THE XVI c., OR WHAT THE TOWN WAS LIKE IN THE TIMES OF MIKAEL AGRICOLA (ON THE OCCASION OF THE 500TH ANNIVERSARY OF THE REFORMATION)

A. I. SAKSA

Keywords: *Vyborg, Middle Ages, Modern Age, archaeological studies, wooden housing, material culture, Reformation, Agricola.*

As a result of the systematic archaeological study of Vyborg during the last two decades, new data on both the early history of the town and its development in the Middle and Modern Ages has become available. The thickness of the cultural layer reaches three meters. Of special interest are horizons of wooden constructions dated to the first half and the middle of the XVI c. and associated with the blossom of the medieval town. By the beginning of the XVI c., when Mikael Agricola, the future reformer of church and Finnish language, just started to go to school, the town was already formed and, in addition to the school, it had also its town hall, church, Dominican and Franciscan monasteries, guild of merchants and some other public organizations. There were fully formed urban quarters and main streets. Vyborg became one of the urban centers of the Baltic area.

МОНЕТНЫЙ КЛАД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КРЕПОСТИ КОПОРЬЕ¹

К. В. ГОРЛОВ², О. В. РОЖНОВА³

Ключевые слова: *клад, монеты, Смутное время, крепость, Копорье, жалованье, служилые люди.*

В 1970 г. в ходе археологических раскопок в крепости Копорье был найден монетный клад Смутного времени. В составе комплекса насчитывалось 52 монеты, из которых до настоящего времени сохранилась 31. Благодаря фотографии клада, сделанной вскоре после его обнаружения, стала возможной реконструкция его состава (рис. 1).

Клад состоит из монет Ивана IV (13), Федора Ивановича (2), Бориса Федоровича Годунова (21) и Лжедмитрия I (8). Еще две копейки могут принадлежать к чеканке либо Бориса Годунова, либо Лжедмитрия I. Размер клада с учетом утраченных монет (всего около 50 копеек) нетипичен ни для капиталов торговцев и ремесленников, живущих в городах, ни для крестьян (от одного до 3–6 рублей).

Для интерпретации клада важное значение имеет обнаружение его внутри крепостных стен, что позволяет увидеть во владельце служилого человека, несшего службу в гарнизоне Копорья. Денежное жалованье стрельцов «городовых» составляло 50–75 копеек в год, так что обнаруженный в Копорье клад представляет собой, вероятнее всего, жалованье служилого человека, сокрытое в начале XVII в. и оставшееся невостребованным.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-149-157

Введение

В ходе работы с нумизматической коллекцией Краеведческого музея г. Ломоносова авторами была изучена группа русских серебряных монет (31 экз.), представленных эмиссиями Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова и Дмитрия Ивановича (далее Лжедмитрия I).

Из музейной описи следует, что данные монеты являются кладом, обнаруженным в ходе археологических раскопок крепости Копорье, проведенных в 1970 г. В музей г. Ломоносова клад был передан вместе с остальной коллекцией находок.

В нумизматической литературе монетный клад из Копорья не упоминается (см., напр.: Мельникова 2003), хотя сведения о нем опубликованы: «Московский

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Отдел охранный археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Краеведческий музей г. Ломоносова», г. Ломоносов, 198412, Россия.

период представлен <...> кладом русских серебряных монет XVI — самого начала XVII в. (42 монеты)» (Кирпичников, Овсянников 1971: 26). В книге О. В. Овсянникова приведена фотография комплекса с подписью «Клад серебряных монет конца XVI — начала XVII века, найденный археологами в Копорской крепости» (Овсянников 1976: 99). Клад упомянут также в отчете экспедиции: «Особый интерес представляет находка клада русских средневековых монет конца XVI — начала XVII в. (Рис. 48)⁴. Клад происходит из среднего горизонта, который предварительно можно датировать московским периодом (рубеж XV–XVI вв. — начало XVII в.)» (Овсянников 1970: 5).

В настоящее время в музее из состава клада хранится только 31 монета. В статье А. Н. Кирпичникова и О. В. Овсянникова речь идет о 42 монетах. В тексте отчета данные о количестве монет отсутствуют. На фотографии клада, отличающейся высоким качеством изображения (рис. 1), авторам удалось идентифицировать не менее 52 монет. По-видимому, в тексте публикации была допущена опечатка⁵.

Определение 31 монеты было осуществлено при работе с коллекцией в музее. Еще 15 монет, утраченных к настоящему времени, удалось атрибутировать по фотографии; в таблице они описаны без указания веса. Таким образом, из состава клада к настоящему времени остаются неизвестны восемь монет, что в целом не влияет на информативность находки и позволяет рассматривать комплекс как полноценный нумизматический источник.

Состав клада

Правление Ивана IV представляют 13 монет, отчеканенных на Московском, Псковском и Новгородском денежных дворах. К столичной продукции относятся пять денег княжеского (1535–1547 гг.) и царского (1547–1584 гг.) периодов правления Ивана Васильевича (таблица, № 1–5).

К новгородской чеканке принадлежат пять копеек, две из которых относятся к анонимному типу № 3⁶, 1535–1547 гг. Определение еще одной копейки сделано по фотографии, на которой присутствует лицевая сторона, связанная с маточником № 2, что дает основание отнести монету к типам № 2–4, хотя, вероятнее всего, монета принадлежит к наиболее массовому типу № 3 (таблица, № 6–8). Еще две копейки с дифферентом ПС⁷ и К/ВА принадлежат к наиболее массовым выпускам периода 1547–1570-х гг. (таблица, № 9–10).

---

⁴ Рисунок 48 в отчете представляет собой фотографию клада, опубликованную в книге О. В. Овсянникова (НА ИИМК РАН, ФО, нег. I 74403).

⁵ Версия о том, что вместе с кладом могли быть сфотографированы также единичные монетные находки, несостоятельна, так как для них делались индивидуальные фотографии, ссылки на которые присутствуют в тексте отчета экспедиции. О монетах на фотографии как о едином комплексе говорит также их компактный в хронологическом отношении состав.

⁶ Здесь и далее типология монет приведена на основании каталога И. В. Гришина, В. Н. Клецинова и А. В. Храменкова (Гришин и др. 2015).

⁷ В последнее время предпринимались попытки пересмотреть предложенную А. С. Мельниковой связь некоторых типов копеек Ивана IV с денежными дворами (Сарайкин 2016: 273–287). Но предлагавшаяся переатрибуция не является общепринятой, поэтому во избежание путаницы мы приводим классическое определение монетных дворов по А. С. Мельниковой (Мельникова 1989).

Рис. 1. Монетный клад, найденный в 1970 г. в крепости Копорье

Fig. 1. Koprorye fortress, hoard of coins found in 1970

Псковский двор представлен тремя копейками, две из которых с дифферентом ГР и Р/IV относятся к наиболее многочисленным выпускам «царской» чеканки Ивана IV (таблица, № 11–12). Атрибуция третьей монеты установлена по фотографии, на которой изображен реверс, характерный для двух типов эмиссии 1560–1570-х гг. (таблица, № 13).

Относительно малочисленная чеканка Федора Ивановича отражена в составе комплекса московской деньгой с дифферентом НС 1584–1598 гг. и копеей Новгородского двора 1597 г. (таблица, № 14–15).

Эмиссии Бориса Годунова принадлежит 21 монета, выпущенная на Московском, Псковском и Новгородском дворах.

Московскую чеканку представляют «портретные» копейки (таблица, № 16–18), ставшие наиболее массовым продуктом столичной эмиссии. В составе кладов конца XVI — начала XVII в. им принадлежит 62,2 %. Все три монеты не несут следов разрушения лицевого маточника (стадия «Б4»), что датирует их 1600–1602 гг. (Зверев, Колызин 1996: 21, 22, табл. 7, 8).

Еще одна московская копейка определена по фотографии, на которой присутствует оборотная сторона, связанная с маточником № 2, который с различным сочетанием исподников участвовал в работе на протяжении всего правления Бориса Годунова (таблица, № 19).

Каталог монет клада, найденного в 1970 г. в крепости Копорье

№ п/п	Имя правителя (даты правления, гг.)	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки (гг.)	Дифферент	Тип*	Кол-во	Вес (г)
1	Иван IV (1533–1584)	Деньга	Московский	1535–1547	–	56	1	0,320
2	“–	“–	“–	1535–1547	?	О. с. 3	1	?
3, 4	“–	“–	“–	1570-е	ДЕ	78	2	0,340; 0,320
5	“–	“–	“–	1535–1584	?	?	1	?
6, 7	“–	Копейка	Новгородский	1535–1547	–	3	2	0,620; ?
8	“–	“–	“–	1535–1547	–	2–4	1	?
9	“–	“–	“–	1547–1550	ПС	6	1	0,635
10	“–	“–	“–	1560–1570-е	К ВА	14	1	0,665
11	“–	“–	Псковский	1547–1550-е	ГР	24	1	0,675
12	“–	“–	“–	1560-е – 1570	Р ИВ	27	1	0,630
13	“–	“–	“–	1560-е – 1570	?	26–27	1	?
14	Федор Иванович (1584–1598)	Деньга	Московский	1584–1598	НС	145	1	0,305
15	“–	Копейка	Новгородский	1597	О НОРЕ	111	1	0,650
16, 17	Борис Федорович Годунов (1598–1605)	Копейка	Московский	1600–1602	Б О о М	165	2	0,685; 0,615
18	“–	“–	“–	1600–1602	–	Л. с. 4	1	?
19	“–	“–	“–	1600–1605	?	О. с. 2	1	?
20–24	“–	“–	Псковский	1599	ПСРЗ	183	5	0,615; 0,615; 0,590; 0,655; 0,635
25	“–	“–	“–	1599	ПСРЗ	Л. с. 1	1	?
26, 27	“–	“–	“–	1603	ПС	200	2	0,675; 0,645

Окончание таблицы

№ п/п	Имя правителя (даты правления, гг.)	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки (гг.)	Дифферент	Тип*	Кол-во	Вес (г)
28, 29	“—	“—	“—	1604	ПС	201	2	0,640; 0,640
30–32	“—	“—	Новгородский	1600	О НОРН	209	3	0,700; 0,625; 0,640
33	“—	“—	“—	1604	Н РВИ	Л. с. 14	1	?
34	“—	“—	“—	1605	Н РГГ	241	1	0,680
35	“—	“—	“—	1598	О НО.РЗ	248	1	0,640
36	“—	“—	“—	1600–1601	?	О. с. 3	1	?
37–39	Лжедмитрий I (1605–1606)	“—	Псковский	1605	ПС	256	3	0,670; 0,620; 0,655
40	“—	“—	“—	1605–1606	ПС	257	1	0,665
41	“—	“—	“—	1605–1606	ПС	256–258	1	?
42, 43	“—	“—	Новгородский	1606	Н РАI	260	2	0,595; ?
44	“—	“—	“—	1605–1606	?	259–260	1	?
45	Борис Федорович Годунов или Лжедмитрий I	“—	Псковский	1604–1606	ПС	201 или 257	2	?
46	“—	“—	“—	1600 или 1605– 1606	ПС	Б. Г. Л. с. 3 Лждм. 257	1	?

* Л. с. — лицевая сторона монеты; О. с. — оборотная сторона монеты.

Из десяти копеек, отчеканенных в Пскове, шесть принадлежат к наиболее массовому типу № 183, выпускавшемуся с 1599 г. (таблица, № 20–25). Маточники для этих монет выполнены в новгородской стилистике (Мельникова 1989: 75, 76; 2005: 36).

Четыре псковские копейки с дифферентом ПС, датирующиеся 1603 и 1604 г. (таблица, № 26–29), изготовлены уже в московской стилистике.

А. С. Мельникова полагала, что в годы правления Бориса Годунова Псковский двор занимал самое скромное положение (Мельникова 1989: 75). В более поздней работе исследователь, ссылаясь на топографию кладов 1599 и 1600 гг., отмечает возросшую продуктивность в работе Псковского двора, ставшего в 1695 г. главными воротами поступления серебра с Запада (Мельникова 2003: 12).

Преобладание в кладе псковских монет Бориса Федоровича совпадает с последним мнением и подтверждает высокую интенсивность чеканки монет в Пскове.

Новгородский двор представлен семью датированными копейками. Наиболее ранняя бита в 1598 г. и в легенде оборотной стороны несет имя Федора Ивановича (таблица, № 35), от лица которого Борис Годунов на заре своего правления осуществлял монетные выпуски (Мельникова 1989: 65, 66). Еще шесть монет принадлежат к наиболее распространенным типам 1600 и 1605 гг. (таблица, № 30–34, 36).

Чеканка *Лжедмитрия I* представлена восемью копейками Псковского и Новгородского дворов.

К псковским выпускам принадлежат пять монет (таблица, № 37–41), битые штемпелями, снятыми с двух пар старых лицевых маточников с дифферентом ПС и нового оборотного, изготовленного предположительно иностранным резчиком, возможно немцем (Мельникова 1989: 87, 88; Зверев 2011: 84, 85). К типу № 256 принадлежат три монеты, оборотная сторона которых соответствует заключительной стадии разрушения маточника 1 (Б) (Зверев 2011: 86, табл. 3). К типу № 257 относится одна копейка, не несущая признаков разрушения оборотного маточника.

В Новгороде для выпусков монет *Лжедмитрия I* были приготовлены два новых датированных лицевых маточника и один оборотный (Там же: 86). Из состава клада с ними связаны три копейки, две из которых датируются 1606 г. (таблица, № 42, 43). Атрибуция третьей копейки осуществлена по оборотной стороне, присутствующей на фотографии, что позволяет соотнести ее с типами № 259–260 (таблица, № 44). По причине относительно плохого состояния новгородских монет проследить стадии разрушения или доработки оборотных маточников не представляется возможным.

Еще две монеты, определенные по фотографии, на основании анализа лицевой стороны могут быть отнесены в псковской чеканке Бориса Годунова 1604 г. или *Лжедмитрия I* 1606 г. (таблица, № 45, 46).

Младшие монеты клада чеканены в 1606 г., которым и определяется время таврации клада.

Особенности структуры клада

Наибольшее количество монет принадлежит к эмиссии Бориса Годунова, второе место занимает чеканка Ивана IV, третье — *Лжедмитрия I* и четвертое — Федора Ивановича.

Аналогичный состав прослеживается в подавляющем большинстве кладов Смутного времени и является результатом различной интенсивности работы денежных дворов в годы царствований монархов. Так, монеты Ивана IV и Бориса

Годунова, как правило, занимают доминирующее положение в комплексах (Мельникова 2003: 8). Лжедмитрий I за свое кратковременное правление также успел отметить массовую чеканкой. Письменные источники указывают, что к январю 1606 г. из казны было роздано 7,5 млн рублей, то есть 750 млн монет-копеек (Савченко 2012: 88). Примесь монет Федора Ивановича в составе комплексов традиционно незначительна (Мельникова 2003: 78–91).

Распределение монет Ивана IV и Федора Ивановича по денежным дворам в целом коррелирует с их производственной активностью, когда до конца 50-х гг. XVI в. массовая чеканка происходила в Москве, а на протяжении двух последующих десятилетий первенство переходит к Новгороду и Пскову (Мельникова 1989: 42–46; 2005: 11).

В годы правления Бориса Годунова ведущее положение занимает Московский двор, выполняющий, видимо, государственные заказы. Более скромное положение занимают Новгородский и Псковский дворы, работавшие за счет частных заказов (Мельникова 1989: 70; 2005: 36–38, 40).

Однако в составе клада из Копорья наблюдается обратная картина. Здесь доминируют псковские копейки, второе место принадлежит новгородской и только третье — московской чеканке.

А. С. Мельникова полагала, что в годы правления Лжедмитрия I основная масса монет чеканится в Москве (Мельникова 1989: 82). Однако А. В. Савченко указывает, что в кладах и коллекциях наиболее часто встречаются псковские копейки (Савченко 2012: 89).

В кладе из Копорья московские монеты Лжедмитрия I вообще отсутствуют. Больше всего здесь монет Псковского двора, которым немного уступают новгородские копейки.

Таким образом, в составе клада прослеживается зависимость преобладания монет тех или иных дворов от уровня их производительной активности.

Однако, начиная с выпусков Бориса Годунова, наблюдается доминирование монет Пскова и Новгорода, что объясняется региональными особенностями обращения денежных знаков, когда в условиях расстроенной экономики монеты обращались вблизи центров их чеканки (Векслер, Мельникова 1999: 85).

Отсутствие в кладе московских копеек Лжедмитрия I, судя по всему, является продолжением разрушения единого экономического пространства, которое с учетом внутреннего кризиса в государстве приобретает все более яркие черты.

Преобладание в составе клада монет номиналом копейка — типичное явление для русских средневековых кладов. Деньги, полушки и пуло оставались в повседневном денежном обращении, а копейки, как наиболее высокий номинал, выпадали в клады. Чеканке монет номиналом копейка отдавалось преимущество на всех денежных дворах после 70-х гг. XVI в. Клады времени Бориса Годунова на 80 % состоят из копеек (Там же: 100).

Все монеты из состава клада отчеканены в период действия трехрублевой монетной стопы с «уставным» весом 0,34 г для денег и 0,68 г для копеек (Мельникова 1989: 21). Ручная техника чеканки монет допускала весовые отступления от заданной весовой нормы как в меньшую, так и в большую сторону. В русские клады длительного накопления их владельцы откладывали, как правило, тяжелые монеты.

Взвешивание монет клада из Копорья показало значительное колебание их веса. Масса копеек варьирует от 0,590 до 0,700 г, при этом количественные пики падают на 0,620 и 0,640 г. Это обстоятельство свидетельствует, что, скорее всего, целенаправленного отбора монет по весу владелец клада при его накоплении не производил. Вероятно, это указывает на единовременное получение всего капитала⁸.

Принадлежность клада

Сокрытая в кладах сумма, с учетом утраченных монет составляющая около 50 копеек, нетипична ни для демократических капиталов торговцев и ремесленников, живших в городах, ни для крестьян. Для кладов сельского населения второй половины XVI — начала XVII в. обычной была сумма от одного до 3–6 рублей, для городского — немного больше (Мельникова 2003: 15).

Важным критерием при интерпретации клада выступает место его обнаружения внутри крепостных стен, что позволяет увидеть во владельце служилого человека, несшего службу в гарнизоне Копорья.

Из письменных источников следует, что денежное жалованье стрельцов «городовых» (то есть несших службу не в Москве) составляло всего 50–75 копеек в год и земельный надел по месту службы (Там же: 97). Известно, что в 1611 г. от стрельцов из Ладоги к московским властям последовала челобитная о невыплате жалованья. Согласно этому документу, рядовому стрельцу полагалось 2 рубля в год, а причиной челобитной было то, что казна не выплатила сумму полностью. В частности, за поход на Копорье было уплачено только по полтине, а за Ладогу — по рублю (Селин 2008: 153–154). Таким образом, в документах фигурируют суммы, близкие к сокрытым в депозитах Копорья. Обращает на себя внимание и отсутствие среди капиталов обоих комплексов «воровских» денег, которые не могли быть выданы из казны. Эти обстоятельства позволяют предположить, что обнаруженный в Копорье клад представлял собой сокрытое жалованье служилого человека.

В 2015 г. в Староладожской каменной крепости был обнаружен монетный клад, сокрытый в 1608 г. Особенности внутренней структуры клада и место находки позволили идентифицировать его как сокрытое жалованье служилого человека (Горлов и др. 2017).

Таким образом, клад из крепости Копорье входит в группу депозитов, сформированных из жалований служилых людей, полученных за военную службу. Точно известное место находки комплекса, достоверность состава и корреляция сокрытой в нем суммы с данными письменных источников о размерах выплат жалований военным превращают его в важный источник по истории Смутного времени.

Литература

Векслер, Мельникова 1999 — Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М.: Жираф, 1999. 272 с.

Горлов и др. 2017 — Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А., Травкин С. Н. Клад русских средневековых монет из Ладожской каменной крепости // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 211–236.

⁸ Анализ веса денег не приводится из-за малочисленности данных.

Гришин и др. 2015 — *Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт, 2015. 629 с.

Зверев 2011 — *Зверев С. В.* О монетах и медалях Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) 1605–1606 гг. // *Ширяков И. В.* (ред.). Нумизматические чтения 2011 года. Памяти А. В. Фомина: ТДиС (Москва, 21–22 ноября 2011 г.). М.: ГИМ, 2011. С. 80–87.

Зверев, Колызин 1996 — *Зверев С. В., Колызин А. М.* Некоторые вопросы работы Московского денежного двора в 1596–1606 гг. // *Мельникова А. С.* (ред.). Монеты, медали, жетоны: Сб. ст. М.: Археографический центр, 1996. С. 9–36.

Кирпичников, Овсянников 1971 — *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Раскопки в Копорье // *Археологические открытия 1970 года.* М.: Наука, 1971. С. 25–27.

Мельникова 1989 — *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.

Мельникова 2003 — *Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона-монета, 2003. 200 с.

Мельникова 2005 — *Мельникова А. С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец, 2005. 320 с.

Овсянников 1970 — *Овсянников О. В.* Отчет. Археологические раскопки в Копорье в 1970 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1970. Д. 29.

Овсянников 1976 — *Овсянников О. В.* Копорье. Историко-архитектурный очерк. Л.: Лениздат, 1976. 120 с.

Савченко 2012 — *Савченко А. С.* Новый псковский оборотный маточник с именем Дмитрия Ивановича // *Волков И. В.* (ред.). Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения П. В. Зубова (1862–1921): Материалы докладов и сообщений (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: ГИМ, 2012. С. 88–91.

Сарайкин 2016 — *Сарайкин А. С.* О месте и времени чеканки копеек Ивана Грозного // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* 2016. Вып. 2. С. 273–287.

Селин 2008 — *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. СПб.: Нестор-История, 2008. 196 с.

COIN HOARD OF THE TIME OF TROUBLES FROM THE FORTRESS OF KOPORIE

К. В. GORLOV, О. В. ROZHNOVA

Keywords: *hoard, coins, Time of Troubles, fortress, Koporie, salary, servicemen.*

A hoard of coins dating from the Time of Troubles was found in 1970 in the course of archaeological excavations in the fortress of Koporie. Originally the hoard included 52 coins, but only 31 of them are available for study now. The photograph of the hoard made soon after its discovery allowed to reconstruct its original content (Fig. 1). The hoard consists of coins of Ivan IV (13), Fyodor I Ivanovich (2), Boris Godunov (21) and False Dmitry I (8). Two more coins might have been minted under either Boris Godunov or False Dmitry I. The sum of money found in the hoard (just about 50 kopecks, taking into account lost coins) is too small to think it was hidden by a merchant, a craftsman or even a peasant. The location of the hoard inside the fortress walls suggests that its owner was a serviceman from the Koporie garrison. The fact that the year salary of a rank strelets (rifleman) was 50–75 kopecks makes this supposition even more feasible.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹

В. А. ЛАПШИН², Н. Ф. СОЛОВЬЁВА³

Ключевые слова: археология нового времени, Санкт-Петербург, сохранение культурного слоя.

Археология нового времени долгое время находилась на периферии внимания исследователей. В статье на примере раскопок последних лет показано, сколько новых исторических данных можно получить даже для такого хорошо обеспеченного письменными источниками объекта как Санкт-Петербург. Одновременно обращается внимание на проблемы охраны культурного слоя в условиях динамично развивающегося мегаполиса.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-158-170

Введение

На рубеже XX и XXI вв. во всем мире возрос интерес к археологии нового времени. Критерием стала необходимость использования археологических методов при изучении тех или иных объектов культурного наследия, их «археологизированность». Европейская конвенция об охране археологического наследия 1992 г. относит к его элементам «все останки и предметы и любые другие следы человеческой деятельности прошлых эпох, сохранение и изучение которых помогает проследить историю человечества и его связь с природной средой; основными источниками информации о которых являются раскопки или находки, а также другие методы изучения истории человечества и соответствующей природной среды...» (Всемирное наследие 1999: 162). Археология нового времени в последние два десятилетия приобрела «права гражданства» и в России, о чем свидетельствует выделение на III (XIX) Всероссийском археологическом съезде, состоявшемся в 2011 г. в Старой Руссе, секции «Археология Московского государства и Российской империи». Специфика этого раздела нашей науки — в возможности привлечения большого количества графических материалов и других письменных источников, что нисколько не умаляет значение классических методик раскопок и обработки материалов.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Отдел охранной археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Сотрудники ИИМК РАН одними из первых обратили внимание на археологические памятники на территории Санкт-Петербурга. Открытие культурного слоя Петербурга XVIII в. состоялось весной 1952 г., благодаря новаторским раскопкам, проведенным А. Д. Грачом (Грач 1957). В 1996 г. Г. С. Лебедев выступил с теоретическим и методическим обоснованием необходимости археологического изучения культурного слоя города нового времени (Лебедев 1996). В последующие два десятилетия археологи приступили к планомерному изучению культурного слоя и утраченных объектов города. Этому способствовало принятие Законодательным собранием Санкт-Петербурга 24 декабря 2008 г. Закона «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон».

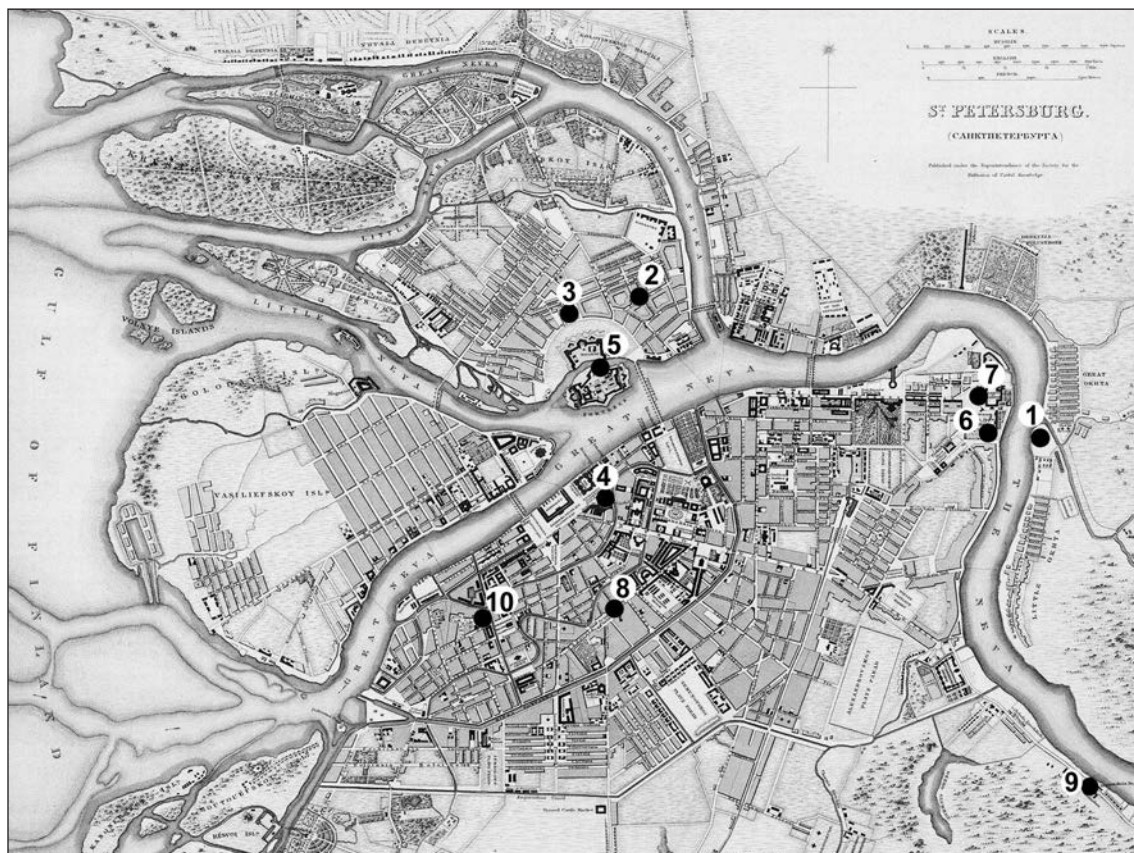
Археологическое наследие Петербурга дифференцируется хронологически и типологически. Хронологически выделяются два основных блока — допетровское время (неолит — 1703 г.) и петербургское время (1703–1917 гг.). Памятники первого блока позволяют вести изучение предыстории города, то есть археологических следов и культурных ландшафтов допетровского времени от неолита до шведского периода. Археологические источники являются для этой тематики ключевыми, иногда единственными. Изучение объектов второго блока дает археологический срез проблем исторической топографии, истории градостроительства и архитектуры Петербурга XVIII–XX вв. Археологические данные существенно уточняют и конкретизируют динамику градостроительной эволюции, известную по картографическим и иконографическим материалам, многочисленным письменным источникам.

В последние годы специалисты ИИМК РАН провели ряд широкомасштабных археологических исследований. Объемы и характер этих работ различны — от археологического надзора за земляными работами до широкомасштабных раскопок. Они дали нам ценную информацию о наличии, распределении и характере первобытного слоя в пределах города и области и о трагической и героической судьбе первых строителей Петербурга. Археологические исследования велись примерно в 100 пунктах на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей. В этой небольшой статье мы расскажем о нескольких наиболее важных из них.

Охтинский мыс (2010 г.; рис. 1, 1)

Одним из самых крупных в истории спасательных археологических работ в условиях мегаполиса по объему финансирования, количеству задействованных специалистов из разных регионов России, площади раскопок и их результатам стал проект по изучению Охтинского мыса. На 45 раскопах общей площадью более 17 000 м², расположенных на северной оконечности и вдоль восточного и южного края мыса, исследованы культурные отложения средневековья — нового времени, на девяти раскопах общей площадью около 4000 м² — культурные отложения эпохи первобытности.

В результате работ были изучены следующие объекты археологии: 1) культурные слои эпох неолита–палеометалла (IV–III тыс. до н. э.); 2) участки внутренней и внешней оборонительной линии рвов шведской крепости Ландскрона (1300–1301 гг.); 3) фортификационные сооружения двух периодов существования шведской крепости Ниеншанц в виде сохранившихся рвов и нижних частей деревоземляных бастионов (1611–1656 и 1656–1703 гг.); 4) позднесредневековый могильник; 5) остатки строений Охтинской верфи XVIII–XIX вв.

Рис. 1. Наиболее важные объекты, исследованные на территории Санкт-Петербурга ИИМК РАН в последние годы: 1 — Охтинский мыс; 2 — кладбище на Большой Посадской ул.; 3 — кладбище на Сытнинской ул.; 4 — квартал во дворах здания Главного штаба на Дворцовой пл.; 5 — погребения жертв красного террора в Петропавловской крепости; 6 — комплекс зданий на Тульской ул.; 7 — фундамент колокольни Смольного монастыря; 8 — фундамент церкви Успения на Сенной пл.; 9 — фундамент Скорбященской церкви; 10 — основание стен «Литовского замка» (городской тюрьмы). В качестве подосновы использована карта Санкт-Петербурга 1834 г.

Fig. 1. Most important objects that have been studied by IHMC RAS in St. Petersburg in recent years: 1 — Okhta promontory; 2 — cemetery on Bolshaya Posadskaya street; 3 — cemetery on Sytninskaya street; 4 — quarter in the inner yards of the General Staff building on Dvortsovaya square; 5 — burials of victims of the Red Terror in the Peter-and-Paul Fortress; 6 — complex of buildings on Tulskaia street; 7 — base of the bell tower in the Smolny Monastery; 8 — base of the Assumption Church on Sennaya square; 9 — base of the Joy of All Who Sorrow Church; 10 — base of walls of the «Lithuanian Castle» (city prison). The map of St. Petersburg in 1834 was used as a sub-base

К новому и новейшему времени относятся фундаменты и остатки заглубленных сооружений Охтинской верфи и Петрозавода, немногочисленные погребения в северной, северо-западной и восточной частях мыса. Особый интерес среди изученных конструкций этого периода представляет бассейн для маломерных судов. Под конструкциями Петрозавода и Охтинской верфи сохранились рвы и фрагменты бастионов шведской крепости Ниеншанц первого (1611–1656 гг.) и второго (1656–1703 гг.) строительных периодов. Были исследованы сохранившиеся

фрагменты Старого, Мертвого и Карлова бастионов и участки окружающих их рвов. В заполнении рвов найдены человеческие останки из разрушенных погребений могильника позднего средневековья и артефакты эпох неолита и энеолита. Особый интерес представляют результаты исследования сохранившихся участков внешнего и внутреннего северных рвов шведской крепости Ландскрона (1300–1301 гг.). Проведено археологическое изучение наиболее ранних слоев, содержащих следы пребывания первобытного человека на Охтинском мысу. Выявлены места значительной концентрации археологических находок и сооружения, связанные с промысловой деятельностью. Слои эпохи первобытности настолько специфичны, что атрибуция памятника возможна только с учетом геологических данных (Никитин 2010; Шитов и др. 2010). На подавляющей части территории современного Охтинского мыса формирование отложений с артефактами происходило в условиях мелководного морского залива, что позволяло первобытному человеку интенсивно использовать территорию для рыбной ловли (Базарова и др. 2010). Обнаружение и изучение принципиально новых памятников эпохи первобытности на Охтинском мысу позволит реконструировать по данным археологии и палеогеографии рельеф местности, окружавшей человека позднего каменного века; установить биоценозы, свойственные этой эпохе, применительно не только к локальному району, но и для всего Северо-Западного региона, выявить культурную специфику населения данного региона и установить направление и спектр культурных связей. В процессе работ экспедиции была значительно усовершенствована методика фиксации археологических объектов, в дальнейшем с успехом применяемая на всех охранно-спасательных раскопках ИИМК РАН.

Большая Посадская ул. (2011–2012 гг.; рис. 1, 2)

В старейшей части города — Петроградской стороне, на пересечении Большой Посадской и Малой Монетной улиц были заложены два раскопа общей площадью 1600 м². Мощность культурных напластований превышает 2 м и охватывает почти всю историю становления и развития города. Здесь обнаружено кладбище первых строителей Санкт-Петербурга, судя по антропологическим характеристикам, крестьян из близлежащих ижорских или карельских деревень (Казарницкий, Ширококов 2014). Кладбище находилось в 700 м от Заячьего острова, на котором возводились земляные бастионы Петропавловской крепости. Оно функционировало небольшой промежуток времени, в первые годы строительства Санкт-Петербурга. В 1710-х гг. прокладывается Большая Посадская улица и происходит хозяйственное освоение участка. Обращает на себя внимание уникальная для этого времени концентрация монет Петра I, чеканенных в 1705–1720 гг. — 30 экз. (Городилов, Седых 2014). Во второй половине XVIII в. наблюдается запустение квартала, по-видимому, участок использовался под сельскохозяйственные нужды. Таким образом, впервые фиксируются регрессивные периоды в формировании участка одной из центральных частей Санкт-Петербурга XVIII в. В 1830-х гг. на этой территории происходят существенные изменения. Все обветшавшие деревянные строения на участке сносятся, а на их месте возводится деревянный дом на каменном фундаменте с подвалом, просуществовавший с незначительными перестройками до 1940-х гг. (Лапшин, Глухов 2013; Лапшин, Городилов 2013).

Сытнинская ул. (2013 г.; рис. 1, 3)

Одним из важнейших открытий археологов ИИМК РАН на территории Санкт-Петербурга стало обнаружение и исследование в 2013–2014 гг. массовых захоронений первых строителей города на Петроградской стороне рядом с Петропавловской крепостью на пересечении Сытнинской и Кронверкской улиц. Гробы найдены в единичных случаях. Как правило, завернутые в грубую ткань или плетеную лыковую циновку тела укладывали в несколько слоев в два ряда прямо в большие ямы. Во всех погребениях найдено очень мало вещей: лишь у некоторых умерших были кресты-тельники, лапти, еще реже — кожаная обувь. Всего выявлено 255 скелетов. Два погребения индивидуальные: согласно данным антропологов останки из погр. 3 принадлежали мужчине 50–60 л., в погр. 5 был захоронен мужчина 25–35 л. Остальные погребения — коллективные: в погр. 1 найдены скелеты 114 человек, в погр. 2 — 104 человек, в погр. 4 — 31 человека, в погр. 6 — четырех человек. Поскольку коллективное захоронение в каждой яме совершалось одновременно, есть основания связать столь массовую смертность с эпидемией. Как показали исследования антропологов, здесь, в отличие от кладбища на Посадской ул., похоронены люди, привезенные со всей европейской части России. Выражение «Петербург построен на костях» обрело материальное воплощение.

Восточное крыло здания Главного штаба (2009–2011 гг.; рис. 1, 4)

В связи с реставрацией ансамбля Главного штаба на Дворцовой площади и задачей здания Государственному Эрмитажу масштабные археологические раскопки общей площадью 1000 м² были проведены сотрудниками ИИМК РАН в 2009–2011 гг. во дворах Восточного крыла здания. В результате раскопок обнаружены остатки застройки участка в XVIII — начале XIX в., что дает возможность уточнить планировку этой части Петербурга, начиная с деревянной застройки первой четверти XVIII в. Археологические исследования позволили выявить целый ряд деталей и сооружений Карла Росси, оказавшихся под землей в результате многочисленных ремонтов и перепланировок в XIX–XX вв. (Аветиков и др. 2011).

Петропавловская крепость (2012 г.; рис. 1, 5)

Исследования в Санкт-Петербурге изменили привычные представления о хронологических границах археологии. Как пример — исследования погребений жертв красного террора 1918–1919 гг. в Петропавловской крепости. Арестованные содержались в крепости, здесь же были расстреляны и похоронены у крепостной стены. В одном случае с помощью генетической экспертизы установлено имя расстрелянного (Кильдюшевский, Петрова 2011). В то же время в ходе наблюдений реставраторов за земляными работами на шпиге Меншикова бастиона Петропавловской крепости выяснилось, что внутри каменного бастиона почти полностью сохранился вал деревоземляной крепости 1703 г., верх которого выявлен на отметке 7,2 м БС. Расчищены остатки дерновой облицовки вала с укреплением дерна деревянными кольями, полы которого были подрезаны при возведении внешней и внутренней стен каменного бастиона, а в процессе наблюдений за земляными работами при реставрации Петропавловского собора в крепости было обнаружено кирпичное основание портика, сооруженного в 1727 г. Д. Трезини и разрушенного во время пожара 1756 г.

Тульская ул. (2012 г.; рис. 1, б)

Масштабные исследования на площади 2000 м² проведены в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом. Участок находится в значительном отдалении от первоначального центра города. Поэтому неожиданной была находка горизонта деревянной застройки середины — второй половины XVIII в. (дендродаты построек 1750, 1767, 1778 и 1783 гг.). Уже в конце XVIII в. здесь начинается каменное строительство и возникает «казенный питейный дом», фиксируемый в архивных материалах лишь в середине XIX в. Особенностью комплекса являются многочисленные находки монет — более 1600 экз. начиная со второй четверти XVIII в. Столь раннее развитие квартала, удаленного от города середины XVIII в., по-видимому, связано с переправой, которая соединяла устье Охты с левым берегом Невы и функционировала еще до основания Санкт-Петербурга, по крайней мере в эпоху шведского города Ниена (Михайлов и др. 2011; Лапшин и др. 2013).

Сопоставление дендродат со временем чеканки монет позволяет выяснить время обращения монет. Для сопоставления отобраны монеты из слоев функционирования комплексов. Выясняется, что монеты первой половины — середины XVIII в. находились в обращении длительное время и не могут датировать постройки. Наиболее поздние монеты из построек нижнего горизонта дают дату *terminus post quem* для построек верхнего горизонта. Таким образом, каменная постройка № 2, перекрывавшая деревянную постройку № 6 (1750 г.), могла быть возведена не ранее 1798 г. По-видимому, к рубежу XVIII–XIX вв. относится и возведение каменных построек № 1 и 3, перекрывавших деревянные постройки № 5, 7а, 8 и 9. Отметим, что в заполнении всех каменных построек, функционировавших в XIX — начале XX в., также найдены монеты XVIII в. Таким образом, мелкая медная монета XVIII в. находилась в обращении длительное время — не менее 70 лет, что заставляет с осторожностью относиться к датирующим возможностям монет этого периода (Лапшин, Тарабардина 2014).

Колокольня Смольного монастыря (2009–2010 гг.; рис. 1, 7)

Изучение основания колокольни Смольного монастыря — пример археологических исследований с целью выявления нового объекта культурного наследия. Оно позволило детализировать строительную технологию середины XVIII в., о которой в письменных источниках нет сведений. Ансамбль Смольного монастыря — один из шедевров русской архитектуры XVIII в. имел сложную судьбу. Строительство заканчивалось после смерти автора проекта Ф.-Б. Растрелли. Доминанта ансамбля — пятирусная колокольня — так и не была достроена. Чертежи фундаментов не сохранились. После того как недостроенная колокольня была разобрана в 1833 г., информация о ее архитектурных характеристиках могла быть получена только при раскопках. Археологические исследования позволили уточнить строительную технологию. Важной деталью является зафиксированная проливка края котлована известковым раствором. Выявлены фундаментная платформа колокольни 34 × 34 м, сложенная из известняковых плит в семь слоев, архитектурные детали из камня и гипса, а также штукатурка, сохранившая окраску. В слое преобладали находки второй половины XVIII в., в том числе фрагменты фаянсовой посуды с датами в клеймах: 1771, 1773 и 1774 (Лапшин и др. 2010; 2011).

Церковь на Сенной пл. (2013 г.; рис. 1, 8)

В последние годы начато восстановление храмов, разрушенных в советский период. В связи с идеей воссоздания церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной) ИИМК РАН провел архитектурно-археологические исследования сохранившихся фрагментов архитектуры храма. Церковь простояла на Сенной площади с 1765 г. по 1961 г. В момент своего расцвета храм обладал богатым внутренним убранством, а его колокольня была второй по высоте в городе, уступая лишь колокольне Петропавловского собора. На раскопе площадью 1537 м² были выявлены и исследованы сохранившиеся архитектурные конструкции церкви, внутрицерковные погребения, слои строительства и разрушения храма, погребенная почва и, фрагментарно, городской культурный слой XVIII–XIX вв. (Семёнов и др. 2014).

Скорбященская церковь (2013 г.; рис. 1, 9)

Также под планируемое воссоздание утраченного храма проведено археологическое вскрытие остатков церкви Иконы Божьей Матери Всех Скорбящих Радости (Скорбященская церковь) на проспекте Обуховской обороны, неподалеку от Финляндского железнодорожного моста. В процессе раскопок были выявлены особенности строительной техники, условия строительства храма, собрана большая коллекция находок: фрагменты монументальной живописи, архитектурные детали и предметы интерьера, дающие представление о внешнем облике храма и о его внутреннем убранстве (Новосёлов, Михайлов 2014).

«Литовский замок» (2012–2014 гг.; рис. 1, 10)

Знаменитая Санкт-Петербургская Градская тюрьма располагалась на землях, которые входили в состав шведских поместий и угодий XVII в., но сведений о непосредственной застройке этого места ранее XVIII в. не обнаружено. С усадебным периодом второй — третьей четверти XVIII в. (до сооружения Крюкова канала и строительства «Литовского замка») связан слой с включениями органики и битого кирпича, горизонт деревянных построек, впущенных ниже поверхности материка, и остатки береговых укреплений пруда. К периоду строительства «Литовского замка» в 1783–1787 гг. и дальнейших его перестроек в XIX в. относятся: фундаменты восточного и западного корпусов замка, остатки северо-западной башни, кирпичная галерея-коллектор в юго-восточной части участка, фрагменты бульжного и каменного мощения помещений и двора замка, слой строительства замка, состоящий из кирпичного боя, подсыпка из серого песка, предшествовавшая строительству фундаментов (Семёнов 2013; Михайлов, Соловьёв 2014). Здание тюрьмы конца XVIII в. было сожжено во время революции. В 1929 г. было принято решение о его сносе. Впоследствии на месте Литовского замка были выстроены современные дома. В настоящее время планируется строительство нового жилого дома. Наиболее хорошо сохранившееся основание угловой башни замка, при условии его исследования, могло бы быть музеефицировано в подвале нового здания.

Собор св. Екатерины в г. Пушкине (2006–2007 гг.)

Царское Село (г. Пушкин), резиденция российских императоров под Санкт-Петербургом, стало настоящей жемчужиной архитектуры и садово-паркового искусства XVIII–XIX вв. благодаря амбициям правящей династии Романовых,

влиянию православной церкви и вдохновенному труду великих зодчих, прекрасных художников и замечательных мастеровых. Особую роль в формировании облика Царского Села, как и всех больших и малых российских городов, играли храмы. Среди них, прежде всего, следует упомянуть главный городской собор Святой великомученицы Екатерины. Храм был возведен по именному повелению императора Николая I в 1835–1840 гг. выдающимся российским архитектором К. А. Тоном. Собор Святой Екатерины находился на Центральной площади Царского Села и был единственной высотной доминантой в исторической застройке регулярной части города. Золоченые купола Екатерининского собора были видны при подъезде к Царскому Селу по железной дороге, строительство которой велось одновременно с возведением храма.

В июне 1939 г. собор Святой великомученицы Екатерины был взорван. Великолепный ансамбль на площади распался, она утратила свое название и была превращена в обычный проходной сквер. В 1960 г. в центре сквера на остатках собора воздвигли памятник В. И. Ленину.

В связи с решением о воссоздании Екатерининского собора ИИМК РАН провел в 2006–2007 гг. археологические раскопки сохранившегося фундамента собора. Впервые в истории Санкт-Петербурга и его пригородов были полностью открыты все архитектурные остатки столь грандиозного сооружения. Задачи археологического изучения собора Святой великомученицы Екатерины в г. Пушкине были продиктованы отсутствием архивных данных, требующим раскрытия оригинальных конструкций, относящихся ко времени строительства собора. Полевые исследования позволили наглядно убедиться в сложной строительной истории Екатерининского собора, насчитывающей несколько ремонтов и реконструкцию, осуществлявшуюся в конце XIX в. Одного взгляда на расчищенный сохранившийся фундамент достаточно, чтобы представить, сколь грандиозным был собор. В подвальных помещениях сохранились остатки стен, основание престола, вымостки полов, инженерные коммуникации и фрагменты печей. Археологам удалось проследить, как и сколько раз ремонтировали собор, с какими проблемами сталкивались мастера, заменяя коммуникации, печи и тепловые каналы. По результатам археологических раскопок была пересмотрена концепция восстановления собора в связи с сомнениями, основанными на инженерных расчетах, согласно которым изначальный плиточный фундамент мог не выдержать предполагаемую нагрузку. Специалистами было рекомендовано возвести новый фундамент с частичной музеефикацией оригинального фундамента собора. В 2010 г. собор Святой Екатерины был воссоздан. Он полностью тождествен оригиналу. Залогом тому во многом послужили проведенные историко-архивные и археологические изыскания. Остатки исторического фундамента, исторические документы и обнаруженные в процессе раскопок находки размещены в подвальной части вновь возведенного храма, где организован музей истории собора Святой Екатерины.

Культурный слой раннего Петербурга — объект культурного наследия

Исследования, проведенные ИИМК РАН в последние годы на территории Санкт-Петербурга, показали результативность археологического изучения отложений нового времени. Получен огромный объем информации по истории города, выявлены, казалось бы, безвозвратно утраченные архитектурные объекты. Лишь

малая часть из них воссоздается или музеефицируется. Пройдя довольно длительную стадию организационного становления, археология Санкт-Петербурга в 2010–2014 гг. переживала период подъема. С каждым полевым сезоном число вновь выявленных объектов на территории города увеличивалось. Для оперативного введения в научный оборот новых материалов с 2010 г. предпринято серийное издание — Бюллетень ИИМК РАН — периодические сборники статей, касающихся археологических проектов, выполненных в рамках договорной деятельности Института, в том числе на территории Санкт-Петербурга.

В то же время активная жизнедеятельность современного мегаполиса представляет реальную угрозу сохранению археологического наследия. Культурный слой подвергается массивному воздействию комплекса антропогенных факторов: развитие жилой и промышленной инфраструктуры, транспорта, коммуникаций. Археологи вынуждены в своих полевых исследованиях не выходить за границы участков, выделенных под застройку или прокладку коммуникаций, не имеют возможности доследовать целиком выявленные объекты, выходящие за пределы участков строительства. Яркий пример — невозможность раскрыть целиком угловую башню «Литовского замка», выходящую за границу пятна проектируемого жилого дома.

Любой след человеческой деятельности прошлого является охраняемым археологическим объектом, независимо от регистрации органом государственной власти. Эта норма содержится в Федеральном Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г.: археологические объекты считаются выявленными объектами культурного наследия со дня обнаружения (Закон № 73-ФЗ).

С 12.03.2009 г. вступил в действие Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 г. № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга»» (Закон Санкт-Петербурга 2009). Закон рассматривает территории исторического культурного (археологического) слоя как исторически ценные градоформирующие объекты. К ним отнесены планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными), объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты.

Территории участков археологического слоя Санкт-Петербурга состоят из двух подзон: археологических раскопок 3А 1 и археологического надзора 3А 2. 3А 1 — наиболее ценные в научном отношении участки археологического слоя. 3А 2 — менее ценные или недостаточно изученные участки археологического слоя.

В состав зоны охраняемого культурного слоя «Петербург XVIII века» включены территории Петербурга, освоенные к рубежу XVIII–XIX вв., имевшие плотность усадебной застройки не менее 30–50 %. Границы зоны охватывают исторические

районы Санкт-Петербурга, с некоторыми территориальными расширениями и исключениями. К зоне отнесены дополнительные территории со своими границами: Галерная гавань, Каменный остров, Елагин остров, Екатерингоф. Общая площадь — 38,651926 км². Общий периметр — 64,311185 км. В границах зоны установлен режим ЗА 2. В границах указанной зоны выделены два участка раннего и ценного слоя с режимом ЗА 1. Зона «Центр Петербурга петровского времени» включает территории фортификационных сооружений, административной, производственной и парадной усадебной застройки, первых храмов Санкт-Петербурга на Заячьем острове, в юго-восточной части Петроградского острова, на стрелке Васильевского острова, на большей части 1-го и 2-го Адмиралтейских островов. Общая площадь — 1 км². Общий периметр — 4 км. Зона «Устье р. Охты» включает гнезда позднесредневековых поселений и могильник Невского городка, центральную часть города Ниена с двумя храмами и некрополями XVII в., крепости Ландскрона 1300–1301 гг., Ниеншанц XVII в. и поля битв при них, два храма и некрополь XVIII в.

Особые требования в ЗА 1. Работы, связанные с углублением в грунт, производятся только при условии предварительных спасательных археологических раскопок, обеспечивающих полное изучение культурного слоя в границах участка работ. На участках с разрушенным археологическим слоем (включая замену инженерных коммуникаций по старым трассам без понижения глубинных отметок) допускается ведение земляных работ под археологическим надзором.

Особые требования в ЗА 2. Работы, связанные с углублением в грунт, допускаются только после проведения предварительных разведочных археологических исследований и принятия решения о характере спасательных археологических исследований, непосредственно связанных с земляными работами (надзор, частичные или полные спасательные раскопки). В случае обнаружения в ходе археологического надзора участков археологического слоя, остатков сооружений или отдельных объектов, ценных в научном отношении, следует приостановка работ и проведение спасательных раскопок (подробнее см.: Плоткин 2010).

После принятия Закона Санкт-Петербурга № 820-7 развернулось масштабное археологическое изучение исторического культурного слоя города. Однако ни до принятия закона, ни после его вступления в силу культурный слой Санкт-Петербурга не был принят к учету как выявленный объект культурного наследия, что привело к практически полному прекращению его изучения методом раскопок или проведения археологического наблюдения за земляными работами хозяйствующих субъектов на участках с поврежденным культурным слоем после принятия в конце 2013 г. нового «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (Положение... 2013). Поскольку согласно Положению археологические наблюдения и раскопки могут проводиться исключительно на выявленных объектах культурного наследия, получение разрешений (Открытых листов) на указанные виды археологических работ на территории Санкт-Петербурга стало невозможным.

За исследователями сохранилось право лишь на проведение разведывательных работ с целью выявления объектов культурного наследия, которые принимаются к учету в порядке, установленном ФЗ-№ 73 об объектах культурного наследия. Казалось бы, с точки зрения законодательства оснований для беспокойства за сохранение культурного слоя раннего Петербурга нет: выявленный участок культурного

слоя принимается к учету и охране и его состоянию ничто не угрожает. На практике дело обстоит совсем не так радужно — государственный орган, отвечающий за сохранение объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга (КГИОП) — использует любые возможности для отказа в постановке на учет вновь выявленных археологических объектов, что дает право застройщикам на законном основании начинать земляные работы без предварительных раскопок или археологического сопровождения.

Исправить ситуацию возможно единственным способом — поставить на учет как выявленный объект культурного наследия исторический культурный слой раннего Петербурга.

Литература

Аветиков и др. 2011 — *Аветиков А. А., Александров С. В., Боковенко Н. А., Ёлишин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стёганцева В. Я.* Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюл. ИИМК. 2011. № 2. С. 15–34.

Базарова и др. 2010 — *Базарова В. И., Бобкова А. А., Васильев Ст. А., Воротинская Л. С., Городилов А. Ю., Екимова А. А., Илюхина О. М., Ластовский А. А., Мурашкин А. И., Никитин М. Ю., Соловьёва Н. Ф., Суворов А. В., Хребтикова К. С., Шаровская Т. А.* Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 165–174.

Всемирное наследие 1999 — Всемирное культурное и природное наследие. Документы, комментарии, списки объектов // Ю. А. Веденин и др. (ред.). М.: Российский НИИ культуры и природного наследия, 1999. 340 с.

Городилов, Седых 2014 — *Городилов А. Ю., Седых В. Н.* Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 379–386.

Грач 1957 — *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 88 с.

Закон № 73-ФЗ — Закон Российской Федерации от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Закон Санкт-Петербурга 2009 — Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга”» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга от 4.03.2009 г. № 7/1 (608/1).

Казарницкий, Широбоков 2014 — *Казарницкий А. А., Широбоков И. Г.* Результаты антропологического исследования скелетных останков из матерпалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул. // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 387–396.

Кильдюшевский, Петрова 2011 — *Кильдюшевский В. И., Петрова Н. Е.* Находки захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости // Волков С. (сост.). Красный террор в Петрограде. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 477–503.

Лапшин, Глухов 2013 — *Лапшин В. А., Глухов В. О.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году (раскоп 2) // Бюл. ИИМК. 2013. № 3. С. 35–40.

Лапшин, Городилов 2013 — *Лапшин В. А., Городилов А. Ю.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Там же. С. 25–34.

Лапшин и др. 2010 — *Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Городилов А. Ю., Мурашкин А. И., Садыков Т. Р., Соловьёва Н. Ф.* Колокольня Смольного монастыря // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 147–150.

Лапшин и др. 2011 — *Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Соловьёва Н. Ф.* Исследование основания колокольни Смольного монастыря // Бюл. ИИМК. 2011. № 2. С. 135–144.

Лапшин и др. 2013 — *Лапшин В. А., Михайлов К. А., Гарбуз И. А., Новосёлова Н. Ю., Фурасьев А. Г.* Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом // Бюл. ИИМК. 2013. № 3. С. 73–94.

Лапшин, Тарабардина 2014 — *Лапшин В. А., Тарабардина О. А.* Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения на материалах раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным пр. (2012 г.) // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 405–408.

Лебедев 1996 — *Лебедев Г. С.* Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект) // *Archaeologia Petropolitana*. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 1. С. 10–19.

Михайлов и др. 2011 — *Михайлов К. А., Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологические работы в квартале между Смольным проспектом, Тульской и улицей Бонч-Бруевича // Бюл. ИИМК. 2011. № 2. С. 145–172.

Михайлов, Соловьёв 2014 — *Михайлов К. А., Соловьёв С. Л.* Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 102, лит. А в 2013 г. // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 127–132.

Никитин 2010 — *Никитин М. Ю.* Геологическое строение и палеогеографическая интерпретация разреза Охтинской стрелки // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 151–164.

Новосёлов, Михайлов 2014 — *Новосёлов Н. В., Михайлов К. А.* Архитектурно-археологические исследования Скорбященской церкви в Санкт-Петербурге // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 133–144.

Плоткин 2010 — *Плоткин К. М.* Правовые основы охраны археологического наследия Санкт-Петербурга // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 11–42.

Положение... 2013 — «Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85.

Семёнов 2013 — *Семёнов С. А.* Археологические исследования территории бывшего «Литовского замка» на набережной Мойки в 2012 г. // Бюл. ИИМК. 2013. № 3. С. 95–136.

Семёнов и др. 2014 — *Семёнов С. А., Соловьёва Н. Ф., Васильев Ст. А., Фурасьев А. Г.* Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). Исследования 2013 г. // Бюл. ИИМК. 2014. № 4. С. 145–170.

Шитов и др. 2010 — *Шитов М. В., Арсланов Х. А., Бискэ Ю. С., Плешивцева Э. С., Сумарёва И. В.* Голоценовая толща Охтинского мыса: стратиграфия и условия формирования // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 181–195.

**PROBLEMS OF CULTURAL LAYER PROTECTION
IN URBAN METROPOLITAN CONDITIONS
(WITH PARTICULAR REFERENCE TO ST. PETERSBURG)**

V. A. LAPSHIN, N. F. SOLOVYOVA

Keywords: *archaeology of Modern Age, St. Petersburg, cultural layer protection.*

Archaeology of the Modern Age has long been on the periphery of researchers' attention. Using recent excavations as an example, the paper demonstrates that archaeology is able to provide a lot of new historical data even for an object whose past is replete with written sources of information, as is the case with St. Petersburg. Particular attention is drawn to the problems associated with the protection of cultural layer in a dynamic and rapidly developing metropolis.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА В ТУВЕ В 1999–2012 гг.¹

С. Н. АСТАХОВ²

Ключевые слова: *палеолит Тувы, этапы изучения, Саяно-Тувинская экспедиция, ашель, мустье.*

Статья посвящена изложению итогов работ по палеолиту в Туве на протяжении последнего времени. После завершения деятельности Саяно-Тувинской экспедиции изыскания по древнекаменному веку проводились эпизодически. В 1999 г. экспедиция под руководством А. П. Деревянко посетила нижнепалеолитические пункты на юге республики. В 2000 г. автором велось обследование известных местонахождений на Хемчике с геодезической привязкой памятников. В 2011 г. совместно с Х. Като (Япония) автором была проведена разведка по Каа-Хему, Чадану и Хемчику, а в 2012 г. — изучена долина р. Эрбек. При этом был открыт ряд памятников, относящихся к среднему палеолиту.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-171-174

Процесс познания древнейшего прошлого Тувы, ранее известной в России как Урянхайский край, был, конечно, связан с историей изучения этой страны. В отличие от Сибири в целом Тува довольно поздно привлекла внимание ученого сообщества России и длительное время была действительно *terra incognita* (Астахов 2008). Примечательно, что палеолит в Сибири, на Енисее был обнаружен И. Т. Савенковым еще в 1884 г., а в Туве — только через 40 лет, когда в 1924 г. С. А. Теплоухов нашел первые позднепалеолитические изделия. Следующие 40 лет также были временем находок случайных единичных изделий и только одной выразительной позднепалеолитической стоянки, изученной С. И. Вайнштейном (Вайнштейн 1957).

Лишь в период с 1965 по 1992 г. (а эпизодически — и позже) автором и другими сотрудниками палеолитического отряда Саяно-Тувинской (с 1985 г. — Тувинской) экспедиции ЛОИА АН СССР проводились целенаправленные многолетние интенсивные работы по поиску и изучению памятников каменного века.

Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР (далее — СТЭАН) была создана в связи с началом строительства Саяно-Шушенской ГЭС на Енисее с основным водохранилищем в Туве (Астахов 2008). Эта крупнейшая в те годы в стране экспедиция

---

¹ Исследование проведено по программе ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

была организована А. Д. Грачом с помощью нескольких коллег — С. Н. Астахова, С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова, Ю. И. Трифонова, Я. А. Шера. А. Д. Грач спланировал и успешно руководил работой шести отрядов с 1963 по 1972 г. В силу ряда обстоятельств он был отстранен от экспедиции, а меня (как тогда полагали, на один сезон) поставили временно исполнять обязанности начальника экспедиции вместо заболевшего А. Д. Грача. Я руководил СТЭАН с 1973 по 1984 г., пока не были завершены исследования ложа водохранилища и объектов, связанных с Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС. В 1985 г. оставшиеся от СТЭАН отряды С. Н. Астахова, Вл. А. Семёнова и Э. У. Стамбульник заведующий ЛОИА АН СССР В. М. Массон объединил в Тувинскую экспедицию. В приказе № 41 по ЛОИА АН СССР от 10 апреля 1985 г. было указано: «Подразделения, продолжающие вести работы в Туве с разными источниками финансирования, объединить в Тувинскую археологическую экспедицию. Назначить ее начальником к. и. н. С. Н. Астахова» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35. Оп. 6. Д. 434. Л. 41). Руководство, как и ранее, предполагавшее обеспечение функционирования экспедиции — легло на меня, реально до 1993 г.

В результате работ СТЭАН и Тувинской экспедиции в 1965–1992 гг. палеолитическим отрядом (отряд № 3) было найдено и изучено около полутора сотен палеолитических объектов, не считая более поздних, мезолитических и неолитических. Как и в Монголии, в Туве преобладают стоянки особого типа — с залеганием каменного инвентаря на поверхности подходящих различных форм рельефа: террас, склонов холмов, конусов выноса, хребтов и даже перевалов. К счастью, были и исключения. Была обнаружена мезолитическая стоянка в отложениях террасы с сохранившимся культурным слоем и очагами — Усть-Хемчик 3, открыто и изучено жилище (чум) на стоянке Нижний Иджир 1, датированное по углю $17\,000 \pm 70$ л. н. Но основной объем материалов — более полутора ста комплексов каменных изделий — мог быть проанализирован, классифицирован и датирован только с использованием технико-типологического анализа, степени коррозии и данных геоморфологии.

В результате были выделены памятники позднего палеолита с двумя вариантами индустрий и пласт среднего палеолита, также с относительной хронологической привязкой и двумя типами индустрий. И что особенно важно — найден древний палеолит с ашельскими бифасами, что позволяет предполагать заселение территории еще предшественниками *Homo sapiens*. Таким образом были определены вероятные связи и истоки первоначального заселения Тувы в среднем плейстоцене. В итоге было в значительной степени закрыто белое пятно эпохи палеолита в Центральной Азии.

Памятники каменного века Тувы опубликованы в ряде статей и в монографии автора (Астахов 2008), а результаты исследований были доложены на разных конференциях.

В следующее десятилетие я принимал участие в рекогносцировочных исследованиях, производимых другими экспедициями. Прежде всего надо указать на экспедицию академика А. П. Деревянко (Деревянко и др. 1999), которой были обнаружены новые группы средне- и раннепалеолитических памятников на юге Тувы. Кроме того, дополнительно собраны бифасы и иные изделия на ранее известных пунктах Торгалык А, Б и др. Среди обычных изделий среднего палеолита на одном из пунктов ($51^{\circ} 39' 72,5''$ N и $94^{\circ} 52' 21,4''$ E) было найдено сильно корродированное орудие с носиком, которое может относиться к нижнему палеолиту. Конечно,

требуются специальные разведки для получения более веских доказательств, но, учитывая изделия из пункта Телль 1 на р. Тес-Хем ($50^{\circ} 30' 50,9''$ N и $94^{\circ} 45' 23,5''$ E) и относительно доступный проход на север, можно предположить проникновение человека в среднем плейстоцене вплоть до Центральной Тувы (долины рек Каа-Хем и Улуг-Хем).

В 2000 г. для уточнения созданной ГИС-базы С. Н. Астаховым, С. А. Васильевым, К. Оримо и И. У. Самбу были проведены обследование и фиксация расположения стоянок с использованием современных средств навигации. В 2001 г. Вл. А. Семёнов изучал первую в регионе позднепалеолитическую пещерную стоянку (Астахов 2009).

Лишь в 2011 г., благодаря гранту профессора Университета Саппоро Х. Като (Kato et al. 2013), автору удалось осмотреть новые районы, в том числе часть долин рек Чадана, Хемчик и Каа-Хем. В Дзун-Хемчикском р-не выявленные археологические памятники расположены на разных уровнях террас правого берега р. Чадана. Были найдены и обследованы пункты Баян-Тала 1–4. Среди изделий здесь преобладали отщепы, но в коллекции Баян-Тала 4 имеется массивный пик, комбинированное скребло-резец и леваллуазский отщеп (острие?) с ретушированной площадкой типа *chapeau de gendarme*. В сборах с Баян-Тала 3 представлено дисковидное ядрище на плоской гальке. Пункты могут быть отнесены к среднему палеолиту. В Барун-Хемчикском р-не на правом берегу р. Хемчик были найдены пункты Дон-Терезин 1 и 2. В инвентаре последнего, помимо отщепов, есть кливер.

В Каа-Хемском р-не стоянки расположены на правом террасированном борту Каа-Хем, рассеченном притоками с севера, с Тоджи. Найдены пункты Хая-Бажи 1, Суг-Бажи 1 и 2, Бурен-Хем 1. В немногочисленных коллекциях преобладали отщепы, пластины и нуклеусы, принадлежащие позднему и среднему палеолиту. В коллекции пункта Суг-Баджи 1 имеется галечное орудие с оббитым краем и выделенным острием, а также еще одно галечное, сильно корродированное орудие с носиком, образованным боковыми клетонскими выемками.

Последние по времени исследовательские работы в Туве проводились в 2012 г. С. Н. Астаховым и П. Е. Нехорошевым в составе Тувинской экспедиции. Изучена южная часть долины р. Эрбек. К среднему палеолиту можно отнести пункт Эрбек 1 ($57^{\circ} 43' 46,6''$ N и $94^{\circ} 11' 30,5''$ E) на правом берегу, в 9 км от устья. Немногочисленные каменные изделия лежали на поверхности террасы высотой 12–14 м над руслом реки. Под тонким слоем суглинка основное тело террасы сложено галечником с валунами. Изделия залегали на поверхности почвы, иногда частично погружаясь в нее.

Коллекция невелика, однако представлены: острие с обломанным кончиком на леваллуазском отщепе с подправленной площадкой и крутой ретушью левого края; два выпуклых скребла на плоских гальках; крупный одноплощадочный нуклеус на плоской плитке; выемчатое орудие; скол с единичными выемками; чоппинг; два чоппера с носиком и три чоппера. Техника изготовления и типология позволяют отнести комплекс к среднему палеолиту, можно указать на отличие его от саглыньских и торгалыкских леваллуа-мустьерских комплексов, в которых чопперы единичны. Для более обоснованного вывода требуется дополнительное изучение региона.

Открытие новых древнепалеолитических и мустьерских комплексов в северной части Тувы позволяет ставить вопрос о расширении границы распространения

неандертальцев далее к востоку. Это пока только предположение, тем более что открытие в Денисовской пещере на Алтае нового вида *Ното* указывает на необходимость увеличения массива древне- и среднепалеолитических комплексов в Туве для сравнения с хорошо датированными алтайскими.

Литература

Астахов 2008 — Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История, 2008. 178 с.

Астахов 2009 — Астахов С. Н. Древний каменный век Республики Тыва (итоги изучения и перспективы исследования) // Нурзат У. Б. (сост.). Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г. Кызыл: Коммерческий центр образования «Аныяк», 2009. Ч. 1. С. 34–39.

Вайнштейн 1957 — Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Туве в 1955 // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1957. Вып. 4. С. 36–38.

Деревянко и др. 1999 — Деревянко А. П., Астахов С. Н., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Гладышев С. А., Катцуня О., Кудрявцев В. И. Исследования палеолитических памятников в Туве // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 89–93.

Kato et al. 2013 — Kato H., Naganuma M., Suzuki K., Astakhov S. N., Makarov S. S., Hirasawa Yu. Paleolithic materials found in Tuva Republic, Russian Federation // Известия Иркутского ГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2. С. 112–122.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 6. Д. 434.

PALEOLITHIC STUDIES IN TUVA IN 1999–2012

S. N. ASTAKHOV

Keywords: *Paleolithic, Tuva, stages of research, Sayano-Tuvinskaya Expedition, Acheulean, Mousterian.*

The paper describes the main results of Paleolithic studies that were conducted in Tuva from 1999 through 2012. There have been only occasional studies of Paleolithic after the Sayano-Tuvinskaya Expedition ceased its works. In 1999 an expedition headed by A. P. Derevianko visited Lower Paleolithic occurrences in the south of the republic. In 2000 the author studied the Paleolithic sites of the Khemchic river. In 2011 the author jointly with H. Kato (Japan) carried out a reconnaissance in the Kaa-Khem, Chadan and Khemchic valleys, and in 2012 in the Eerbek valley, which resulted in the discovery of a number of Middle Paleolithic sites.

ПАМЯТИ И. Б. БРАШИНСКОГО. К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: *история науки, античная археология.*

Статья посвящена описанию жизненного пути и пути в науке выдающегося советского археолога и антиковеда И. Б. Брашинского (1928–1982).

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-175-181

5 мая 2018 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Иосифа Беньяминовича Брашинского. Сразу надо сказать, что к этому солидному возрасту он даже не приблизился, уйдя из жизни немного не дожив до 54 лет. Эта смерть стала огромной трагедией для родных и близких, а также тяжелейшей потерей для археологии нашей страны. Неудивительно, что заслуг Иосифа Беньяминовича перед наукой, особенно в изучении античной торговли, никто не ставил и не ставит под сомнение. Подтверждением этого, в частности, служат чтения, посвященные его памяти, прошедшие в ИИМК РАН в феврале 2009 г. (Виноградов 2009б), а также статьи о нем и его научных достижениях, его методике подхода к изучению массового археологического материала и т. д., время от времени появляющиеся на страницах различных изданий (Щеглов 1984; Доманский, Марченко 1996; Марченко 2009; Фролов 2009; Виноградов 2013а).

Несколько слов о биографии И. Б. Брашинского. О его родителях мы, к сожалению, до недавнего времени ничего не знали — в Научном архиве ИИМК об этом нет ни единого слова. Имеющиеся документы сообщают, что будущий археолог происходил из семьи служащих. Известно также, что родился он в Таллине — столице независимой буржуазной Эстонии, где в 1935 г. пошел в первый класс. Обычно считается, что в 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, семья Брашинских была эвакуирована из Эстонии в село Кильмезь Кировской обл., где молодой человек продолжил обучение в средней школе. Об этом свидетельствуют официальные документы, а в действительности все было далеко не так.

Совсем недавно дочь Иосифа Беньяминовича — Наталия Иосифовна, проживающая ныне в Нью-Йорке, сообщила нам, что Брашинские были очень богатой семьей (см. ее статью в этом томе «Записок»). Маленький Иосиф получил прекрасное

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

образование, он знал несколько языков (эстонский, английский, немецкий, русский и др.) Никакой эвакуации Брашинских из Таллина в 1941 г. не было, поскольку вся семья была выслана из Эстонии еще 18 июня 1941 г., то есть за 4 дня до начала войны. Иосиф с бабушкой проживал в Кировской обл. Понятно, что ссылка и все, что было с ней связано, оставила в его сердце глубочайшую рану.

Закончив местную школу, И. Б. Брашинский работал методистом культпросветработы в районном доме культуры, а также заведовал библиотекой тамошней средней школы. В 1945 г. ему исполнилось 17 лет; в Эстонию он вернулся на следующий год, но не в родной Таллин, а в город Пярну, где работал комендантом в штабе МПВО МВД Эстонии.

В 1947 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского гос. университета, а в 1952 г. с отличием закончил обучение. Тогда уже определилась главная цель его жизни — изучение античной цивилизации, ее истории и культуры. Естественно, основной вектор этих интересов был связан с древнегреческими государствами Северного Причерноморья, прежде всего Ольвией и Боспорским царством. Он принадлежал к кругу, так сказать, «птенцов гнезда Гайдукевича», будучи, как сейчас стало вполне очевидно, одним из самых талантливых учеников Виктора Францевича. В археологических экспедициях он начал трудиться с 1949 г. По его собственным словам, проблемами экономической истории Боспорского государства заинтересовался в 1950 г. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 12. Л. 22), то есть еще в студенческие годы.

После окончания университета жизнь складывалась не просто. В 1952–1953 гг. Иосифу Бенъяминовичу пришлось поработать преподавателем истории и Конституции СССР в Ломоносовской школе механизации сельского хозяйства, затем до 1954 г. он преподавал логику и психологию в средней школе № 236 г. Ленинграда, далее — до 1956 г. преподавал историю в школе № 242.

Первая публикация И. Б. Брашинского увидела свет в 1955 г. Автору тогда было 27 лет, но он сразу заявил о себе как о крупном ученом. Это была статья «К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.», вышедшая в «Вестнике древней истории» (Брашинский 1955). Она до сих пор очень востребована, хотя в верности основного вывода (Нимфей не входил в Афинский морской союз) Иосиф Бенъяминович, как мне помнится, к концу жизни стал сомневаться. Он принадлежал к не столь широкому кругу исследователей, которые, так сказать, не «стояли до конца», защищая свои научные концепции. От некоторых из них И. Б. Брашинский отказывался, когда к тому вынуждали новые археологические и прочие материалы. Но не в этом дело!

Лишь в августе 1956 г. он стал научно-техническим сотрудником ЛОИА АН СССР, с апреля 1958 г. — старшим лаборантом, с марта 1960 г. — младшим научным сотрудником. На этом научный путь И. Б. Брашинского вполне определился. В 1958 г. он был награжден медалью «В память 250-летия Ленинграда». Были и такие времена...

В феврале 1959 г. И. Б. Брашинский успешно защитил кандидатскую диссертацию «Афины и Северное Причерноморье в VI–IV вв. до н. э.». Его оппонентами были видные ученые — В. В. Струве и Д. Б. Шелов. В обсуждении диссертации приняли участие многие крупные ученые того времени. Стоит кратко упомянуть хотя бы некоторые из выступлений на защите, поскольку они в высшей степени любопытны. В. Ф. Гайдукевич приветствовал работу И. Б. Брашинского, «как попытку

дать обзор всего материала и сведение его в целостную систему» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 12. Л. 41), но заявил, что в ней нет ничего нового. Он осудил диссертанта за гиперкритицизм в отношении возможности вхождения северопричерноморских полисов в состав Афинского союза. Странно при этом, что сам Виктор Францевич был сторонником именно этой концепции, но, как видим, в дискуссиях такого рода все средства хороши.

Д. П. Каллистов тоже заявил, что «у нас нет оснований в категорической форме говорить, что черноморские города не входили в Афинский союз» (Там же. Л. 50). Свою речь он закончил следующими словами: «Я считаю, что Вы (Иосиф Беняминович. — Ю. В.) очень способный и даже талантливый человек, обладающий и логикой, и знанием, но, с моей точки зрения, эта Ваша работа написана ниже Ваших возможностей. Она, с моей точки зрения, вкладом не является» (Там же. Л. 61). Вот таковы были мнения двух маститых ученых!

М. И. Максимова несколько остудила пыл первых выступивших, признав, что «Иосиф Бениаминович имеет полное право выступать со своими соображениями, которые вносят много интересного в разрешение этого вопроса», то есть вопроса о взаимоотношениях причерноморских греческих государств и Афинского морского союза (Там же. Л. 65). Т. Н. Книпович тоже констатировала: «Работа Иосифа Бениаминовича не производит впечатления работы, не заслуживающей той степени, на которую она претендует» (Там же. Л. 68). Суть дискуссии удачно, на мой взгляд, завершила К. М. Колобова: «Очень хорошо, что Иосиф Бениаминович взял такую тему, очень хорошо, что здесь разгорелась такая дискуссия, ибо мне кажется, что там, где происходит спор, — там всегда наука в той или иной мере движется вперед» (Там же. Л. 77).

Итоги голосования: 14 голосов — «за», 3 — «против» (Там же. Л. 109). Об авторстве двух из трех «черных шаров» нетрудно догадаться (скорей всего, это были В. Ф. Гайдукевич и Д. П. Каллистов), с третьим все сложнее. В общем, Иосиф Беняминович получил искомую степень. С. И. Капошина поздравила диссертанта с этим событием от всей Группы античной археологии ЛОИА и под аплодисменты присутствовавших в зале вручила ему подарок — корзину цветов и портфель (Там же. Л. 89).

Напомню, что книга по диссертации была опубликована Иосифом Беняминовичем, что у нас случалось не так часто, это произошло через 4 года после защиты (Брашинский 1963), в связи с чем автор получил премию в 100 руб. (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 400. Л. 14), это поменьше тогдашнего месячного оклада мл. науч. сотр. Отмечу, что за книгу о греческом керамическом импорте на Нижнем Дону, увидевшую свет в 1980 г. (Брашинский 1980), он получил премию всего в 70 руб. (Там же. Л. 50). Ценность научных трудов в Советском Союзе, как видим, за 20 лет заметно упала.

В среднем у И. Б. Брашинского выходило по пять публикаций в год (а то и много больше!), при этом не жалких тезисов, а крупных статей в «Вестнике древней истории» или «Советской археологии». В 1968 г. Иосиф Беняминович был переведен на должность старшего научного сотрудника с окладом 280 руб. (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 400. Л. 24). В 1978 г. (И. Б. Брашинскому тогда было 50 лет) число его публикаций достигло 121. Через 2 года — 136! В этом отношении никто из наших античников того времени с ним сравниться не может! Конечно, сейчас

Рис. 1. И. Б. Брашинский
в 1960-е гг.

Fig. 1. I. B. Brashinsky in 1960-ies

возможностей для публикаций стало несравнимо больше, но и качество современных публикаций, как мне кажется, сильно упало.

В 1966 г. И. Б. Брашинский возглавил Южно-Донскую экспедицию ЛОИА, ведя исследования Елизаветовского городища, одного из крупнейших скифских поселений городского типа, а также его курганного некрополя. Здесь были сделаны замечательные открытия. Их результаты нашли отражение в ряде статей (Брашинский, Марченко 1978; 1980), монографии «Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э.» (Брашинский 1980), а также еще в одной небольшой книге, подготовленной совместно с К. К. Марченко и изданной в 1984 г. в Мюнхене (Brašinskij, Marčenko 1984). В особенности отрадно

то, что традиции, заложенные тогда на Елизаветовском городище, живут в трудах учеников Иосифа Беняминовича.

В этом отношении необходимо особо отметить, что И. Б. Брашинский был очень хорошим преподавателем. Начиная с 1963 г. он читал спецкурсы на историческом факультете ЛГУ. Это были спецкурсы по истории Северного Причерноморья в античное время, экономической истории античного Причерноморья, античной керамике и, конечно, керамической эпиграфике. В высшей степени замечательны его научно-популярные книги: «Сокровища скифских царей» (Брашинский 1967б) и «В поисках скифских сокровищ» (Брашинский 1979). Последняя была издана в Японии в 1982 г. Сейчас ее предполагается переиздать у нас. И это неудивительно — ничего лучшего, рассчитанного на широкого читателя, пока просто не имеется.

С начала 1970-х гг. лицо ленинградской античной археологии в значительной мере стали определять, фигурально выражаясь, «три мушкетера» новой археологии — И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко (Виноградов 2009а: 28; 2013б: 177). Вне всякого сомнения, Иосиф Беняминович был лидером в этой замечательной группе.

Нацеленность на поиск нового знания хорошо выражена даже в заголовках некоторых публикаций И. Б. Брашинского. Их стоит назвать: «Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья» (Брашинский 1965), «Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии» (Брашинский 1966а), «Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике» (Брашинский 1966б), «Новые данные о торговле Ольвии с Самосом» (Брашинский 1967а), «Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии» (Брашинский 1968), «Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону» (Брашинский 1970) и т. д. Обращу ваше внимание и на огромный интерес автора к зарубежным исследованиям и исследователям.

Иосиф Беняминович был по-настоящему европейским ученым. Он внимательно следил за публикациями зарубежных коллег, с некоторыми из которых поддерживал переписку. Более того, он стремился к тому, чтобы представители молодого поколения, появившиеся тогда в Группе античной археологии, не просто читали зарубежные издания, а время от времени делали доклады с обзорами наиболее значимых публикаций.

С 1965 по 1968 г. И. Б. Брашинский был ученым секретарем Комиссии по международным связям ЛОИА. Но с зарубежными поездками в Советском Союзе все было очень непросто. Человек, не вошедший, так сказать, в «обойму» абсолютно верных, сделать это практически никак не мог. К примеру, в 1963 г. Иосиф Беньяминович планировал поехать в турпоездку во Францию для участия в VIII Международном конгрессе по классической археологии в Париже (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 400. Л. 13). Поездка, как вы понимаете, не состоялась. Помнится, что во второй половине 1970-х гг. он пытался организовать специализированную туристическую поездку археологов ЛОИА по античным памятникам Турции. Как бы это было замечательно — увидеть Трою, Милет, Смирну, Эфес... Но ничего из этого не вышло!

Известная поговорка гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Назову некоторых из друзей Иосифа Беньяминовича — Эдуард Давыдович Фролов, Никита Виссарионович Шебалин, Александр Николаевич Щеглов, Константин Константинович Марченко, Дмитрий Борисович Шелов, Юрий Германович Виноградов, Пётр Осипович Карышковский, конечно, Элеонора Викторовна Яковенко, Нона Леонидовна и Александр Данилович Грачи, Ксения Сергеевна Горбунова и др. Не правда ли, блестящий ряд людей, составивших гордость отечественной науки. Стоит ли задаваться вопросом: «Скажи мне, кто твой враг...». В общем, стоит, но я не буду этого сейчас делать. Всем ясно, что ранняя смерть ученого была связана с их, увы, неутомимой деятельностью.

Официальная характеристика, датированная 6 января 1982 г., гласит: «И. Б. Брашинского отличает многосторонность научных интересов. В поле зрения его исследований лежат проблемы контактов Северного Причерноморья с центрами Восточного Средиземноморья, вопросы античной эпиграфики, особенно керамической эпиграфики, история археологических исследований скифских курганных комплексов, проблемы политической истории государств Северного Причерноморья. Особое внимание И. Б. Брашинский уделяет проблемам греко-варварских взаимодействий в Причерноморье и коренным вопросам античной торговли» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 400. Л. 64). Все это полностью отвечает действительности. Далее в характеристике говорится: «Особое внимание И. Б. Брашинский уделяет разработке методов исследования античной торговли. Итогом многолетнего труда в этом направлении явилась подготовленная им докторская диссертация «Проблемы и методы исследования античной торговли»».

О названной в характеристике докторской диссертации надо сказать особо. Она называлась «Проблемы и методы исследования античной торговли (по массовому археологическому материалу)». Автореферат был отпечатан в Москве в 1981 г. Монография «Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)» увидела свет уже после смерти автора (Брашинский 1984). Без преувеличения могу сказать, что эта книга стала классикой отечественной археологической науки.

Но вернусь к диссертации. Защищаться надо было ехать, естественно, в Москву, а Москва, как известно, «бьет с носка». Иосиф Беньяминович, конечно, опасался возможных, мягко говоря, недоразумений, поскольку незадолго до этого полным провалом закончилась защита секретаря парторганизации нашего Института А. Я. Щетенко. Некоторые друзья просили И. Б. Брашинского вообще не делать

этого или же отложить защиту на некоторое время. Другие же придерживались иного мнения. Д. Б. Шелов, к примеру, успокаивал его, говоря: «Все будет хорошо. Ведь ты же не Щетенко!».

Да, не Щетенко, но что из этого? Защита прошла в Институте археологии 26 февраля 1982 г. Несмотря на положительные отзывы оппонентов и ведущей организации (из многочисленных отзывов, присланных в Ученый совет Института археологии, отрицательным был всего один!), голосование прошло по нужному кому-то сценарию. Слишком многие из членов Ученого совета воздержались от голосования, и таким образом соискатель не набрал нужных 2/3 голосов (Фролов 2009: 219). Защита, таким образом, была провалена.

Весть об этой неудаче быстро дошла до Института, в Группе с волнением ждали возвращения Иосифа Беняминовича из Москвы. Его появление не заставило себя долго ждать. В Отдел вошел спокойный, абсолютно уверенный в себе, даже веселый человек. Но что творилось у него на сердце? — Можно лишь представить.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что И. Б. Брашинским был импульсивным и очень ранимым человеком, к его эмоциональному всплеску порой мог привести, казалось бы, ничего не стоящий эпизод или чьи-то случайно брошенные слова. А тут такое... Всем понятно, что столь несправедливый, предательский удар перенести спокойно было абсолютно невозможно, невысказано.

И он, этот удар, имел последствия. В феврале 1982 г. И. Б. Брашинский просил руководство ЛОИА перенести срок окончания плановой темы «Керамическая тара Гераклеи Понтийской» на I квартал 1983 г. «в связи с длительной болезнью», и его просьба была удовлетворена (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 400. Л. 65).

Перенести на I квартал 1983 г. ... Он не пережил и I квартала 1982-го... 25 апреля Иосифа Беняминовича не стало.

Вот такая жизнь. Очень короткая и очень содержательная, основной смысл которой заключался в служении археологической науке. Как много сделано на этом пути, а сколько бы еще могло быть сделано...

Литература

Брашинский 1955 — *Брашинский И. Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148–161.

Брашинский 1963 — *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1963. 176 с.

Брашинский 1965 — *Брашинский И. Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. Praha, 1965. 4. С. 89–110.

Брашинский 1966а — *Брашинский И. Б.* Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии // Болтунова А. И. (ред.). Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 47–52.

Брашинский 1966б — *Брашинский И. Б.* Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике // СА. 1966. № 2. С. 332–340.

Брашинский 1967а — *Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 22–26.

Брашинский 1967б — *Брашинский И. Б.* Сокровища скифских царей. Поиски и находки. М.: Наука, 1967. 128 с.

Брашинский 1968 — *Брашинский И. Б.* Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии // *Archeologia*. 1968. 19. С. 45–60.

Брашинский 1970 — *Брашинский И. Б.* Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону (по материалам Елизаветовского городища и могильника) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 12–18.

Брашинский 1979 — *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979. 144 с.

Брашинский 1980 — *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 297 с.

Брашинский 1984 — *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.

Брашинский, Марченко 1978 — *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. 1978. № 2. С. 204–221.

Брашинский, Марченко 1980 — *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211–218.

Виноградов 2009а — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 7–36.

Виноградов 2009б — *Виноградов Ю. А.* Расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928–1982) // Там же. С. 212–213.

Виноградов 2013а — *Виноградов Ю. А.* Слово о двух советских археологах (И. Б. Брашинский и И. Г. Шургая) // Культурный слой. Нижний Новгород, 2013. Вып. 2. С. 201–214.

Виноградов 2013б — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Носов Е. Н. (ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Доманский, Марченко 1996 — *Доманский Я. В., Марченко К. К.* Слово о Иосифе Беньяминовиче Брашинском (1928–1982) // Копылов В. П. (ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 1996. С. 9–13.

Марченко 2009 — *Марченко К. К.* Иосиф Беньяминович Брашинский. Слово о товарище // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 221–224.

Фролов 2009 — *Фролов Э. Д.* Воспоминания об Иосифе Беньяминовиче // Там же. С. 214–220.

Щеглов 1984 — *Щеглов А. Н.* От редактора [И. Б. Брашинский (1928–1982)] // *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. С. 3–10.

Brašinskij, Marčenko 1984 — *Brašinskij I. B., Marčenko K. K.* Elizavetovskoje. Scythische Stadt im Don-Delta. München: Beck, 1984. 82 S.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 12. Оп. 5. Л. 400.

TO THE MEMORY OF I. B. BRASHINSKY. ON THE OCCASION OF THE 90TH BIRTH ANNIVERSARY

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *history of science, classical archaeology.*

The paper describes the life and scientific activity of the outstanding Soviet archaeologist and antiquity researcher I. B. Brashinsky (1928–1982).

НЕИЗВЕСТНОЕ О МОЕМ ОТЦЕ И СЕМЬЕ БРАШИНСКИХ

Н. И. БРАШИНСКАЯ

Мой отец, Иосиф Бенъяминович Брашинский, родился 5 мая 1928 г. в Таллине в зажиточной буржуазной семье. Его родители, Бенъямин Лейбович Брашинский и Дора Иосифовна Левина, имели троих детей. Папа был старшим, Инна родилась в 1931 г., Рут — в 1936 г. История семьи Брашинских в Эстонии восходит к прадеду моего отца, Бенъямину Евсевичу Брашинскому, который, как и многие еврейские мальчики в XIX в., был забран из гродненской губернии в армию кантонистом. Евреи, согласно указу императора Николая I, подлежали призыву с 12 лет. Когда Бенъямин Брашинский был призван в армию, мы точно не знаем, но в Еврейском музее Таллина обнаружили документы, которые подтверждают, что в 1867 г. барабанщик унтер-офицерского звания, награжденный медалью за безупречную службу, был освобожден от военной службы и «записан с женою и сыном в ямбургское мещанство» (Ямбург — ныне Кингисепп), «с правом проживания по законным видам повсеместно, где пожелает, и с пенсией». Он выбрал Ревель (нынешний Таллин), где закончилась его служба в армии и где он уже обзавелся семьей. В его честь назвали моего деда, отца Иосифа Бенъяминовича.

Невестка бывшего унтер-офицера, моя прабабка, владела галантерейной фабрикой и магазинами тканей и галантереи в Ревеле. Один из магазинов располагался в прекрасном пятиэтажном жилом доме в самом центре города на улице Роозикрантси, который она построила для пятерых своих сыновей. Когда мы бывали в Таллине, папа всегда показывал мне этот дом.

Мой дед был младшим в семье. В еврейских семьях в те времена было принято давать образование старшим детям, младший же должен был помогать родителям в делах. Из маленького приказчика, бойко торгующего пуговицами и булавками, дедушка постепенно дорос до главного управляющего. Дед много ездил по делам в Европу и, обладая абсолютным слухом и феноменальной памятью, везде посещал оперу, которую обожал. По воспоминаниям моих тетюшек, он мог спеть любую известную оперу от увертюры до финала на языке оригинала, не владея ни этими языками, ни музыкальной грамотой. В 1920 г. Эстония стала независимым государством. Национально-культурная автономия, провозглашенная в Эстонии в 1926 г., позволяла еврейской общине Таллина сохранять национальные ценности — образование, культуру, религию. В семье отца говорили и на идише, и на европейских языках: эстонском, немецком, русском. Гувернантка разговаривала с детьми на английском. Планировалось, что папа будет учиться в Оксфорде. Как и все еврейские мальчики в общине, папа посещал хедер — начальную школу. В хедере велось преподавание или на хибру, или на идише. Он владел обоими.

Он был очень красивым ребенком, в 10 лет победил на конкурсе красоты среди еврейских мальчиков (рис. 1). Все это благополучие, все планы на будущее закончились в день подписания пакта Молотова–Риббентропа. В 1939 г. советские войска заняли Прибалтику. В 1940 г. с их помощью к власти пришли коммунисты. Сразу же была основана Эстонская Советская Социалистическая Республика. Дома, фабрики, магазины нашей семьи были конфискованы. Из прекрасной квартиры на ул. Роозикрантси папу вместе с родителями и сестрами переселили в старый деревянный дом моей бабушки, куда «сгрузили» и других ее родственников (в детстве, в 1950-х гг., я неоднократно останавливалась в этом доме и до сих пор помню его запахи).

Тогда уже всю шла Вторая мировая война, но многие евреи считали немцев культурной нацией и больше немцев боялись советских НКВДешников. В ночь на 14 июня 1941 г. (по воспоминаниям моих тетюшек — 21 июня) в дом моих родных пришел один из них; бабушке велели собрать самое необходимое, всю семью (это были многочисленные родные и двоюродные братья и сестры, с их мужьями, женами, детьми) отвезли на вокзал, погрузили в вагоны для перевозки скота и увезли на Урал. Так наша семья была выслана из Таллина и случайно спасена от Холокоста. Остальные родственники, оставшиеся в Эстонии, были уничтожены нацистами.

Женщин и детей отправили на поселение в маленький таежный поселок Кильмезь (Вятская обл.). Мужчины оказались в ГУЛАГе, на лесоповале. Папе было 13 лет, он стал главным мужчиной и добытчиком в семье. Из места ссылки бабушка вернулась в 1947 г., она дожидалась в Кильмези, пока из лагеря вернется дед. Папа поехал поступать в ЛГУ, хотя поначалу хотел стать дипломатом и поступать в МГИМО, ведь он знал много иностранных языков, но понял, что сына врага народа будут проверять особенно тщательно, и не решился на это. Остальные сосланные родственники уехали в Пярну, поскольку проживание в Таллине им было запрещено.

Бабушка умерла от инсульта в 1949 г., тогда ей было 49 лет. Дед, испугавшись нового гонения на евреев, с младшей дочерью уехал в глухую деревню в Ростовской обл. Моя тетка вспоминала: «Когда в деревне начинали лаять собаки, днем или ночью, он, сжавшись в комок, низко приседал и обхватывал голову руками». Воспоминания о страшной лагерной жизни преследовали его до смерти! Дед умер в 1954 г. в Ростовской обл., где и похоронен.

Нелегкой была короткая жизнь моего любимого отца, красивого, талантливого, умного, образованного человека. Он не дожил нескольких дней до 54 лет.

Рис. 1. Иосиф Брашинский в детстве (около 1938 г.)

Fig. 1. Iosif Brashinsky as a child (ca. 1938)

ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. Б. БРАШИНСКОГО (1928–1982)

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

4 мая 2018 г. в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Иосифа Беняминовича Брашинского и приуроченное к 90-летию со дня его рождения. На заседании присутствовали сотрудники ИИМК РАН, Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа.

Иосиф Беняминович Брашинский отдал нашему Институту более четверти века, с 1956 по 1982 г. Здесь он в возрасте 31 года успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э.», позднее изданную в виде монографии (Брашинский 1963). Основной сферой его научных интересов были античная и скифская археология (Брашинский 1967; 1979), греческие керамические импорты (Брашинский 1980) и античная торговля в Северном Причерноморье (Брашинский 1984), лапидарная и керамическая эпиграфика. Как полевой археолог он принимал участие в раскопках Мирмекия, Илурата и Ольвии, а в 1966–1980 гг. руководил работой Южно-Донской экспедиции, исследовавшей Елизаветовское городище на Дону (Brašiniskij, Marčenko 1984).

Открыл и вел заседание, где был представлен ряд научных докладов и сообщений, заведующий Отделом истории античной культуры, д. и. н. В. А. Горончаровский, который приветствовал собравшихся и произнес вступительное слово, отметив большие заслуги И. Б. Брашинского перед отечественной археологией. С докладом «Слово об Иосифе Беняминовиче Брашинском» выступил д. и. н. Ю. А. Виноградов, изложивший основные факты биографии ученого, дополненные личными воспоминаниями, а также научные достижения исследователя с перечислением основных публикаций. Затем Наталья Иосифовна Брашинская в свою очередь поделилась воспоминаниями об отце, сообщив ранее неизвестные детали его жизненного пути, и поблагодарила всех присутствующих за сохранение памяти о нем. Далее д. и. н. И. Ю. Шауб сделал небольшое сообщение «Змееногая прародительница скифов и глубинная психология К. Г. Юнга», в котором отметил архетипичность и сходство змееногих образов на территории Скифии и других регионов древнего мира. С. В. Кашаев в докладе «Амфоры из некрополя Артющенко-2 (V–II вв. до н.э.)» представил различные типы керамической тары, обнаруженные как часть погребального инвентаря в захоронениях, детских погребениях и тризнах.

Доклад д. и. н. В. А. Горончаровского «Надгробная стела Басилида, сына Басилида (к вопросу об использовании римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков нашей эры)» был посвящен изображению римского шлема на рельефе второй половины I в. н. э. и находкам предметов римского вооружения на территории Боспора. Совместный доклад Н. А. Павличенко и Н. Ф. Федосеева «Новая надпись Герака сына Понтика, главного переводчика аланов» был связан с введением в научный оборот фрагментированной греческой надписи начала III в. н. э., найденной при раскопках одного из каменных склепов некрополя Кыз-Аул в 2016 г. В заключение сотрудник Государственного Русского музея, к. и. н. А. Е. Терещенко в сообщении «Этюд по нумизматике Северного Причерноморья III в. до н. э.» высказал свою точку зрения на причины почти одновременного появления в чеканке пяти северопричерноморских городов (Пантикапея, Феодосии, Херсонеса, Ольвии и Тире) изображения головы богини Афины.

После завершения научной части заседания В. А. Горончаровский поблагодарил всех выступавших и пригласил присутствовавших на заседании в Отдел истории античной культуры, где воспоминания о И. Б. Брашинском продолжились в неформальной обстановке.

Литература

Брашинский 1963 — *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 176 с.

Брашинский 1967 — *Брашинский И. Б.* Сокровища скифских царей. Поиски и находки. М.: Наука, 1967. 128 с.

Брашинский 1979 — *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979. 144 с.

Брашинский 1980 — *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.

Брашинский 1984 — *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.

Brašinskij, Marčenko 1984 — *Brašinskij J. B., Marčenko K. K.* Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta // *Materialen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. München: Verlag C. H. Beck, 1984. Bd 27. 82 s.

**ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ
В. И. ДЕНИСОВОЙ (ПРУГЛО) (1929–2016)**

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

24 ноября 2017 г. в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры РАН, посвященное памяти Виктории Ивановны Денисовой. На заседании, приуроченном к годовщине ее кончины, присутствовали сотрудники ИИМК РАН, Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа и других научных организаций.

В. И. Денисова (Пругло) в 1953 г. окончила Академию художеств СССР по специальности «теория и история искусства». С 1955 г. она работала в экспедициях ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) и долгое время была сотрудником Боспорской экспедиции. В 1972 г. В. И. Денисова стала младшим научным сотрудником ЛОИА АН СССР и два года спустя успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник», позднее опубликованную в виде монографии «Коропластика Боспора» (Л., 1981). Она была одним из авторов «Свода археологических источников СССР» (Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970), а также тома «Античные государства Северного Причерноморья» (М., 1984) в многотомном издании «Археология СССР». В сферу ее научных интересов входило, прежде всего, изучение античной культуры Северного Причерноморья. Кроме того, начиная с 1975 г. В. И. Денисова почти двадцать лет руководила работой Ольвийской экспедиции.

На заседании была представлена серия научных докладов и сообщений, посвященных воспоминаниям о В. И. Денисовой, а также различным аспектам античной археологии. Заседание вел председатель — заведующий Отделом истории античной культуры д. и. н. В. А. Горончаровский.

Первыми выступили д. и. н. Ю. А. Виноградов и д. и. н. И. Ю. Шауб (ИИМК РАН) с докладом «Слово о В. И. Денисовой». Они рассказали об основных этапах жизни Виктории Ивановны и поделились своими воспоминаниями о ней. В докладе была дана краткая характеристика основных результатов деятельности и научных достижений В. И. Денисовой.

Доклад на тему «Львиный курган в Керчи», посвященный уникальному археологическому памятнику, исследованному в Керчи в конце XIX в., сделал д. и. н. В. А. Горончаровский (ИИМК РАН). В докладе «Уникальные находки греческой архаической керамики на Немировском городище» к. и. н. М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН)

представила самые ранние образцы греческой керамики VII–VI вв. до н.э. из раскопок Немировского городища с описанием условий находки, подробной характеристикой и атрибуцией. В сообщении «Три погребения IV–V вв. н.э. на некрополе Артющенко-2» С. В. Кашаев (ИИМК РАН) рассказал об исследованных на грунтовом некрополе Артющенко-2 (Темрюкский р-н Краснодарского края) трех однотипных погребениях позднеантичного периода. Все они содержали останки взрослых мужчин, при которых найдены бронзовые пряжки и железные ножи. Два захоронения были ограблены в древности, в одном, не тронутым грабителями, обнаружена золотая гривна.

Сотрудник Государственного Русского музея, к. и. н. А. Е. Терещенко в сообщении «Монетные клады в могилах античного времени» высказал свою точку зрения на происхождение встречающегося на Боспоре обряда помещения в могилу нескольких монет. Сообщение «Внутриполитический кризис в России и античная археология Северного Причерноморья (1919–1923 гг.)» к. и. н. Е. В. Застрожной (Архив РАН) было посвящено сложностям жизни и работы отечественных археологов в период Гражданской войны.

После завершения научной части заседания В. А. Горончаровский поблагодарил всех выступавших и пригласил присутствующих в Отдел истории античной культуры, где воспоминания о В. И. Денисовой продолжились в неформальной обстановке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести. СПб.
АлтГУ	— Алтайский ГУ
АН	— Академия наук
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БелГУ	— Белгородский ГУ
БС	— Балтийская система высот
Бюл. ИИМК	— Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб.: ИИМК РАН
ВАС	— Всероссийский археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГАН	— Государственные академии наук
ГАС	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: НАН Беларусі, Ін-т гісторыі
ГИМ	— Государственный исторический музей. М.
ГМИИ	— Государственный музей истории искусств им. А. С. Пушкина. М.
ГУ	— Государственный университет
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ГЭС	— гидроэлектростанция
ЗИИМК	— Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА	— Институт археологии
ИАЭТ	— Институт археологии и этнографии СО АН СССР/РАН. Новосибирск
ИВИ	— Институт всеобщей истории РАН. М.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
ИИФиФ	— Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск
ИЛДТ	— Известия лаборатории древних технологий. Иркутск
ИРИ	— Институт Российской истории РАН. М.
КСИА	— Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.

КСИИМК	—	Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
Л.	—	Ленинград
ЛГУ	—	Ленинградский ГУ
ЛОИА	—	Ленинградское отделение ИА АН СССР
М.	—	Москва
МГ	—	магистратская группа
МГИМО	—	Московский государственный институт международных отношений
МГУ	—	Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ММК	—	Материалы международной конференции
ММНК	—	Материалы международной научной конференции
НА	—	Научный архив (Науковий архів)
НАН	—	Национальная академия наук
НАНУ	—	Национальная академия наук Украины
НГОМЗ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИЛ	—	Научно-исследовательская лаборатория
НКТ	—	Невская книжная типография
НОА	—	Научно-отраслевой архив
Пг.	—	Петроград
ПГУ	—	Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь
РА/СА	—	Российская/Советская археология. М.
РАИМК/ГА-ИМК	—	Российская/Государственная академия истории материальной культуры. Пг./Л.
РАН	—	Российская академия наук
РГАК	—	Российская государственная археологическая комиссия. Пг.
РГПУ	—	Российский государственный педагогический университет им. А. Герцена. СПб.
РМО	—	Российское минералогическое общество. СПб.
РО	—	Рукописный отдел
РФГ	—	ранняя фабрикантская группа
САИ	—	Свод археологических источников. М.
САЭ	—	Староладожская археологическая экспедиция
Сб. ст.	—	сборник статей
СГУ	—	Саратовский ГУ
СЛМ	—	Староладожский музей

СО	—	Сибирское отделение АН СССР/РАН
СПб.	—	Санкт-Петербург
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский ГУ
СПбГУКИ	—	Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
СПбДА	—	Санкт-Петербургская Духовная академия
СТЭАН	—	Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей
ТД	—	Тезисы докладов
ТДиС	—	Тезисы докладов и сообщений
ТКАЭЭ	—	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ	—	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
Тр.	—	Труды
ФНИ	—	Фундаментальные научные исследования
ФО	—	Фотоотдел
ФРГ	—	Федеративная республика Германия
ААЛ	—	Acta archaeologica Lundensia
BAR IS	—	British Archaeological Reports. International Series. Oxford
IA НАНУ	—	Институт археології Національної академії наук України. Київ
ИНМС	—	Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
RAS	—	Russian Academy of Sciences
UMCS	—	Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 18**

Верстка Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 22.10.2018. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,2. Тираж 300 экз. Заказ 923

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., дом 21, литера А,
помещение 9-Н, комната 19
Тел. +7(812) 643-0319
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

